

Культура

Алтайского края

№ 4

декабрь 2012

Поездки за рубеж не стали тем самым прорубленным «окном в Европу», а скорее явились небольшой отдушиной. Как бы то ни было, но история общения с заграницей выгодно расцветчивает творческую биографию Юлии Никитюк.

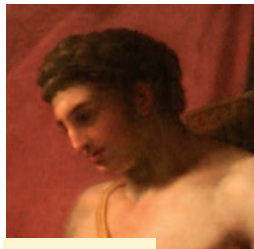
«Жажда жизни» — стр. 19.

**Юлия Никитюк.
Домский собор. 1998.
109x85. Холст, масло.**

Фото предоставлено
галереей «Кармин».

В номере:

стр. 41

Фрагмент картины
немецкого художника
Антон Рафаэля Менгса

ЯРКИЕ СОБЫТИЯ. ЗАМЕТНЫЕ ЛЮДИ

стр. 4 **СВОЯ ИСТОРИЯ** (Об итогах проекта «Алтайская деревня в рассказах ее жителей»)

СЛОВО

стр. 10 Светлана Козлова. **ТАЙЖАНЕ И ЧУДИКИ**

стр. 13 **КНИЖНЫЙ ИНСТИКТ** (Рецензии на книги К. Сомова, И. Образцова, А. Малыгиной)

стр. 34

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

стр. 16 Наталья Царева. **МУЗЕЙ В ТВОЕМ МОБИЛЬНОМ**

стр. 18 **ВЫСТАВКИ/ИЗБРАННОЕ** (Автор Дмитрий Золотарев)

стр. 24 Елена Дарюс. **ЗАВЕЩАЮ ИСКУССТВО** (О художнике Алексее Борисове)

ТЕАТР

стр. 26 **НА ДВА ГОЛОСА:** Олег Ковалев и Лариса Вигандт о театральной премьере «Три сестры».

стр. 30 Наталья Притупова. **А БЫЛ ЛИ МОЦАРТ?**

стр. 31 Наталья Притупова. **ПОТЕМКИ ЖЕНСКОЙ ДУШИ**

стр. 32 Наталья Чайкина. **ВРЕМЯ НЕМЕЛОДРАМЫ**

ГОД ГЕРМАНИИ В РОССИИ

стр. 34 Лилия Черкашина. **ТРУДАРМИЯ В ПОЭЗИИ**

стр. 36 Вольдемар Шпаар. **Г А В А Р И Т МОСКВА. НА ВЫРУБКЕ. СПЛОШНАЯ РУБКА.** Стихи

стр. 37 Лео Майер. **РАДИОПЕРЕДАЧА.** Стихотворение

стр. 37 Владимир Гердт. **НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ.** Стихотворение

стр. 38 Дмитрий Золотарев. **АНИМАЛИСТ МАКО**

стр. 40 Дмитрий Золотарев. **ЕЩЕ ОДНА МАШИНА ВРЕМЕНИ**

стр. 41 Наталья Царева. **ПРИМЕР СПРАВЕДЛИВОГО МОНАРХА**

НАСЛЕДИЕ

стр. 42 Вадим Бородаев, Аркадий Контев. **ДЕРЕВНЯ УСТЬ-БАРНАУЛЬСКАЯ**

стр. 44 **КАКИЕ ПАМЯТНИКИ ДЕЛАЮТ ПОГОДУ В БАРНАУЛЕ** (Материалы подготовила к печати Лариса Вигандт)

КИНО

стр. 48 Константин Гришин. **«ДОБРОЕ КИНО ВОЗВРАЩАЕТСЯ»** (Интервью с режиссером-кинодокументалистом Верой Уразовой)

стр. 30

ЛИТОТДЕЛ

стр. 50 Константин Гришин. **«МЫ БУДЕМ МЕТАТЬСЯ И МИФЫ ЧИТАТЬ...»** (Вступительная статья)

стр. 51 Константин Комаров. Стихи

стр. 52 Дмитрий Мухачев. Стихи

стр. 53 Иван Образцов. Стихи

стр. 54 Евгений Скрипин. **БОРИС КАПУСТИН** (Глава из книги «Барнаульские поэты без иллюзий»)

стр. 58 Александр Бутько. Стихи

стр. 59 Ольга Ермолаева. Стихи

стр. 60 Платон Беседин. **ЯБЛОКИ, ИЛИ ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЕВЫ**

стр. 62 Иван Жданов. **ПАМЯТИ ВЕРЫ ВОРСИНОЙ.** Стихотворение

QR-код на обложке

Узнай больше!

стр. 16

«КУЛЬТУРА АЛТАЙСКОГО КРАЯ»

№ 4 (8), декабрь 2012 г.
(журнал выходит
поквартально)

Учредитель журнала:

Краевое автономное
учреждение «Алтайский
дом литераторов».
Выпускается
при поддержке
Администрации Алтайского
края и управления
по культуре
и архивному делу.

Адрес редакции
и учредителя: 656049,
Алтайский край,
г. Барнаул,
ул. Короленко, д.73,
тел: 63-48-80, 24-48-30.
E-mail: ak.culture@mail.ru

редакционный
совет

Безрукова Е.Е.
(председатель совета)
Вигандт Л.А.
(главный редактор)
Галошин А.В.
Замятина Г.А.
Марьян Д.В.
Огнева Е.В.
Родионов А.М.
Уразова В.А.
Царева Н.С.

Дизайн, верстка — Четырина Н.П.
Корректор — Ляшко Н.Ю.
Печать: ОАО «Алтайский дом печати»,
656049, г. Барнаул,
ул. Б. Олонская, 28,
тел. (3852) 638761, 637971,
e-mail: zakaz@adp.alt.ru

Издание зарегистрировано в управлении
Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Алтайскому краю.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ТУ 22 – 0201
от 30 декабря 2010 года.

Основной тираж:
2000 экземпляров
Дополнительный тираж
500 экземпляров
напечатан при финансовой поддержке
следующих юридических лиц:
картинная галерея «Кармин»
кофе-холл «НРЕМ»
ООО фирма «РИАНД»
«Шторы от Кружевного бутлика»
рекламная группа «Продвижение»
общественный фонд
«История Алтайского края»

Дата выхода в свет:
25.12.2012

Журнал распространяется
бесплатно

Мнение редакции может
не совпадать с мнением автора.

Своя история

Творческий проект «Алтайская деревня в рассказах ее жителей» был инициирован губернатором нашего региона Александром Карлиным в начале 2012 года. В течение года проект развивался в двух направлениях — конкурсном и издательском. В настоящее время они удачно завершены. Конкурс выявил победителей. Книга издана.

ПОБЕДИТЕЛИ КРАЕВОГО КОНКУРСА «АЛТАЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В РАССКАЗАХ ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ»:

Взрослые участники:
Евгения Прокофьева,
 аспирант кафедры
 общего и исторического
 языкознания АлтГУ,
 1 место

Студенты:
Алексей Рыков,
 студент исторического
 факультета АлтГПА, 1 место
Дарья Алекса,
 студентка исторического
 факультета АлтГПА, 2 место
Анастасия Мазырина,
 студентка исторического
 факультета АлтГПА, 3 место.

Школьники:
Василина Пацунова,
 ученица Быстрианской
 средней школы Красногорского
 района, 1 место.
Алена Куимова,
 ученица
 Краснощепенской средней
 школы Краснощепенского
 района, 2 место.
Ирина Кульгускина,
 ученица Фунтиковской
 средней школы Топчихинского
 района, 3 место.

Идея «деревни в рассказах» встретила самый живой отклик.

Начало «историческому собирательству» положили в феврале этого года участники студенческого движения «Снежный десант». Восемнадцать студенческих отрядов побывали в 19 районах края, ребята опросили более 200 сельских жителей. Но рассказы, достойные страниц книги, сумели составить бойцы только из четырех отрядов. Это Виктория Гуляева и Софья Казанцева («Зверест», АлтГТУ им. И.И. Ползунова), Ирина Демидова и Юлия Дубова («Гольфстрим», АлтГУ), Елена Осокина и Ульяна Гущина («Буревестник», АГАУ), Валентина Брыкова, Степан Легенький, Всеволод Клещев, Инна Рыжкова («Белые медведи», АлтГТУ им. И.И. Ползунова).

Студентки Виктория Гуляева и Софья Казанцева записали рассказы Михаила Кирилловича Медведева из села Маралиха Краснощепенского района, который знает историю своего рода со времен восстания Пугачева, а это 1773–1775 годы. Найти сегодня респондента, способного вернуться к своим родовым истокам почти на два с половиной столетия назад, — большая удача.

Активными участниками конкурса стали студенты исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии

(АлтГПА) и филологического факультета Алтайского государственного университета (АлтГУ). Нужно сказать, что эта группа авторов — одна из самых подготовленных, и записи, привезенные ими с летней полевой практики, отличаются последовательностью и скрупулезностью.

Конкурс привлек внимание учителей, школьников, краеведов, музейных работников. С особой благодарностью хочется отозваться о педагогах, сумевших увлечь своих воспитанников темой устной истории. Это — Ирина Викторовна Кобзева, учитель истории Фунтиковской средней школы, Валентина Николаевна Витютнева, учитель из села Яготино Благовещенского района, Валентина Васильевна Ключева, учитель литературы из села Быстрианка Красногорского района. Работы их учеников были выполнены на достойном уровне и вошли в книгу.

На конкурс «Алтайская деревня в рассказах ее жителей» прислали свои работы около 90 авторов, самому младшему из них 13 лет, самому старшему — за восемьдесят. Все материалы были внимательно изучены членами жюри (Лидия Дмитриева, доктор филологических наук, профессор АлтГУ; Татьяна Щеглова, доктор исторических наук, профессор АлтГПА; Лариса Вигандт, главный редактор журнала «Культура Алтайского края»). Рассказы пятидесяти

ШУТТО КЛАРА ИОСИФОВНА

Родилась в 1926 году в Омске. Семья часто меняла место жительства, в том числе и в Алтайском крае. В настоящее время проживает в Рубцовске.

**Материалы предоставила
руководитель музея Чарышской средней
школы ЛЮДМИЛА БУШУЕВА**

Воспоминания Клары Иосифовны вполне могли составить основу отдельной книги в серии «Детская литература» — столь последовательно и интересно повествование. Рассказы дополнял дневник, который она вела в 10 классе, будучи ученицей Чарышской школы. Такие личные тетрадки были почти у каждой комсомолки 40–50-х годов. У Клары Иосифовны сохранилась только одна тоненькая тетрадь, фрагменты из которой знакомят нас с правильной, простосердечной и патриотичной десятиклассницей из 1943 года.

9 января 1943 года

Хочется оставить память о дорогой, милой школе. Ведь последний год. Впереди загадочное будущее.

1942 год. 9 класс Чарышской средней школы. В этом классе учились Клара Шутто (четвертая слева в четвертом ряду), Эрик Октябрь (справа крайний в верхнем ряду). Фото из музейного архива Чарышской средней школы.

Встречу ли я еще такой жизнерадостный коллектив. Хочется удержать время, но не найдешь такой силы, которая могла бы сделать это. Милая, дорогая школа, как я благодарна тебе за все, что ты мне даешь.

www.culture22.ru

Подробнее о конкурсе можно узнать на сайте управления Алтайского края по культуре и архивному делу.

авторов были рекомендованы жюри к публикации в книге. В этом номере нашего журнала мы публикуем некоторые работы.

Замысел проекта «Алтайская деревня в рассказах ее жителей» оправдал себя: мы увидели народную — без официальной выправки — историю нашей страны. Она предстала такой, какой ее понимает простой человек, алтайский крестьянин, и передает из уст в уста каждому последующему поколению своей семьи.

Деревенские жители рассказали о переселении предков на Алтай по Столыпинской реформе; о годах становления советской власти; о коллективизации; о детстве, пришедшемся на годы Великой Отечественной войны; о целинной эпохее; о своем отношении к перестройке. У каждого это была своя, личная, семейная история, которая, однако, естественным образом оказалась встроенной в глобальные историко-политические вехи России.

В простых крестьянских историях подспудно заложен извечный воспитательный код. В нем зашифрованы моральные и этические принципы, понимание и оценка народных характеров, отношение к власти и религии — все то, что в целом формирует особое народное мировосприятие и определяет опыт национального самоосознания.

Лариса Вигандт.

Шутто Клара Иосифовна.

Фото из музейного архива Чарышской средней школы.

10 января

Приходили Нина Травникова и Аза Плотникова. Поговорили об институтах. Стать студенткой — моя самая дорогая мечта.

11 января

...Мой любимый предмет — алгебра. Быстро проходит и жалко закрывать тетрадь, вернее не тетрадь, а несколько листов из старой книги. После уроков наша старшая пионервожатая Зоя Даниловна дает нам, вожатым, некоторые указания относительно планов... Пионерской комнаты нет, в школе холодно.

12 января.

...Осталась после уроков дежурить. Только сейчас пришла. Замерзла... Говорила с начальником штаба Ниной Малышевой. В отряде только два пионера имеют за четверть «плохо». Барабан в школе есть, так что теперь буду сбор проводить лучше. К четвергу нужно составить план работы с пионерами.

18 января.

Какой холод — 42 градуса! Из большой школы нас перевели в маленькую — начальную. Малышей распустили домой. У нас было четыре урока. Сегодня пришли на уроки мальчишки. Их пока еще не берут в армию.

19 января.

В школе такой холод, как в леднике. Дров нет, школу не отапливают. А мороз сегодня 53 градуса. Какие хорошие последние известия. Под Ленинградом соединением наших войск прорвана блокада. Ну, как тут не радоваться!

24 января.

...Перед уроком получили хлеба по 400 граммов. Это в счет того, что мы не занимались. Вообще-то нам через день дают по 100 граммов; ну, а тут подкюпилось.

26 января.

Сегодня на военном деле изрядно попотели. Незаметно пробирались к школе, ползали попластунски, отрабатывали выход из строя, повороты на ходу. Катание с пионерами проводила. Все довольны. Папа достал флакончик керосина. Сейчас буду учить уроки.

27 января.

Только что пришла с заседания комитета первичной организации ВЛКСМ. Приняли Мотю Храмкову в ряды комсомола. Теперь в нашем классе все комсомольцы. Веру Сапожникову назначили пионервожатой. Разработали вопрос о подготовке к кроссу... Нашла докладчика, который сделает доклад на сборе на тему «Герои Отечественной войны». Докладчик — Нюся Корболина.

28 января.

...После уроков было общее собрание нашего класса и 9 класса. Все ученики по группам должны собирать подарки для Красной Армии у населения. Мы ходили с Эриком. В первом доме встретили отпор. Но скоро общими усилиями удалось убедить хозяйку и добиться вязанки лука. В остальных домах пошло лучше. А все же много и очень много живут скверно и все же отдают последнее, не жалеют, хотя сами почти голые и голодные. Все горят одним желанием скорого окончания войны. Участок, по которому мы ходили, самый маленький. Собрали мы 2 кг лука, 300 г сушеных ягод, 10 стаканов табаку, 1100 рублей (облигации) и 180 рублей наличными.

2 февраля.

Школа не топлена.

3 февраля.

Мороз 55 градусов. Снова не учимся.

4 февраля.

Третий день не занимаемся.

8 февраля.

...В 8 часов вечера было комсомольское собрание. Довыбирали комитет. Пока счетная комиссия готовила бюллетени, мы танцевали под гармонь Нины Травниковой. Выбрали секретарем комсомольской организации Жеронкина Анатолия из 9 класса.

23 февраля.

Уроков не было. Строем всей школой сначала ходили по школьному двору, а потом по деревне под барабан. Кто не сдал нормы по лыжам, пошли на кросс, в том числе и наш класс.

25 февраля.

После уроков Зоя Даниловна оставила нас, пионервожатых, и дала нам план работы на март. Военрук проговорился, что учиться мы будем до мая, а там бригада, канцелярия и тому подобное. Завтра групповое собрание и будем дежурить по школе. Нина гармонь принесет.

26 февраля.

...Сегодня у меня будет много дел, а главное — буду готовиться к докладу. День выдался на «славу» — хлеба не будет. Выпили по стакану молока и теперь до вечера, а вечером опять по стакану, больше ничего нет. Ладно! К черту ныть! Долой апатию! Буду работать! Прощай, тетрадь, перейду к новой!

КУДРЯВЦЕВ ИВАН МИТРОФАНОВИЧ

Родился в 1929 году. Проживает в поселке Лебедиха Панкрушихинского района.

Интервью в 2012 году провели
АЛЕКСЕЙ РЫКОВ и НАДЕЖДА ТАРАБРИНА,
студенты исторического факультета АлтГПА

Как дома во дворе семьей, так и в бригаде... семьей

Колхоз — бригада была. Вот тут у нас село Борисовка — километров семь отсюда. Километра четыре была бригада. Бригада — это стоит домик, обыкновенный домик пятистенный. Две комнаты было. Комната для рабочих и комната для повара. Там еще в уголку сделана как столовая. Просто бригада — вот в этом мы районе [поле] и работаем. В обеденный перерыв приезжаем туда: позавтракаем, пообедаем. Во время посевной или уборки там у ней жили. Там был рабочий скот: кони, быки, там вот. Вот это была бригада. Колхоз был наш разделенный на две бригады. Половина у одну бригаду, а половина у другой бригаде. У нас посев или в основном вот в этой стороне. А у первой бригаде был в ту сторону. И каждая бригада... знали свои поля, где наше поле, где первой бригады поле, бригадиры были. Ну, колхоз один. Это все осенью свозилось в одну кучу. [Работали все] сколько тут [в поселке было]. Ну, я там, к примеру, пахарь. Другой там, к примеру, сеяльщик. Как дома во дворе семьей, так и в бригаде вот. Сенокос — сеном [все] занимались. Посевную — сеяли. Уборку — убирали. Зимой [все] ухаживали за скотом. Сеяли. Пшеницу сеяли, просо сеяли. Сеяли ячмень, овес. Все зерно сеяли. Работали много в колхозе. Сразу весной пахали. Я, мне было тринадцать лет, а я ходил за плугом, а две девочки водили коров. Четыре коровы у плугу. Сенокос был — копны возил. На граблях греб. А осенью на уборке хлеба.

То сенокоски есть, а то лобогрейки

Косили на лобогрейках¹. То сенокоски есть, а то лобогрейки. Косили хлеб. Я был погонщиком. Четыре

1. Лобогрейка — простейшая жатвенная машина, применявшаяся для уборки основных зерновых культур (рожь, пшеница, овес, ячмень), но могла быть использована и для ношения трав после небольшого ее переоборудования. Лобогрейка производит только срезание стеблей убираемой культуры и укладывает их на платформу. Сбрасывание же срезанного хлеба с платформы производится вручную, что требует большого физического напряжения от рабочего, выполняющего эту операцию, и отчего машина получила свое название «лобогрейка». 2. Скирда — плотно сложенная масса сена, соломы или снопов, которой придана продолговатая форма, предназначенная для хранения под открытым небом. 3. Волокуша — сельскохозяйственное самодельное орудие в виде связанных жердей для подбора сена из валков и транспортировки копен сена к местам скирдования, как правило, на лошадях. 4. Машинно-тракторная станция — (МТС) — крупное государственное сельскохозяйственное предприятие в СССР, оснащенное машинами для технической и организационной помощи колхозам. МТС сосредоточивали основные орудия сельскохозяйственного производства (тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины) для обслуживания колхозов. 5. Трудодень — мера оценки и форма учета количества и качества труда в колхозах в период с 1930 по 1966 год. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Весь доход после выполнения обязательств перед государством (обязательные поставки и внесения натуроплаты за услуги машинно-тракторных станций) поступал в распоряжение колхоза. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням.

коровы у меня было... Косили хлеб лобогрейками. Лобогрейка была, она вот так вот косится литовка, а эта лопасть крутится и, а тут женщина сидит, пол сделан. Женщина сидит на стулике и вилки двухрожковые — два рожочка. Она раз, два, а третий уже на улицу, и чтоб были рядочки [скошенного хлеба или травы] один в один. Вот это вот на лобогрейках косили. Потому уже, когда убрали, тогда уже стали мы скирдовать². Эти уже женщины копны наделали, тогда были скирдовать. Наша была задача: были волокуши³, сделанные... мы подъезжаем, возили коровами, подъезжаю к этим, кто накладает нам. Они нам наклали в эти волокуши. Мы поворачиваем, подвозим для скирды. До скирды довозим, там тоже два человека. Они кидают, а там наверху укладчик. Вот скинули нам эту волокушу, освободили. Мы берем... основная наша задача была — волокуши эти вот возили. Ну, чё было по тринадцать лет. По четырнадцать пусть даже. Кончилась война, а мне было пятнадцать лет, я уже был награжденный медалью «За доблестный труд».

Тракторный отряд и тракторный бригадир

В войну было немного техники [в колхозе]. Трактора как они были, так они и остались. Ни на какой фронт их не брали. Они уже там были изработанные... Два колесных и ЧТЗ. А ЧТЗ — это такой мощный. Челябинский тракторный завод делал. Сильнейший. Он таскал два плуга сразу тракторных. Вот у нас было три трактора. Тракторный отряд-то само собой. У его свой вагончик. У них свои повара, они сами для себя [не колхозники]. Они работали как от МТС⁴. Вот. Бригада — это есть бригада. У тракторного отряда был тракторный бригадир. Ну как бы сказать такой опытный тракторист, чтоб знал технику, вот. Он был бригадиром. Учетчик был в тракторной бригаде также, повар... Все было... Вагончик. У нас была бригада, дом построен, а это вагончик. Вспахал полностью, на другую переезжают. Так они по полям ездили.

Комбайны были. А было так. Комбайн заедет на поле. Там круг, два или три дал, и он же сломался. Мы заезжаем на лобогрейках. Косим, косим. Покуда его, трактор, сделали, а мы уже это поле скосили. Плохо шла техника, плохо. Не то что рабочие не хотели. А техника шла плохо, потому что ее нечем было ремонтировать.

На тракторах в основном женщины работали. В основном женщины. Да. Был у нас один... два было [мужчины]. Тракторный бригадир был по брони и был тракторист один по брони. Ну, тракторист был наш. Он и бригадир наш, только он в другом поселке работал. Ими командовал МТС. Куда хочет, туда и перебрасывает. В основном женщины, девочки, молодежь. Подросткам... им некогда было пахать, в семнадцать лет их уже брали на фронт.

Цена трудодня

Работали в колхозе за трудодни⁵. Деньги не выдавали нам, и не было их и в помине, а вот проработал день: хорошо ты работал там, сколько тебе — 2 трудодня за день, ежели там плохо работал или мало работал трудодень или 50 соток. Числилась трудоднями. А когда уже... при выдаче осенью уж рассчитывают — хлеб, деньгами, тогда уже сравнивают, чему равняется рубль. Сколько там надо трудодней на рубль или там ...

Давали на трудодень что в колхозе есть: хлеб... примерно, ну или там пасека была, и на пасеку мед давали. Ну что в колхозе бывает, для выдачи. В основном хлеб. Ну и мало, а давали и деньги. Перечисляли, сколько там причитается, чему равен рубль. По урожайности. По урожаю. Там и килограмм на трудодень или, может, два килограмма на трудодень, а может, на трудодень полкилограмма. Ну, когда вот урожай, то еще дают, а когда уже урожая нету, то тогда... Мне причитается, я сам еще был подростком, но уже был взрослым, мне мешок причислился этой пшеницы. Склад далеко был. Я его на плечи — и принес домой, вот и весь и заработок, вот этот мешок и ешь [год]... Бывало так, что колхоз когда и выдает кому там фуфайку, кому там брюки, кому там сапоги, ботинки. Вот молоко план перевыполняют, получают деньги и вот для рабочих закупают и по трудодням разделяют. У тебя подходит под двести рублей, а что можно за 200 рублей? Ну там фуфайка — ну возьми хошь.

Вот такие были дела

Были случаи воровства зерна в колхозе. У нас одна женщина, может быть, и простить бы ее, а та женщина сторожила зерностан⁶. Ну сторожила и взяла, тута подпоясалась и в пазуху насыпала пшенички. Муж уже погиб, пришла похоронная, и три девочки у ей осталась. Ну, откуда ни возьмись — уполномоченный. А раньше были уполномоченные. Райком посылает в каждый колхоз, как контролера. Ну ладно. А она расстроилась, застеснялась. Туды-суды, туды-суды. Он: «Бабушка, а что с тобою?» Ну... что, он догадался. Она высыпала... вот так вот подняла подол, вот так как было у ней привязано, — это все высыпалось. Смерили, свешали — три килограмма. Ну, три года и получила. Трое детей остались. Голод был. Голодные ни с чем не считались.

МИЛЛЕР ЭММА ИВАНОВНА

Живет в селе Зимари Калманского района. Родилась в 1935 году в Саратовской области.

Записали в феврале 2012 года

ЕЛЕНА ОСОКИНА (АГАУ) и УЛЬЯНА ГУЦЦИНА (АлтГПА), бойцы отряда «Буревестник» (АГАУ), принимавшего участие в межрегиональной патриотической акции «Снежный десант»

Мы считаемся репрессированные

Я родилась в Саратовской области. Когда началась война, нас стали переселять сюда, мы считаемся репрессированные. Мне было в то время шесть лет, я помню, как нас вывозили оттуда. Там было большое село, электричество было, люди там лучше жили, чем здесь, в Сибири. Мама стряпала хлеб для колхоза, а отец работал бригадиром на животноводстве. Люди все сдавали свой скот. Сказали, если вы сдадите свой

скот, то вам в Сибири дадут какую корову. Мы последние и поехали. Первые люди, которые уехали, им вообще нельзя было ничего брать с собой. Когда мы поехали, были запряженные верблюды. С собой брали мешок муки, кровати, постельное, хлеб, сухари, солдаты помогали нам грузить, проводили нас. До Саратова наша деревня была — двенадцать километров. Маленькая тогда, но я все это помню, потому что страшно тогда было. Утром приехали, распрягали верблюдов, кормили их. Мама постелила нам. На дорогах машин не было тогда, только кони. Приехали в Саратов, товарный поезд, там были маленькие окошки, были нары, там нас и поселили. Месяц ехали мы, кормили нас, конечно. Куда везут, никто не знал. Братишка маленький был, 1940 года, и вот он ходить стал, и перестал, потому что на руках. Отец говорил по-русски, вот он дошел до машинистов, спросил, куда везут-то, сказали, что в Сибирь. Моя семья так переживала, ведь не знали, где это Сибирь.

Приехали, отцепили несколько вагонов. Нас расселили по семьям, там темнота была, у нас-то уже электричество было. У них коптишечки были. Мама сидит плачет, бабушка плачет, нас стали угощать капустой, картошкой в мундире. У них мы жили лет пять. А тут отца в трудармию отправили, по-русски мы-то плохо говорили. Когда отец пришел, был совсем худой, даже сам не мог на крылечко подняться. Там я прожила двадцать семь лет, колхоз «Чапай».

Перышко пристывало к чернильнице

Школа была здесь, в Зимарях, это был двухквартирный дом. Здесь занималось четыре класса. В школе холодина была, нас там особо не отапливали. Обед у нас не было, горячего не было, только чернильница была и ручка. Бывает, перышко пристынет к чернильнице, а ребенок еще пытается достать, а уронит, чернильница разобьется, и весь устряпается в черниле. А я писала на желтой бумаге, в которой все перевозили. До ноября месяца в калашах ходила, они все забивались снегом.

Несу ведро — пальчики белеют

В четырнадцать лет я пошла работать дояркой, одевать нечего было. Летом косили на лугах сено, а тогда возить не было на чем. Доили коров по пятнадцать штук, вручную. Зимой я ведро надоила, надо было сливать во флягу, вот несу ведро, рукам жутко холодно, пальчики белеют. И вот я оставила это ведро, а мужики и говорят, беги, дочка, мы принесем ведро. Я зашла в этот телятник и начала шоркать о телят. Потом стала кожа с этих пальчиков слезить. Сейчас-то все в тепле, по трубам молоко идет.

Дети сейчас счастливые

Когда на Новый год, я иду на концерт, на первое сентября хожу. Мне так интересно, я редко когда пропускаю. Вы посмотрите, какая школа у нас, вся новенькая, цветы, линолеум. Дети все одеты красиво. Вот кого бы отблагодарить за это! И я смотрю вот, какие счастливые дети сейчас!

Я старалась. Я в партии была

Орден третьей Трудовой Славы⁷ мне дали в 1975 году, медали есть за освоение целинных земель, 44 грамоты у меня, все телеграммы сохранились. Я вне

⁶. Зерностан — площадка с комплексом машин, оборудования и сооружений для механизированной послеуборочной обработки зерна в колхозах и совхозах. На зерностане зерно взвешивают, очищают, сушат, при необходимости временно хранят; семенное зерно сортируют, протравливают, затаривают в мешки. ⁷. Орден Трудовой Славы третьей степени.

очереди могла купить мотоцикл «Урал», потом машину. С первотелочек я 1446 килограмм надоила. Я старалась, я в партии была. Я однажды иду по улице, идет Стеша, остановилась и говорит: «Тебе ночью не икалось? Ух, я на тебя ночью материлась. Я лягу на спину — все болит, на живот — все болит, а она трепалась, что вперед надо».

Стучат — на выборы

А когда выборы были, утром в шесть часов стучат — на выборы. Кто идти не может, на лошадях приезжали наряженные, чтобы голосовать. И все потом гордятся, что к нам приезжали голосовать.

ТОПОЛЕВА (СУРТАЕВА) АВГУСТА ФЕДОРОВНА

Родилась в 1931 году. Проживает в селе Быстрянка
Красногорского района.

Записала летом 2012 года
ВАСИЛИНА ПАЦУКОВА,
ученица Быстрянской средней школы

Вот и молодость прошла...

А клуб где был, старая школа рядом, тут сейчас⁸ дома построены ...вот попримечай. Вот тут... было сделали кочегарку, а сюда клуб был, а вперед-то не было кочегарки. Вот это зимой мы, девчонки... — летом в клуб бежим, а зимой холодно. Какой-нить гармонист придет, играют, мы танцуем без ума. А танцевали вальс, фокстрот, таки вот... Вот и молодость прошла.

Башкой не верти, садись за прялку и пряди!

Тут была старая школа, там мама училась. Мама училась в первом классе и училась хорошо, ее хотели сразу из первого во второй перевести: вроде хорошо учится. Пришла она домой, сказала матери, а та: «Хватит, башкой не верти, садись за прялку и пряди!» Села за прялочку и прядет шерсть, вот так.

Какие были дела-то...

Родилась я тридцать первого года, семнадцатого августа. Вот. Родилась в Старой Суртайке, мама туда взамуж выходила. Он был Суртаев Федор Михайлович — отец. Мама-то вышла взамуж убёгом⁹ убежала. Их первая сестра, ее постарше, приехали, увезли, посватали в Суртайку же в Старую. А ее мамин-то муж [будущий] — [во время сватовства ее сестры] присмотрел маму. Дома у них [у своего отца] мать ничё не делала. У свекровки еще дочь младшая была — оне спят до второго чая. Вот мама [будучи уже снохой] отправит всех на пашню, накормит всех. И чтоб она подымалась, свекровка-то, с постели, и чтоб самовар шумел. Если самовар не шумит, она [свекровь] тада забегала, запсиховала, только двери говорят! В тридцать

8. Сейчас, цас — сейчас. 9. Замуж убёгом — девушка сбегала к жениху одна, либо из-за несогласия и отказа в благословении родителей, либо чтобы быстрее оформить супружеские отношения. 10. Объединили колхозы «Чапаев», «Призыв Ленина», «Путь к социализму» в один. Затем колхоз (коллективное кооперативное хозяйство) перевели в совхоз (государственное сельскохозяйственное предприятие). 11. В Горном жить — в Горном Алтае жить. 12. Шлындилка — ходила.

шестом году самый ее хозяин у моей свекровки помер, она осталась с тремя, парнишки всё были. Старшего взяли в армию, война уже была. Вот так жили, какие были дела-то... Все уж примерли, я одна болтаюсь.

Тут было три колхоза

Тут было три колхоза: «Чапаев» вверху, в середке у нас — «Призыв Ленина», а туды, к пенькозаводу — «Путь к социализму». Три колхоза. А в колхозе? Ну, люди работали... В летнее время тогда же и хлеб руками носили даже, снопы вязали, потом возили, скирдами складывали снопы, потом молотить. Тут машина стоит ...что тут вилами бросают, ты хватаешь, как вроде на скамейке стоишь, и туда, в эту машину, бросают. Она эти зерно-то обмолачивает, только мякина летит, солома, ее там отвозят сзади, солому-то. ...Э-э, ага, а потом... это несноро было, сделали общий, и совхоз получился¹⁰.

Война началась!

А в войну мы жили в Горном¹¹. Мы жили в Алтайторге, мама там техничкой работала; было два этажа, а внизу магазин. Вот вышли за ворота — чёй-то такое: народ бежит с базара. Там бежит, друг дружку перегоняют, бегут быстрым шагом. Чё такое случилось-то? Чё народ-то так? А потом услышали: война началась! Вот. ...Плохо было в войну-то, конечно. Война — она и есть война: голод, холод, хвалиться нечем! Потом отца на фронт забрали, и он не вернулся, погиб, без вести, похоронки не было от его. Неизвестно где [погиб].

О работе на ткацкой фабрике

Ну, я, конечно, тут не работала. Я пошла в 16 лет работать: в то время мы с мамой тогда в Горно-Алтайске жили, и я пошла на фабрику, ткацкая она называлась. Я там сидела, нас там много было, мы цевки мотали. Вручную же ткали-то. Я как цас⁸ помню. Дощечка такая, на ей набиты как гвозди, и пока полную не намотаешь, тогда приходит ткачиха и берет. У меня не путались цевки: как намотаешь, так и идет. У меня была сто одна дощечка, и она у меня только брала, эта ткачиха. А потом вздумали штой-то переводить, чтоб мене учить ткать. Ой, я сколь слез пролила: не пойду я, боюсь, не пойду я, ага, ткать. И в это время сдумали суда обратно в деревню, в Быстрянку, жить. Стала я увольняться, а меня не увольняют. Мама со мной пришла, ну уволили кое-как.

Про бабушку

У моего дедушки, когда он жил ишшо с родителями, их было девять братовой, одна сестра. Когда пришла пора жениться, он же поехал невесту в Майму искать, кто-то нахвалил. Приехали в зимнее время, а ее дома нету. Мать сказала, что она на речке полощется, стирается. Пришла, они дождалась ее. Пришла она, как подол-то весь вымочила: полоскалась-то, отжимала и не переделалась. Так в мокром-то подоле самовар [понесла]. А было [принято] чтоб, раз сваты приехали глядеть невесту, она должна и самовар поставить, и на стол направить. Вот. Ну, а он приехал домой, и она ему не понравилась, что не могла даже переодеться, в подоле мокром так и шлындилка¹². Всё. Поехал в Березовку и вот эту бабушку-то нашу Акулину Федоровну, он ее [взял замуж]. А оне бедно жили. Отец был слепой уже. Их было две сестры и брат. Вот она и приехала к нам. Вот у них и получилось девять сестер и три брата.

Тайжане и чудики

В октябре в краевой библиотеке имени В.Я. Шишкова прошли VI публичные Шишковские чтения. Первое сравнительное чтение рассказов В.Я. Шишкова и В.М. Шукшина, которое дает в своем докладе профессор Светлана Козлова, открывает множество параллелей в прозе писателей.

Светлана Михайловна Козлова, доктор филологических наук, профессор АлтГУ.

Фото Олега Ковалева.

текст
СВЕТЛАНА
КОЗЛОВА

СЛОВО

Проблема литературных связей творчества Василия Шукшина с прозой Вячеслава Шишкова имеет основание в топографическом аспекте (жизнь писателей в Сибири, главная в их творчестве сибирская тема). Правда, в решении этой проблемы могли бы иметь существенное значение фактические или документальные свидетельства интереса Шукшина к творчеству писателя, посвятившего такие значительные произведения, как «Ватага», «По Чуйскому тракту», «Чуйские были», «Алые сугробы», не просто Сибири, но воспетому Шукшиным Алтайскому краю. Кстати, в шишковской «Ватаге», с которой целыми страницами перекликаются шукшинские «Любавины», упоминаются Сростки: один из «ватажников» Зыкова — Курица — «родом из Сросток».

Но и без таких свидетельств первое сравнительное чтение открывает множество прямых и менее очевидных параллелей в прозе писателей, описание которых само по себе могло бы составить предмет большого исследования.

Концептуальная база «сибирской прозы» В.Я. Шишкова формировалась под сильным влиянием старших сибирских писателей — областников-«сепаратистов» Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова, Н.И. Наумова — усматри-

вавших в жителях Сибири особую «сибирскую» нацию и прямо ставивших вопрос: сибиряк — тот же ли русский?

Литературные типы в прозе Шишкова и Шукшина показывают, что разделяющее писателей время советской интернационализации народов России не сняло этого вопроса. Шукшин вслед за Шишковым настойчиво отмечает особую породу русских людей, которая составила так называемый тип «сибиряка»: «обаятельный парень, сероглазый, чуть скуластый, с льянным чубариком-чубчиком. Хотя невысок ростом, но какой-то очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город». Корни шишковских и шукшинских сибиряков — исконно русские, их родословные начинаются в землях центральной Европейской России, но это и такие русские, которые способны вырвать с кровью вековые корни, пуститься в неведомые края.

Герой рассказа Шишкова «Таежный волк» Бакланов ушел в Сибирь в самую зрелую, сознательную и семейную пору своей жизни: беглым монахом жил на Кавказе, «с горцами в дружбу вошел, охотой промышлял с ними. На 26-м году женился, а как стукнуло 26, сказал жене: «Пойдем в Сибирь-землю... И перебрались мы сюда к великой Енисей-реке. Вот и все жите мое». «А как, значит, повез нас отец сюда, — вторит шукшинский герой рассказа «Демагоги», — ...шибко уж неохота было из дому уезжать. Там у нас тоже речка была, она мне потом все снилась... Ока... А потом — ничего. Привык. Тут, конечно, лучше. Тут же земля-то какая! Не сравнить с той. Тут земля жирная». Или рассказ другого героя Шукшина из романа «Я пришел дать вам волю» о деревне на реке Шукша, которая «вся в Сибирь ушла».

В то же время искательство, мечтательность, уединенность, потерянности в бесконечных сибирских просторах роднят «тайжан» Шишкова и «чудиков» Шукшина с бродягами, странниками, поэтами. «Как всякий зверолов, как всякий бродяга или странник, Бакланов — поэт в душе», так же как «бесконвойные» герои Шукшина Алеша, Митьян Ермаков, Мона Квасов и другие — в душе мечтатели, поэты, философы.

Рассказ Вячеслава Шишкова «Ванька Хлюст», уже тип названия которого предопределяет будущую манеру шукшинской номинации. (сравните: «Гринька Малюгин», «Вань-

**Иллюстрация Бориса Диодорова
к рассказу В.Я. Шишкова «Ванька Хлюст».**

Из книги: В.Я. Шишков. Рассказы.
Москва, «Советская Россия», 1982.

на Тепляшин», «Митька Ермаков», «Степкина любовь» и др.), представляется квинтэссенцией образов, мотивов, ситуаций целого веера шукшинских рассказов, так или иначе раскрывающих суть характера «сибиряка».

Шишковская персонажная пара «дед — внук» (дед веселый, внук любознательный, ночью у реки, у костра ведут разговор о всякой всячине, постепенно выводя его на тему Сибири и вообще — тему жизни и смерти) заставляет вспомнить уже упоминавшийся рассказ Шукшина «Демагоги». Другую пару шишковскому деду составляет главный герой рассказа — Ванька Хлюст. Их диалог перекликается со спором шукшинского старика и парня Ивана в рассказе «В профиль и анфас», спором о смысле жизни: в том ли этот смысл, чтобы только «работать да детей рожать», поднятый Шукшиным и в рассказе «Дядя Ермолай». Причем нравственно-философские сентенции шукшинских героев звучат почти реминисценциями рассказа Шишкова. У Шишкова:

«Землю зря топтать ежели, в том моего согласия нету! Понял?.. — У Ваньки корявое лицо укоризной покрылось: Брюхо тут ни при чем, ежели душа просится на волю».

И у Шукшина:

«А я не знаю, для чего я работаю. Ты понял?.. Вроде нанялся, работаю. Но спроси: «Для чего?» — не знаю. Неужели только нажраться? Ну, нажрался... А дальше что? — Иван серьезно спрашивал, ждал, что старик скажет. — Что дальше-то? Душа все одно вялая какая-то...»

Маята души шишковского Ваньки прямо ведет к другому рассказу Шукшина — «Верую!», герои которого «отказываются понимать свое пребывание здесь, на земле», если им не дано познать смысл этого «пребывания». Максим Яриков, как и Ванька Хлюст, открывают в себе реальность «души», потому что она «болит», «пищит» под тяжестью навалившихся вопросов и сомнений.

Шишков: «Душа? — вскрикнул Ванька, — вот то-то и дело, что душа... Дык чижалехонько ведь... Сам не рад поди... Душа во мне запищала... Сумленье к самому сердцу подкатилось... Гложет... дыхнуть не дает. Хошь стой, хошь падай... Прямо край! Бог-то где же?.. Скажи мне, по чистой совести, скажи мне, дед, веришь ты в бога?.. Если веришь, стало быть, бог есть, по-твоему?»

Шукшин: «Но у человека есть также — душа! Вот она

здесь, — болит — Максим показывал на грудь. — Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую — болит... Я пришел узнать: у верующих душа болит или нет?.. Значит, если я тебя правильно понял, бога нет?..» («Верую!»)

Вопрос о Боге у Шишкова и у Шукшина, по сути, разрешается вопреки церковно-христианским догматам, обнаруживая воспринятую и тем и другим писателем сибирский, внецерковный взгляд на эту проблему.

«Алтайцы — богу не молятся, у них двory снотом ломятся. А наш русак, хоша просит вышнего, кола нет лишнего: кругом бегом... Это у нас в тайге така присказка. А я тебе, сударик, вот что скажу: бога я завсегда в сердце имею. И тебе советую. Понял?.. Вот что, мила-а-й...» («Ванька Хлюст»).

«Теперь я скажу, что бог есть. Имя ему — Жизнь. В этого бога я верую. Это — суровый, могучий Бог... Верь в Жизнь». («Верую!»).

И попы у Шишкова и Шукшина исповедуют более мирскую, нежели клерикальную жизненную позицию. «Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо», — провозглашает «интересный» поп в рассказе «Верую!».

следуя шишковскому попу, который и водку пьет, и бабу в кошевке в бурную ночь на тройке катает, и тех, «кто слаб в коленках», не уважает.

Душевное беспокойство героя рассказа Шишкова «Ванька Хлюст» выливается, кроме того, в странное стремление принять страдание за некие неведомые грехи.

«Да какой у тебя грех-то? Какие у нас с тобой могут быть грехи? Ну-ка...», — урезонивает Ваньку дед. — «У меня, дед, грехов сорок мешков».

В рассказе Шукшина «Верую!» Максим Яриков тоже «пьяный начинал вдруг каяться в таких мерзких грехах, от которых и людям и себе потом становилось нехорошо». Этот мотив покаяния в несовершенных грехах заставляет вспомнить еще рассказ Шукшина «Миль пардон, мадам!». Хорошо узнаваема в нем сцена шишковского рассказа в пейзаже: ночь, река, тайга, потухающий костер — и особенно в психологической разработке характера героя.

«Бронька весь напрягся, голос его рвется, то срывает на свистящий шепот, то неприятно, мучительно взвизгивает. Он говорит неровно, часто останавливается, рвет себя на полуслове, глотает слюну... — Я стрелил... — Бронька роняет голову на грудь, долго молча плачет, оскалился, скрипит здоровыми зубами, мотает безутешно головой. ... И опять тихо, очень тихо, с ужасом говорит: — Я промахнулся!». («Миль пардон, мадам!»)

Сравните у Шишкова:

«...Плечи вдруг ходуном заходили, затряслась голова... (Ванька) начинает уже не сдерживаясь, выть чужим голосом, сплевывая сердито и ляская по-волчьи зубами. И во тьме чуть слышно: Покаяться я тебе должен, как перед богом... видно, капут пришел мне, не совладать... Попа-то, помнишь?.. Ведь я спалил... И Дуношку-то... Дуношку-то ведь... я... порешил... Ву-у-у! Ухууху... Прости-и, Христом прошу...»

Дед кряхтит, ворочается с боку на бок: «Ты не убивец, Ванька... И пошто ты, например, таку неправду на себя при-мал?» — Ванька Хлюст точно тьму рубит: «Душа требует».

Эта странная, почти абсурдная потребность души героев двух разных писателей понятна и логична в пространстве ссыльно-каторжной Сибири, где и невинный чувствует себя причастным к всеобщей и неизбывной русской вине. На сибирское происхождение виноватости безвинных недвусмысленно указывает герой Шукшина Максим Яриков, который просит «вести его под конвоем в Магадан». Причем он хотел идти туда непременно босиком, чтобы принять на себя, по-видимому, всю меру страданий безвинных жертв и царской, и советской власти.

В то же время странные фантазии «тайжан» Шишкова, как и «чудинов» Шукшина, являются выражением свободы воли, свободы выбора пути, обыкновенного и альтернативного, ценою ли подвига или преступления разрешающего проблему соизмеримости могучих необъятных сил сибирской природы и малости человеческого существования, ограниченного заботой о хлебе насущном. Такое мироощущение, обусловленное безмерными ничейными пространствами Сибири, в которых сибиряк, в отличие от русского европейца, может почувствовать себя и устроиться самовластным хозяином, — общее место в характерологии героев и Шишкова, и Шукшина.

У Шишкова в рассказе «Таежный волк»:

«Я над всем этим краем властитель. Не в похвальбу, а так оно и есть. ...Да пусть скажут мне короли земные, вельможные правители: «Бакланов, владей всем нашим богатством, дворцами, городами, пей, гуляй, писаных красавиц хоровадь, спускайся с гор, иди к нам, властвуй!» —

Нет, — скажу я, — нет... околдовала меня мать-природа, угрела, осветила солнцем, обвеяла белыми туманами: здесь родилась новая моя душа, некуда отсель идти и не-зачем... Просторы вы мои, просторы...»

У Шукшина:

«Моя мысленно вообразил вдруг огромнейший простор своей родины, России, — как бесконечную равнину, и увидел себя на той равнине — идет спокойно по дороге, руки в карманах, поглядывает вокруг...» («Упорный»).

«Покой и воля» как тайный закон нетронутой природы определили последний исход судьбы героя «с загогулинкой» в рассказе Шишкова «Ванька Хлюст». Родился он «приблудышем», а был красивый, кудрявый, баянист, песенник: «Рос я не как все другие прочие, законные которые, а так... Ну и озорным же я парнишкой был, надо правду сказать... Первоюшим пакостником меня считали, по всей округе наслыхах был... И никакой во мне жалости не было к человеку».

Шишковский «приблудыш», красавец-«пакостник», потерявший границу между добром и злом, в самую отчаянную свою минуту распаивается большой душой навстречу естеству и красоте природы, находит в ней согласие с миром и самим собой: «Пошел я прямо в тайгу. Пришел, пал на колени, реву... Гляжу: бурундучишка стоит у кедра на задних лапках, смотрит на меня глазенками, а сам насвистывает... Э-эх! И вдруг не стало во мне, дедушка, ни печали, ничего земного прочего». Но этот обретенный Ванькой покой души означает для него примирение не только с жизнью, но и со смертью. Ванька Хлюст неоднократно пытается покончить с собой и в конце концов осуществляет свое намерение, осознав вполне всю ничтожность собственного существования.

Тот же исход дает Шукшин своему Спирьке Рас-торгуеву в рассказе «Сураз» — красивому, «как Байрон», «приблудышу»-пакостнику, которому «собственная жизнь вдруг опостылела, показалась чудовищно лишеной смысла». Как и Ванька Хлюст, в своем отчаянье Спирька «свернул с дороги в лес, въехал на полянку, заглушил мотор, вылез, огляделся и сел на пенек. «Вот где стреляться-то, — вдруг подумал он спокойно». Как и Ванька Хлюст, Спирька уже пытался застрелиться на кладбище.

Но для Шукшина, как и для Шишкова, было важно привести «заблудившуюся» душу человека с его «загогулиной» — ложным и мстительным сознанием своей социальной «незаконности» — к простой и высшей истине естественного равенства и единства всех и вся в сотворенном Богом прекрасном мире: «Красиво было, правда. Только Спирька специально не разглядывал эту красоту, а как-то сразу всю понял ее. И сидел. Склонился, сорвал травинку, закурил ее в зубах и стал слушать птиц. Маленькие хозяева лесные посвистывали (сравните у Шишкова: бурундучок посвистывает), попискивали, чирикали где-то в кустах».

Герои Шишкова и Шукшина как будто не прерывают насильно свою жизнь, а обретают вечный покой, соединяясь со стихией природы. Ванька Хлюст как бы исчезает, растворяется в таежной ночи. Мертвый Спирька «лежал уткнувшись лицом в землю, вцепившись руками в траву. Ружье лежало рядом. Никак не могли понять, как же он стрелял? Попал в сердце, а лежал лицом вниз», — словно не сам убил себя, а земля приняла его.

Таким образом, даже те немногие и только намеченные связи прозы Шукшина с творчеством Шишкова позволяют говорить о глубокой преемственности современного писателя в разработке проблемы русского человека в Сибири.

КОНСТАНТИН
СОМОВ
**ГОД КОЛЧАКА.
ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА**

Барнаул, 2012

«Год Колчака» — четвертая книга Константина Сомова. Журналист по профессии и историк по складу ума, он после публицистики и научно-популярных работ в русле «истории повседневности» наконец решил обратиться к художественному произведению крупной жанровой формы. Правда, первая часть книги — «Черный дол» уже публиковалась в составе сборника «Про гражданскую войну» (2008) с жанровым определением «повесть». Но в данном случае перед нами, конечно, произведение иное и по форме, и по широте авторского замысла.

Главное и, пожалуй, единственное, что портит впечатление от книги, — некоторая «сырость», ощущение незавершенности, неотшлифованности произведения. Положение отчасти спасает жанровая номинация книги: «главы из романа». Прежде всего, недоработка проявляется в композиции книги: первая часть «Черный дол» занимает всего 123 страницы, в то время как вторая, «Год Колчака», — аж 518! Вряд ли такой содержательный дисбаланс частей произведения обоснован. Думаем, что можно было бы разделить вторую часть на две, начиная с седьмой главы, что имеет под собой определенные основания: повествование здесь начинается с приезда Владимира Мишукова и Ольги Линник в Москву, далее следует история о службе Мишукова в дивизии Чапаева и т.д. — т.е. насыщенная событиями часть произведения. Кроме того, части романа выглядят изолированно, хотя и связаны содержательно, так как вторая часть имеет кольцевую композицию: начинается с боя и гибели Нефедова и Киржаева, а затем в финале романа автор возвращается к этому событию. Финал условен, поверхностен и указывает скорее на то, что роман будет продолжен автором в будущем.

Есть и досадные фактические ошибки, что для Константина Сомова, сделавшего ставку на точную фактографию, в целом не характерно. Рассказывающий о бунте мобилизованных в Барнауле Тимофей Лепота свое повествование завершает словами: «Ну а тут пароходы с поездами стали в Барнаул за мобилизованными прибывать, и поехали мы в окопы на защиту царя и Отечества» (с. 149). Однако волнения запасных в Барнауле происходили 22–25 июля 1914 года, а Алтайская железная дорога была открыта только в октябре 1915-го. Раньше этого срока, как вы понимаете, поезда в Барнаул прибывать не могли... Ольга Линник — выпускница Томского университета (с. 272), причем окончила она его еще до 1917 года. Но разрешение женщинам учиться в универ-

ситетах последовало лишь в 1916 году. ...Адвокат Сухотский, представляя Мишукову репертуар барнаульских синемаграфов в ноябре 1918-го, употребляет термин «боевик» (с. 213). Патронный магазин французского пулемета «Шош» никогда не назывался «дисксом» (с. 95); да и представлял он собой не диск, а полукольцо... Нередко автор, рисуя образ известного исторического деятеля, находится в плену сложившихся штампов. Так Чапаев, впервые встретившись с Мишуковым, произносит знакомую всем по фильму братьев Васильевых фразу: «Кто такой? Почему не знаю?». Неоправданно осовременено в духе манеры СМИ начала XXI века именование офицеров: «прапорщик Олег Вырубов» (с. 181), «штабс-капитан Михаил Киржаев» (с. 19). Заметим, по уставу именование было жестко регламентировано и предполагало упоминание лишь чина и фамилии (а также титула, если таковой имелся). В речи же самого Киржаева (кстати, достаточно безупречной) вдруг проскальзывает просторечное «по-ихнему» (с. 369), что сразу же режет слух и глаз и выглядит неправдоподобным... Опечатки в словах «синемаграфОф» (с. 377), «бриГет» (с. 48) просто требуют исправления. Все эти огрехи поспешного письма не определяют стиль Сомова-писателя, безболезненно могут быть устранены и приведены здесь нами не столько с целью принизить художественную ценность романа, сколько с целью облегчить автору их отыскание в тексте.

Гораздо более рискованной тенденцией в идиостиле Сомова-писателя является то, что его герои буквально «больны исповедью». Вот к Екатерине Олизко приходит незнакомый солдат с весточкой от поручика Шнайдера. Усадив солдата за стол, Екатерина задает вопрос: «Вас как звать-величать?» Далее следует почти на девяти страницах исповедь солдата о своей невеселой жизни, начиная с детства. Тут проявляется профессиональная журналистская сущность автора: через интервью представить образ человека. Но тотальная исповедальность героев романа фактически приводит к некоему однообразию в раскрытии образа, часто искусственности эпизода. Удачных примеров здесь не так много. Пожалуй, гармоничным выглядит эпизод беседы американского журналиста Корнфилда с полковником Уордом в присутствии Екатерины Олизко и Шнайдера в омском ресторане. В данном случае ловкие вопросы журналиста направляют и организуют значительный по объему рассказ Уорда о поездке по Сибири (очевидно, взятый автором из мемуаров). Иногда с помощью подобного приема Константином Сомовым вводятся в текст исторические документы. Но если цитирование аутентичных отрывков из барнаульских и сибирских газет 1918 года с целью знакомства Мишукова с событиями в Барнауле во время его пребывания у Сухотского выглядит вполне убедительным, то другие мотивировки введения в текст романа документальных источников часто надуманны и неправдоподобны. Так, обращение

к подлинным документам в сцене декламации Шнайдером по памяти «едва ли не дословно» пространного отрывка из приказа генерала Брусилова почти четырехлетней давности или чтения поручиком Шелобановым взятой «по знакомству» (NB!) копии «донесения управляющего Алтайской губернии в департамент милиции министерства внутренних дел» более чем искусственны. В данном случае можно уже говорить об особенности идиостиля писателя Сомова, и боюсь, что простым исправлением тут не обойтись. Читателю остается лишь принять эту особенность или отвергнуть ее.

Гораздо больше положительных эмоций от прочтения романа.

Роман Константина Сомова «Год Колчака» — не очередной «кирпич» из серии медиамелодрам о личной жизни адмирала. Заглавие книги — это название периода Гражданской войны, отмеченного правлением адмирала Колчака и одновременно совпавшего с пиком великой русской смуты, который падает на 1919 год. Самого адмирала мы встречаем в романе лишь мельком, главным образом читатель судит об этой исторической личности по конкретным результатам его деятельности сквозь призму оценки персонажей. В романе три главных героя: бывший солдат Егор Нефедов, петроградский матрос Владимир Мишуков, приехавший с продотрядом на Алтай, и белогвардейский штабс-капитан Михаил Киржаев, комендант Славгородского гарнизона. Они принадлежат к разным социальным слоям (крестьянин, рабочий и интеллигент), разным противоборствующим сторонам, обладают разным мировоззрением, но все явно симпатичны автору, каждый из них так или иначе является выразителем авторских мыслей. Вокруг этих героев развивается повествование в романе и вращаются остальные персонажи произведения. Произведение многоголосно, диктата авторской мысли здесь не ощущается. Читателю в серии дискуссий разных персонажей о «правде Гражданской войны» предлагается самому сделать жизненный выбор. Прав автор и в том, что не ограничивает действие романа только Алтаем: вслед за героями произведения читатель наблюдает картины войны на Урале, в Омске и Салаире, вместе с Мишуковым и Линник совершает поездку через воюющую страну в Москву, оказывается то в кабинете наркома продовольствия Цюрупы, то в ставке белогвардейского генерала Молчанова, то в штабе легендарного Чапаева, то в отряде алтайского партизана Рогова... Все это придает роману эпическое звучание и указывает на попытку автора осмыслить причины и следствия Гражданской войны в России.

Роман Константина Сомова может быть прочитан и как «Код Колчака», так как в нем представлена попытка разгадать и причину поражения белых в Гражданской войне, и шире — причины и внутренние пружины братоубийственной войны. На наш взгляд, Сомов добился того, что роман вызывает острое ощущение трагичности и безысходности происходящего в России в 1918–1919 годах. Никто из героев романа, независимо от идеологической принадлежности, не обретает счастья, семьи, душевного спокойствия, морального удовлетворения от прожитой жизни. По-другому во время Гражданской войны быть и не могло. Вслед за частными примерами гибели семейных и общественных связей, привычного жизненного уклада, моральных устоев черным предзнаменованием встает образ погибающей страны.

Роман Константина Сомова предельно реалистичен. Фактографичность, как особая черта авторского стиля, нашедшая проявление в предыдущих работах Сомова, налицо и в романе «Год Колчака». Как одевались, что ели, о чем говорили и думали в окопах — все это довольно скрупулезно воссоздано в романе. Константин Сомов при написании романа зачастую опирался не столько на официальную историю, сколько на воспоминания очевидцев. Отсюда — живые образы и живые картины событий. Иногда за этим кроется журналистское желание удивить читателя новыми сведениями, новым ракурсом на давно известное событие (например, обстоятельства гибели Чапаева), что должно, конечно, насторожить профессионального историка. Но заметим, что живые, почти ощущаемые образы в литературном произведении часто важнее и доступнее для читателя, чем сухие факты истории. При этом фантазия автора компенсируется четкой хронометрией: действие романа в целом и каждое событие в частности привязано к дате. Все это создает эффект присутствия, активного вовлечения читателя в художественный мир произведения.

Дмитрий Марьин

ИВАН ОБРАЗЦОВ ЗА ГРАНЬЮ ГЛАЗ СТИХОТВОРЕНИЯ

Барнаул, 2012

Ведущий лирический мотив Образцова — бескорыстная, трогательная любовь к словесности и культуре. Как истинный неопит, он упорно сочиняет классические сонеты, щеголяет сложными строфическими формами и в то же время способен без тени иронии назвать стихотворение «Мысли на досуге», наводнить стихи словесным мусором (в простодушной попытке изобразить бытовую речь), не дописать венки сонетов... Серьезный, взыскательный читатель, как известно, таких промахов не прощает.

Ознакомившись с книгой Ивана, этот гипотетический потребитель сгоряча решит, что его поэзию можно исчерпать двустихием Вознесенского: «Я вечный твой поэт и вечный твой любовник. И — больше ничего». Но лирическая позиция Образцова лишена признаков литературной игры, он серьезен и потому сентиментален («а я любил и честно был несчастным»). Неожиданно эта манера оказывается продуктивной: в книге есть четыре отличных стихотворения — «Но отсюда не выйти, не вырваться и не убежать...», «Только ты или я — здесь останется это не важным...», «И от Малой Олонской рукою подать до Речного...», «Вот снег, первый снег, двадцатое октября...»

Среди стихотворений автора немало «упражнений в классических размерах», ритмических цитат из раннего Маяковского, верлибров, стихов, навеянных юношескими опытами Бродского, заметно настойчивое желание перенять «приемы старых мастеров»:

На краю василькового поля
не осталось от черни следа.
Ты идешь — ни могилы, ни боли,
и родник, и святая вода.
Вот и все, вот и кончились флаги
замыканием обоих миров.
Оказалось, не много отваги,
знать значение правильных слов.
Да и я — стану сказанным прошлым
на своей беспокойной земле,
и пойду по бескрайней пороше,
и пойду по бескрайней воде.

Профессионального поэта отличает умение критически оценить написанное, или способность к селекции (выбору). Сумел ли Образцов доказать свою принадлежность к цеху мастеров? Ответим строчкой из его стихов: «Здесь останется это неважным». Почему? «Потому что любой человек подобен звезде». Есть немало людей, которым Образцов — «светит». Которые благодарны поэту за духовное служение и стихи, исполненные неподдельного лиризма.

Константин Гришин.

У стихов Малыгиной есть важное достоинство — по ним легко воссоздать непротиворечивый, цельный образ лирической героини. Александра пишет с умыслом и неким расчетом (верным!), словно по пунктам отвечает на анкету: «Кто я?» Попутно она делится с читателем психологическими наблюдениями, не стесняясь играть в Капитана Очевидность:

Как непросто и горько учиться терять,
Как легко одному, но бессмысленно пусто...
.....
Я когда-нибудь стану взрослой...
.....
Мы ничего не знаем наперед...
.....
Я, наверное, зря с головой отдаюсь незнакомцам...

Ее волнуют будничные явления — восходы и закаты, приход весны и осени, смена погоды, любимая игра — «притворяться собой», возлюбленный ее тоже зрим и конкретен — в одном из стихотворений он угро-

жает девушке «иерихонской трубой» (может быть — обрезком трубы?)

Героиня не чужда самоиронии и юмора:

Всю ночь заправлена кровать,
Давлю тоску и беспокойство,
Но так устала изучать
Спиртовых физические свойства...

Тем более печально, что язык стихотворений Малыгиной напоминает массовую поэтику Серебряного века — в нем много архаизмов и высокопарных выражений. Так всерьез писали в десятых годах прошлого столетия:

Любовь прошла, рассчитывать на мст
Бессмысленно, ведь я не в состоянь
Питать к тебе хоть малый интерес.

Но помнится, уже Блок иронизировал над стихами современницы: «Откройте наугад Вашу книгу, и на каждой странице найдете слова «никогда», «совсем» или «самый»...» Замечание поэта справедливо и для Малыгиной («Никогда-никогда я не стану счастливой с тобой» и пр.)

Однако, к ее чести, Александра в хорошем смысле афористична. У нее много самодостаточных, лаконичных, абсолютно убедительных строк:

У любимого мужчины
Нелюбимая семья.
.....
Мне так недостает тебя
Под этим синим покрывалом.
.....
Это больше чем просто усталость —
От разлуки не спать по ночам.
.....
Ровные души любить не могут —
Нужно взаимное искривленье.
.....
Я разбитая, я усталая,
Пожалей меня, пожалей.

Последнюю мысль вполне можно назвать лейтмотивом книги. Малыгина чтит заветы Ахматовой, которая изображала свою лирическую героиню слабой и болезненной, тонкой и надломленной, одухотворенной дамой, страдающей бессонницами, писала «предсмертные» стихи, будучи в добром здравии и обладая железной волей («я — как танк»). Согласимся: женщине не зазорно играть в беззащитность, тут много бонусов и они не исчерпываются сочувствием «любого и каждого». Но Анна Андреевна осталась в русской литературе не строчками о трогательных пустяках (которые принесли ей славу), но зрелой лирикой. Не беда, что Александра Малыгина собрала в книгу накопившиеся за школьные и студенческие годы тексты, прекрасно сознавая их недостатки. Может быть, однажды она выпустит книгу зрелых стихов. По гамбургскому счету, в «Музыке чернил» есть одно безупречное стихотворение по мотивам детства — «Мне странный мир является во сне...» Поразмыслишь и согласишься: и это немало.

Константин Гришин.

Этим знаком отмечены книги, вышедшие в рамках краевого издательского конкурса.

Музей в твоем мобильном

текст
НАТАЛЬЯ
ЦАРЕВА

Государственный художественный музей Алтайского края и журнал «Культура Алтайского края» предлагают всем любителям искусства новый художественный проект «Чарующий Алтай». Восемнадцать картин, снабженных QR-кодами, будут размещены на страницах журнала. Это лучшие картины XX века, прекрасные полотна, посвященные Алтаю, из коллекции музея.

QR-КОД

(англ. quick response — быстрый отклик) — матричный код (двумерный штрих-код), разработанный и представленный японской компанией Denso-Wave в 1994 году.

Основное достоинство QR-кода — это легкое распознавание сканирующим оборудованием (в том числе и фотокамерой мобильного телефона). Установив программу-распознаватель, абонент может моментально заносить в свой телефон текстовую информацию, добавлять контакты в адресную книгу, переходить по веб-ссылкам, отправлять SMS-сообщения.

QR-коды активно используются музеями, а также в туризме. Это позволяет индивидуальному туристу легко ориентироваться в городе, даже не зная языка, так как QR-коды установлены на нескольких языках.

Новые ультрасовременные цифровые технологии (augmented reality, AR – дополненная реальность) сегодня уверенно шагнули в классические музеи и позволили дополнить реальное восприятие произведений искусства виртуальными элементами, которые загружаются на смартфон или планшетный компьютер из Интернет благодаря считыванию QR-кода при помощи встроенной камеры устройства.

Дополненная реальность к картинам, публикуемым на страницах журнала, — это видеоролики, тексты и изображения: этюды, эскизы, наброски, редкие архивные фотографии. Они делают информацию о полотнах мастеров, представленных в нашем проекте, максимально полной. Одним словом, это уникальные материалы, многие из которых в Интернете размещаются музеем впервые. Мы начинаем с первых профессиональных художников Алтая — Григория Гуркина и Алексея Никулина.

Генеральным партнером проекта «Чарующий Алтай» выступил Государственный Русский музей, оплативший все затраты по проекту и разместивший его на своем сервере в качестве подарка к 75-летию Алтайского края.

Доступ к информации по картинам можно получить с помощью QR-кода, размещенного рядом с репродукцией картины, и при помощи телефона на платформе android или ios. Можно также сканировать QR-коды из журнала при помощи веб-камеры вашего домашнего компьютера.

Добро пожаловать в дополненную реальность «Чарующего Алтая»!

Григорий Гуркин.
Озеро горных духов.
Все фото предоставлены ГХМАК.

ХОТИТЕ УЗНАТЬ О КАРТИНЕ БОЛЬШЕ?
ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ БЕСПЛАТНЫМ ПРИЛОЖЕНИЕМ RM GUIDE

С ТЕЛЕФОНА
НА ПЛАТФОРМЕ
ANDROID ИЛИ
IOS ЗАЙДИТЕ В
ANDROID MARKET
ИЛИ APP STORE

ВЫБЕРИТЕ И
УСТАНОВИТЕ
ПРОГРАММУ
RM GUIDE

ЗАПУСТИТЕ
ПРОГРАММУ,
НАВЕДИТЕ
ТЕЛЕФОН НА КОД
ПОД ЭКСПОНАТОМ

ПОЛУЧАЙТЕ
ИНФОРМАЦИЮ
В ВИДЕ ФОТО,
ТЕКСТОВ, АУДИО-
И ВИДЕОФАЙЛОВ

стр.

18

{
выставки/
избранное
}

/ Выставочный зал
Союза художников Алтайского края

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Юлия Никитюк. Букет и персики. 2010.
Фото Дмитрия Золотарева.

Конец года Союз художников завершил персональными выставками барнаульских художников. Первой в этом ряду было юбилейное мероприятие художницы Юлии Никитюк.

С активной художественной позицией Юлии Никитюк хорошо знакомы многие любители изобразительного искусства Барнаула. Объемная выставка живописи состоит из ретроспективных работ и новых произведений последних лет. Это выставка-повествование о пути женщины-художника, достигшей успеха в непростые для всех последние два десятилетия.

За плечами Юлии Никитюк красноярская школа живописи, которая предполагает определенную академичность, использование реалистических жанров. Именно в них Никитюк разносторонне реализовала свой талант живописца. Заметим, что из всех «наших» красноярцев (Дмитрий Петренко, Евгений Олейников) художница Юлия Никитюк самая яркая и талантливая. Основная черта ее характера, перешедшая и в область искусства, — это упорство. Красочные результаты этого неутомимого желания, нашедшие воплощение в многочисленных картинах и этюдах, демонстрирует ее «персоналка».

Художница работает (или работала) во всех реалистических жанрах изобразительного искусства. Однако ее натюрморты, портреты и пейзажи как жанры подвержены изменениям. Например, к ранее активно разрабатываемому жанру портрета интерес на данный момент иссяк. В 1990-е годы Юлия Никитюк была зачинательницей нового, так и хочется добавить «ново-русского», репрезентативного портрета. Такие портреты выполнялись на заказ и несли все атрибуты новой жизни: женщины в облегающих черных платьях или дорогих шубах, в вычурных позах на фоне ковров и дорогих драпировок. Но дальнейшего развития такой «аристократический» тип портрета не получил.

Последние пейзажи Никитюк зрелы в исполнении. Достаточно сравнить, как совершенно по-разному, в разной стилистической манере написаны ею роскошный корпусный по фактуре зимний пейзаж и пейзажи Горного Алтая, исполненные мелкими, быстрыми, прозрачными мазками. Ранее художница уделяла внимание и городскому пейзажу. Любопытно, что интерес к этому жанру возник у художницы в Западной Европе, в Германии, где она в конце 1990-х годов с туристической дотошностью запечатлела не один городской вид. А по приезде домой Юлия рассмотрела и запечатлела пейзажные особенности Барнаула. Поездки за рубеж не стали тем самым прорубленным «окном в Европу», а скорее явились небольшой отдушиной. Как бы то ни было, но история общения с заграницей выгодно расцветчивает творческую биографию Юлии Никитюк.

Основные ее достижения в изобразительном искусстве видятся нам в жанре натюрморта. Это и постановочные, академически строгие натюрморты, и эмоционально другие работы — «букеты» из цветочной смеси, от которых буквально исходит теплая, добрая энергия жизни.

В последнем зале Выставочного зала СХ расположились ее немногочисленные произведения, образно восходящие к западноевропейскому стилю модерн (легкомысленные композиции с эротичной тематикой). Модерн в искусстве Юлии Никитюк не победил, она осталась верна традиционным жанрам реалистического искусства. Однако как одно из направлений, возможно, наиболее востребованное загадочной женской душой, этот стиль имеет практику возрождаться в ее творчестве.

Витальность. Любовь к искусству. Жажда жизни (название одной из ее работ, которое могло бы стать отличным названием всей персональной выставки). Эти слова лучше всего характеризуют искусство Юлии Никитюк.

Дмитрий Золотарев.

/ **Выставочный зал Союза художников Алтайского края**

НЕСАБЛОННАЯ ПЕРСОНАЛКА

В ноябре в залах Союза художников проходила персональная выставка известной художницы Ирины Леденевой «Отражение».

Ирина Леденева в качестве самостоятельного художника раскрылась достаточно поздно: свою первую серьезную выставку она провела в конце 1990-х годов. Зато в нулевые годы у художницы было уже два крупных персональных мероприятия в Союзе художников.

Первый период ее творчества — «темный», где сюжет, на наш взгляд, не всегда оправданно и

Ирина Леденева. Краски Кольванского озера. Фото предоставлено галереей «Кармин».

обоснованно изображен на темном или черном фоне. Для отдельных произведений автора характерно затейливое, графическое начало. Уже в то время художница активно разрабатывала жанры натюрморта и пейзажа, которые останутся у нее ведущими и впоследствии. Мы предположим, что к картинам, написанным в этих жанрах, автор относился как к сверкающим красочным драгоценностям. Пейзажи природы края —

проникновенны, элегичны. Ее букеты — ювелирно изящны.

Что касается портретов, то Ирине Леденевой близки женские образы с развитым эстетическим миром. И прежде всего — это автопортреты, изображения самой художницы. Первый, более ранний «Автопортрет в шляпе» ре-

шен в психологическом ключе — он меланхоличен. Другой, поздний — «Вечерний» звучит иначе. Художница прячет, скрывает внутреннее «я», демонстрирует себя подобно дорожному букету или украшению, райской птице, пойманной в черный вертикальный формат холста.

Уже в 1990-х годах Ирина Леденева использует свой коронный прием: живопись покрывается лаками. Использование лака — не ново. И отношение к нему настороженное, зачем, мол, хорошую живопись портить? Заметим кстати, пейзажи с лаками изредка ранее встречались в творчестве известного барнаульского пейзажиста Николая Иванова. У Ирины Леденевой этот технический прием трансформируется в концептуальный жест, важнейшую составляющую ее системы художественного образа. В результате использования лака поверхность картины становится неузнаваемой: необычная блестящая фактура живописи; крупные мазки, напоминающие стекловидные пасты; совершенно особые световые эффекты. Эксперименты с лаком усложнили живопись Ирины Леденевой. А в станковой картине проявились черты схожести с витражом или мозаикой.

Второй период творчества художницы приходится на нулевые годы и продолжается по сей день. Возможно, по аналогии с предшествующим, «темным» периодом в живописи данный период следует считать «светлым». Как бы это громко ни звучало, происходит переход Ирины Леденевой из одного творческого состояния в другое, она становится мастером. Художница как-то особенно почувствовала окружающий мир, себя и, подобно бабочке, научившейся летать, обрела стихию искусства.

Черный цвет забыт. Все те же любимые художницей натюрморты и пейзажи расцветают волшебным блеском красок-смальт, приобретают свободно-экспрессивную манеру письма.

Для Ирины Леденевой особый интерес представляет тема Колывани, горных ландшафтов. Именно в этих пейзажах художница достигает наивысших достижений в изобразительном искусстве. Реалистичные пейзажи наполнены скрытыми смыслами, символами, аллюзиями. Колывань — это особое место, где исторический контекст всегда будет заявлять о себе. (Нам памятливы мифологическо-исторические колыванские экзерсисы художника Александра Варова.)

Живописные работы последних лет Ирины Леденевой наполнены светом. Особенно художнице удается передача усложненных световых эффектов состояния предзакатного солнца. Горы, причудливые каменные формы, сосны сплавляются в красочную мозаику в краткий миг солярного всполоха.

Для художницы Ирины Леденевой важен личностный аспект в рамках реалистической живописной традиции, индивидуальное понимание и выражение искусства. Предположим, что именно работа над пейзажами, поездки в труднодоступные и отдаленные места Алтай наделили Ирину Леденеву способностью тонко чувствовать пространство и подчинять его собственной художественной воле. А еще Ирина Леденева — педагог, преподающий в Новоалтайском художественном училище (на ее персональной выставке отдельный зал был отдан работам ее учеников). Известна она и как исследователь-искусствовед, писавшая о Колывани.

Заметить, что в Барнауле женщины-художницы по сравнению с мужчинами-художниками ходят в лидерах, нетрудно. Яркий пример нешаблонной персоналки, с особым взглядом художника на окружающие вещи, с интересной живописью, личностным пониманием искусства — это выставка Леденевой «Отражение».

Дмитрий Золотарев.

/ гМИЛИКА

АВТОРСКИЙ ДИАЛОГ

В Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтай с октября проходила персональная выставка барнаульца Сергея Погодаева «Земле сибирской гимн».

К художественному событию был выпущен красочный буклет, который рассказывает о наиболее ярких достижениях 55-летнего художника и педагога. Автор вступительной статьи — живописец Ильбек Хайрулинов, у которого Сергей Погодаев начинал учебу в Новоалтайском художественном училище. Свои

Сергей Погодаев. Дары Алтай. 1997. Фото предоставлено ГМИЛИКА.

ми впечатлениями-резюме о живописце Сергее Погодаеве делятся такие известнейшие советские художники, как Юрий Кугач и Николай Соломин.

Сергей Погодаев как профессиональный художник становится известным с начала — середины 1990-х годов, в то время он живет под Змеиногогорском. Излюбленный жанр Погодаева — натюрморт, по авторскому определению, «с атрибутами сельской жизни». За редким исключением портретные и пейзажные работы никогда не были

самостоятельными в его творчестве. Разве что история с портретами писателя Альфреда Хейдана выбивается из привычного наследия художника.

Начинал Сергей Погодаев крайне уверенно. Расцвет его творчества приходится на трудные 1990-е годы, когда он становится активным участником краевых выставок, проводит в Барнауле ряд персональных мероприятий. Его натюрморты были грамотны, постановочны, с хорошей живописью русской школы. Особый, располагающий акцент в эти натюрморты приносила родная тема — дары урожая: выпеченные хлеба, крынки с молоком, мед, яблоки. Эти работы брали не только своим профессионализмом, предметным знанием деревенской жизни, но и душевной теплотой. В работах Сергея Погодаева представал мир алтайской деревни-государства-микрокосма. Нами не случайно обозначено прошедшее время.

Художник перебрался в Барнаул. По его словам, обустроившись, приживался. Сейчас Сергей Погодаев успешно занимается педагогической деятельностью в Алтайской государственной академии культуры и искусств. Он даже стал автором учебника «Рисунок. Теория и практика», пособие получило широкое признание и огласку в Москве. И дело не в том, что на собственно занятия живописью у художника стало меньше времени,

и она стала вторичной по отношению к преподавательской деятельности (случай, в общем-то, не уникальный), а в том, что сама живопись, система художественного образа претерпели изменения. И как нам видится, не в лучшую сторону. Деревенская тема, некогда так полнокровно прозвучавшая в творчестве Сергея Погодаева, в условиях городской жизни стала забываться, терять свою прежнюю силу. Вряд ли художник не помнит, как выглядят деревенские вещи, но их изображения, зачастую в самоповторах работ предшествующего десятилетия, лишены «исторического обаяния», подлинности, даются в ретроракурсе. Сейчас типичный городской художник Сергей Погодаев, который не часто может выбираться на природу, пишет, главным образом, импульсивные, выполненные в широкой манере яркими красками скоротечные этюды.

Сергей Погодаев не устраивал «персоналок» более 10 лет: здесь были представлены и ранее известные картины и работы, которые были написаны в последние годы. Новая выставка художника Сергея Погодаева предстала в редкой форме авторского диалога.

Дмитрий Золотарев.

О БАРНАУЛЬСКИХ «ВЗГЛЯДАХ»

К 15-летию организации городского молодежного объединения «Взгляд».

В Барнауле 1990-е годы отмечаются появлением нескольких художественных группировок. Одним из самых интересных и плодотворных объединений молодых городских художников стал «Взгляд». Было организовано три крупных совместных выставки (1997, 1999, 2001). Коллектив объединения составили, за редким исключением, выпускники разных лет Новоалтайского художественного училища.

Наиболее известны первая и последняя выставки объединения. К первой выставке (1997) даже был выпущен иллюстрированный каталог. В ее деятельности приняли участие: Павел Брытков, Сергей Дедов, Эдуард Добровольский, Владимир Кикоть, Андрей Кочкин (реклама), Светлана Малыхина, Юлия Никитюк, Наталья Полякова, Валерий Уманец, Татьяна Уманец, Игорь Филиппов (скульптура), Роберт Хайрулинов, Алла Шапиро, Евгений Югаткин. Коллектив участников вернисажей позже менялся.

Денис Октябрь.
Туман. 2011. Фото
Дмитрия Золотарева.

Состав последней выставки (2001) выглядел так: Алексей Бирюков, Павел Брытков, Елена Вахненко, Лика Добровольская, Сергей Мозговой (скульптура), Денис Октябрь, Татьяна Уманец, Алла Шапиро. Кроме того, в объединение входили и другие участники, например, Инга Бутина (скульптура) или известный в то время в городе телеведущий, а сейчас российский режиссер Евгений Бедарев. Инициатором и постоянным организатором всех выставок выступала художница и искусствовед Татьяна Уманец.

«Взгляд» возник как молодежное объединение при Союзе художников Алтайского края. Первая выставка прошла в Выставочном зале СХ. Последующие выставки объединения проходили в Выставочном зале АлтГУ, своеобразном рассаднике современного искусства тех лет. Несмотря на позицию независимости участников и самостоятельность объединения, «Взгляд» расценивался как

кузница кадров для СХ. Позже многие экспоненты выставок действительно вошли в состав Союза художников.

Единой эстетической концепции у участников выставок не было, да ее просто и не могло быть. Подбор работ первой выставки был во многом случайным. Преследовалась цель — создание чисто городского, барнаульского художественного объединения. «Моей задачей было собрать талантливых, молодых и, главное, профессиональных художников, чтобы каждый из них был с «лицом», своим «взглядом», с индивидуальной творческой манерой», — позже вспоминала Татьяна Уманец.

Последующие выставки были столь же разнообразны по составу участников и выбору произведений. Присутствовали и мужчины-живописцы, порой такие разные по творческим устремлениям, как Павел Брытков и Денис Октябрь. Ядро же выставок всегда составляли женщины-графики: «та самая» Татьяна Уманец, Алла Шапиро и другие художницы. При всей палитре заявленных авторских позиций все же прослеживались определенное тяготение к декоративизму искусства и своеобразный символизм работ.

Символичность проглядывала и в оформлении экспозиций. Стены украшались, композиционно чле-

Алла Шапиро. Не тронь меня. 1995. Фото Дмитрия Золотарева.

нились листами бумаги, гирляндами из шаров, прозрачными драпировками. Открытие первой выставки сопровождалось показом молодежной моды. Подобные приемы концептуального украшения служили напоминанием того, что искусство всегда необычно и волнующе прекрасно в своей загадочности. И если сами произведения «упакованы» в стены выставочных залов, то творчество (или его дух, загадка, искусство) всегда неуловимо.

Помимо коллективных вернисажей, почти все участники объединения активно выставлялись персонально. Главной причиной прекращения деятельности «Взгляда» стал возрастной порог, стремление к более четким, обдуман-

ным сольным проектам. Немаловажным фактором, не способствующим дальнейшему развитию объединения, явился отъезд главного идейного организатора выставок Татьяны Уманец в Москву (она была художником-декоратором фильма Евгения Бедарева «В ожидании чуда»).

Выставки «Взгляда» были чем-то вроде перекрестка мнений, различных авторских позиций в искусстве. Его участники, состоявшиеся как художники-профессионалы, значительно расширили и обогатили художественную жизнь Барнаула и Алтайского края.

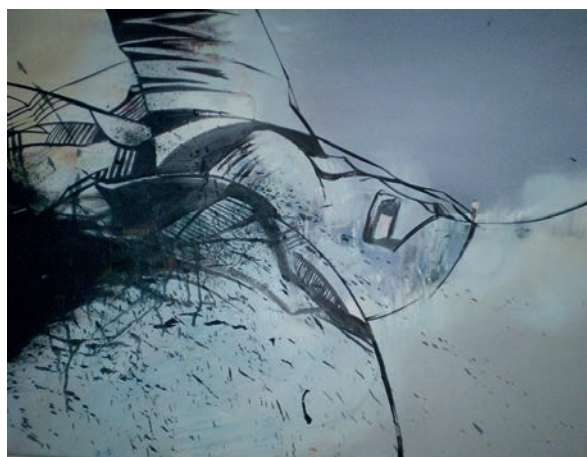
Дмитрий Золотарев.

/ Галерея «Бандероль»

КАПЛИ ОГНЯ В ГОД ОКТЯБРЯ

В октябре (да-да, именно в этом месяце) в галерее «Бандероль» проходила выставка Ильи Октября «Капли огня».

Уходящий год оставил «почти гиннесовский» рекорд местного масштаба, впервые все художники из разветвленного семейства Октябрей стали участниками персональных и групповых выставок в Барнауле. Их выстав-

кография за 2012 год: «Дети Октября» (галерея «Турина гора»), Валерий Октябрь (Союз художников), Денис Октябрь (Союз художников), Евгения Октябрь и ее ученики (галерея «Бандероль»). Если вам покажется этого мало, то для полного

Илья Октябрь. Под водой. 2012. Фото Дмитрия Золотарева.

счета в галерее «Бандероль» можно было познакомиться с Ильей Октябрем, самым младшим представителем этой художественной семьи.

Понятия «молодой» и «начинающий» художник не всегда совпадают. Илья Октябрь — молодой художник, которому всего-то за двадцать. Но уже явно не начинающий, так, эта персональная выставка стала пятой в его творческой карьере. Всех его ученических выступлений мы не видели, но что эта выставка — наиболее самостоятельный и зрелый проект, было отмечено и другими посетителями.

Несмотря на то, что у Октябрей в системе художественной образности и живописной манере есть черты родовой схожести, все они вполне индивидуальны. Своя творческая оригинальность присуща и Илье Октябрю. Важную роль в понимании творческого «я» младшего Октября играет то, что у него дизайнерское образование. Живописные работы на выставке исполнены в абстрактном стиле. Мир параллельных линий, упорядоченных цветовых пятен или по-малярному взлохмаченных фактурных поверхностей — кредо этой выставки. Не

удивительно, что опыты Ильи Октября наиболее понятны его собратьям по цеху — художникам (так называемый художник для художников). К авторским особенностям манеры художника относятся явно выраженное графическое начало, культ серого цвета: дымчатого, перламутрового или сложного серого, вбирающего в себя всевозможные оттенки и цветовые градации. Колористическая приглушенность и экспрессивное письмо — отличительные признаки его искусства.

По первым выставкам Ильи Октября, демонстрирующим профессиональное взросление художника, трудно сделать вывод о его дальнейших пристрастиях: останется ли автор глашатаем абстрактной живописи или все же решит стать поборником фигуративного искусства. Ясно одно: в ближайшие десятилетия нам предстоит смотреть всех Октябрей, а этот выбор, согласитесь, не самый плохой. Тем более что других молодых талантов, хоть как-то обозначивших свое присутствие в выставочном пространстве города, почти нет.

Дмитрий Золотарев.

/ Галерея «Республика ИЗО»

И ТО, И СЁ

В одной из самых юных барнаульских галерей — «Республика ИЗО» в октябре-ноябре проходила персональная выставка молодого графика Евгения Кизилова «И то, и сё».

О художнике известно, что он, недавний выпускник одного из художественных заведений Барнаула, на данный момент работает дизайнером. Эта выставка — чисто ученический проект: молодой график показывает определенные азы профессионального мастерства.

Данный проект уже можно было видеть в Барнауле, выставка практически целиком ранее демонстрировалась в галерее «Открытое небо». С подобным озадачивающим фактом, признаемся, мы сталкиваемся впервые. Как бы то ни было, с оговорками, но новая выставка Евгению Кизилову все же удалась.

Правильнее всего считать это мероприятие отчетным. Молодой, но уже профессиональный график показывает нам результаты своего труда в смешанной технике. А выставка графики в Барнауле — это всегда событие. И не важно, это выставка ли бренда духа XX века — ПикаSSo (его откровенная барочная графика в стиле ню демонстрировалась в галерее «Проспект») или никому не известного местного художника.

У автора на руках есть козырь (карта, как известно, непостоянная): он нашел свою тему, и эта тема совершенно не характерна для искусства Сибири. Евгений Кизилов обратился к чешским мотивам: красные черепичные крыши,

Евгений Кизилов. Деревянные солнца. Фото предоставлено галереей «Республика ИЗО».

уютные дворики, башни со шпильями. В этих выхваченных из реальности образах преобладают натурные зарисовки. Чувствуется, эта западноевропейская тема нравится Евгению. Строки Владимира Набокова: «Быть русским заблудившимся поэтом /Средь лепета латинского цинада», вполне соответствуют и настрою молодого барнаульского художника.

Другие работы из «чешской серии» несут в себе черты литературной обобщенности, готической фантазии и даже юмора. Например, автор обыгрывает схожесть куполов с... чесночными головками. Одна башня средневекового моста

прикинулась юной девой, а другая — старухой. Вызывающий тревогу лист «Игра», где дети играют в мяч на фоне покрытого трещинами старинного костела, напоминает произведения художников-сюрреалистов.

Однако на выставке есть и противоположные мрачноватым иллюстрациям работы. Это и смеющееся яйцо, живущее в гнезде («Кальций»). И какой-то умопомрачительный авторский вариант дизайна известного всем смайлика в стилистике модерна в виде месяца, запутавшегося в изогнутых ветвях-усиках деревьев.

Человек так устроен, что ему всегда куда-то нужно возвращаться, в том числе и в реальный Барнаул.

Дмитрий Золотарев.

Классики
живописи

1. Алексей Борисов.

**Портрет жены
в черном. 1919.**

2. Алексей Борисов.

**Фото 1916 года,
г. Петроград.**

Все фоторепродукции пред-
ставлены ГХМАК.

«Работая во имя
искусства, питайся
им духовно и телесно,
ни на пядь не уступая
своим идеалам
для денег. Не стремись
к наживе через
искусство и не проводи
дня, не проработав двух
часов во имя искусства».

1
Из завещания
Алексея Николаевича
Борисова, написанного
в 1919 году.

Завещаю искусство

**Алексей Николаевич Борисов, живописец, график, декоратор,
педагог, член Союза советских художников, внес большой вклад
в становление и развитие профессионального искусства на Алтае,
и в частности в Барнауле, в 1920-1930-е годы.**

Школа

Родился Алексей Николаевич Борисов 2 февраля 1889 года в Нижнем Новгороде. Свое художественное обучение он начал в Харьковской городской школе рисования и живописи (1908–1910), одновременно являясь учеником декоратора в Харьковском оперном театре. Затем Борисов был вольнослушателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, посещал частные художественные студии Москвы (Ф. И. Рерберга, И. И. Машкова, А. П. Большакова). С 1912 по 1917 г. он учился в школе Императорского общества поощрения художеств. Об этом периоде в своей автобиографии Борисов записал: «...работаю в эскизном классе у Рериха, по композиции и графике у Билибина, класс живописи у Рылова и по декорационной живописи у Химоны».

Первая премия и первая выставка

За декоративные работы Борисов несколько раз получал премии, а за работы по рисунку и живописи педагогическим советом школы был премирован поездкой по России для зарисовок памятников старины и быта. В 1915 году после возвращения из поездки на Соловецкие острова, которые он выбрал местом своего путешествия, состоялась первая персональная выставка Борисова. Она проходила в школе Императорского общества поощрения художеств и являлась отчетом

текст
ЕЛЕНА
ДАРИУС

2

молодого художника о проделанной работе. Параллельно с обучением Борисов работал помощником декоратора в театрах Петербурга: театре Музыкальной драмы, Малом театре, театре «Паласс».

Алтай — громадное впечатление

В 1918 году Алексей Николаевич приехал на Алтай. «Алтай на меня производит громадное впечатление. Я с удовольствием слежу за всякими изменениями, изучаю горы и восхищаюсь переливами красок, бегущими облаками и изгибами быстрой реки Катунь», — записал в своем дневнике Борисов. Несколько месяцев художник прожил в селе Элекмонар. Осенью того же года он стал читать лекции по рисованию в высшем начальном училище и учительской семинарии в селе Чемал.

В 1923 году коллектив барнаульской школы имени III Коминтерна пригласил Борисова на должность преподавателя рисования и ручного труда, он принял приглашение и переехал с семьей в Барнаул. В период с 1923 по 1937 год художник вел уроки рисования в Алтайской губернской опытно-показательной школе I и II ступе-

ни имени III Коминтерна, школах №№ 103, 25, 26. Читал лекции по изобразительному искусству в Барнаульском педагогическом техникуме и Барнаульском учительском институте. С 1925 по 1928 и с 1936 по 1937 год он преподавал в организованных им художественных студиях Барнаула. Многие из учеников Борисова, ходившие в эти студии, позже стали профессиональными художниками. Среди них Федор Филонов, Борис Астахов.

Общество художников «Новая Сибирь»

Алексей Борисов был инициатором объединения художников города и края, постоянно писал в местной периодической печати — газете «Красный Алтай» о необходимости художественного воспитания населения, о сохранении художественного музея, организованного в Барнауле в 1920 году художниками Алтайского художественного общества, выступал с предложениями проведения публичных лекций по искусству, организации библиотеки для художников. В 1927 году, после Первого съезда художников Сибири, проходившего в Новосибирске, организованного художниками общества «Новая Сибирь», он создал в Барнауле филиал данного объединения. Самого Борисова избрали секретарем этого творческого союза. В 1930 году в Барнауле прошла первая выставка картин, этюдов и эскизов барнаульской группы общества «Новая Сибирь», в которой приняли участие восемь художников, в том числе и Борисов, было представлено 207 произведений, издан каталог выставки.

Живя в Барнауле, Алексей Николаевич с увлечением продолжал заниматься театрально-декорационной деятельностью. Он был декоратором в Летнем театре ГубОНО и затем в возникшем здесь Барнаульском городском театре.

В прекрасном и яростном мире

После смерти художника (Борисов умер от сердечного приступа 21 ноября 1937 года в Барнауле в возрасте 48 лет) осталось более 700 его произведений. Это пейзажи, портреты современников, серии картин, посвященные партизанскому движению на Алтае, теме индустриализации и коллективизации в стране.

Большая часть его наследия была утрачена. Около 70 живописных и графических работ художника находятся сейчас в Государственном художественном музее Алтайского края.

Особой притягательностью, внутренней силой обладает работа «Портрет жены в черном». В этом портрете через образ своей жены Александры Михайловны Борисовой (1899–1997), учительницы, организовавшей в период Гражданской войны школу в старообрядческом селе Усть-Юкса, активной участницы движения по ликвидации неграмотности на Алтае, художник создал образ женщины той эпохи.

Как многие художники, Борисов неоднократно в качестве модели выбирал себя (как в живописи, так и в графике). Интересен его «Автопортрет 1935 года». Художник изобразил себя в интерьере своего дома, в котором практически каждая вещь была сделана его руками, хранила его тепло и энергию. Одухотворенное, аскетически строгое лицо уже немолодого мастера смотрит с портрета. Острый испытующий взгляд раскрывает мужественную, стойкую, волевою натуру художника. И в

то же время ощущается в портрете тревожная настороженность.

Уникальной по тематике и ее воплощению для искусства Алтая стала картина Борисова «Интеллигенция на Алтае в 1919 году (Красные призраки)» (1927). Используя язык символизма, Борисов стремился рассказать в ней о людях, оказавшихся по разным причинам на Алтае после 1917 года.

Это картина-рассуждение о судьбе и месте России в системе мировой цивилизации, о ее духовном самоопределении. Это рассказ об эпохе предчувствий, тревожных ожиданий и томительных надежд.

У Алексея Николаевича было тяжелое заболевание — приобретенный порок сердца. Впоследствии дочь художника Людмила Борисова (Платунова) так вспоминала об отце: «Врачи предписывали ему дожить, самое большое, до 30 лет. Несмотря на каждодневное ожидание смерти, отец боялся чего-то не успеть, спешил работать, спешил писать».

3. Алексей Борисов. Вид с горы на Элекмонар. 1918.

Наряду с живописными, графическими и театрально-декорационными работами Борисова в собрании Государственного художественного музея Алтайского края хранится большой архивный материал. Документы рассказывают о неординарном человеке. Мужественный, целеустремленный, бескорыстный, он был предан своему делу. Творческое наследие Борисова является неотъемлемой частью алтайского и сибирского искусства. Его роль в формировании и становлении профессионального искусства на Алтае в 1920–1930-е гг. без преувеличения можно назвать огромной.

В октябре в краевом театре драмы состоялся премьерный показ «Трех сестер». Пьеса А.П. Чехова вышла на барнаульские подмостки в постановке санкт-петербургского режиссера Петра Шерешевского. Мнений как всегда много, мы даем лишь две точки зрения.

ОЛЕГ КОВАЛЕВ:

Чехов в эпоху 1960-х?

Странно, но из всех пьес А.П. Чехова «Три сестры» ставятся, пожалуй, реже остальных. А между тем есть в них что-то особенно интригующее, что-то делающее эту пьесу по-особому современной: то ли образ Наташи — воплощенной пошлости, перед которой бессильны тонкие, умные, деликатные, интеллигентные сестры, то ли проходящий через все произведение и больше всего, пожалуй, запоминающийся порыв — в Москву, в Москву!

Мы, провинциалы, способны усмотреть в этом призыве не только намек на массовый отъезд последних лет в столицу на заработки, но и тоску по безвозвратно ушедшей в прошлое старой Москве — как Москве XIX века, так и советской Москве, которая, согласитесь, была не лишена своеобразного обаяния. И даже когда забываешь все —

и сюжет, и героев — в памяти остается это: в Москву, Москву; да, пожалуй, еще бессмысленное: «тарарабумбия — сижу на тумбе я». Может быть, доля абсурда в «Трех сестрах» несколько выше, чем обычно у Чехова, а потому пьеса и располагает к экспериментированию?

Вспоминается недавний заслуженный успех экстравагантной (все роли предназначены для мужчин) оперы по Чехову «Три сестры» венгерского композитора Петера Этвёша, которую в конце XX — начале XXI веков тепло принимали, несмотря на русский язык, в Лигоне, Будапеште, Эдинбурге... Вот оно — очередное свидетельство актуальности Чехова в наше время, драматурга, думается, все еще не до конца раскрытого и сыгранного. Герои у Этвёша — призраки, выпавшие из своей эпохи и живущие непонятно где, непонятно ког-

Режиссер:
Петр Шерешевский

В ролях: Лена Кегелева, Татьяна Гуртякова, Анна Бекчанова, Антон Кирков, Елена Адушева, Эдуард Тимошенко, Александр Чумаков, Александр Rogozin, Константин Кольцов, Николай Мирошнченко и др.

ОЛЕГ КОВАЛЕВ —

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы АлтГУ.

да, непонятно зачем. И в самой пьесе есть намек на возможность такого восприятия действия: через все произведение проходит мысль о несовпадении человека со своей судьбой, о его, так сказать, недоовлещенности.

В спектакле Петра Шерешевского герои Чехова тоже отрываются от своего времени; происходит что-то вроде метемпсихоза, словно души чеховских героев вселяются в жителей России 1960-х годов. Вероятно, спектакль родился из предположения, навеянного мыслями героев пьесы о далеком будущем, которое одни считают прекрасным, а другие — ничем не отличающимся от сегодняшнего (для них) дня. Могло ли действие пьесы происходить в 1965 году, — как бы спрашивают нас создатели спектакля? Что будет, если заменить некоторые слова («гимназия» — на «школа», «земская управа» — на «горсовет»), добавить цитаты из широко известных текстов и песен советского времени («Мойдодыр», «У самовара я и моя Маша», «Не могу я тебе в день рождения», «Я люблю тебя, жизнь» и пр.)?

Результат, на мой взгляд, оказался не вполне удачным, и отчасти потому, что режиссеру не удалось предусмотреть всех возможных эффектов, вытекающих из подобных анахронизмов. При всем стремлении чеховских героев заглянуть в будущее, они люди своего времени — безвозвратно ушедшей в прошлое предреволюционной эпохи. Отдельные слова можно заменить, но что делать со специфическими интонациями, которые никак не вяжутся с эпохой 1960-х? Тексты и

характер всего происходящего. Ведь он не просто переносит действие в другую эпоху, а именно деконтекстуализирует его. Может быть, поэтому вперемежку с известными советскими песнями (кстати, написанными в разное время) звучат тихие, но по-своему навязчивые звуки «Квintета» Мортонa Фельдмана, сочинения, хотя и написанного примерно в ту же эпоху, в которую перенесено действие «Трех сестер», но воспринимающегося здесь как музыка ниоткуда, и вправду превращающая героев в призраков. Однако и здесь мне не хватило полной ясности. А что, собственно, хотел сказать этим режиссер? Действительно разрушить им же самим создаваемый эффект? А может, он просто следовал тексту, где по сюжету из комнаты Андрея периодически слышатся звуки музыки? Но ведь Андрей играет на скрипке, а тут целый квинтет, из которого яснее всего слышится фортепиано.

Пожалуй, я бы рассматривал эту двусмысленность как частное выражение главного недостатка спектакля. Во всем сквозит общая недодуманность и недоделанность. Вроде бы есть идея, есть размах, претензия, но при этом автор стремится насытить спектакль максимумом известных ему приемов, словно все время боится пустоты. В итоге спектакль создает впечатление ученической работы, где хорошо знакомый с разными приемами режиссер пытается показать сразу все свои таланты, не думая о том, какое впечатление произведет спектакль в целом.

Вот герои разговаривают, держа перед лицом рамочки. Вот персонаж обращается к залу, и «наш го-

1. Сцена из спектакля «Три сестры». Вершинин (артист Александр Чумаков), **Маша** (Татьяна Гуртякова), **Ирина** (Анна Бекчанова).
2. Наталья Ивановна (Елена Адушева) и **Соленый** (Константин Кольцов).

Все фото предоставлены театром.

понятия из советского времени не создают атмосферу советской эпохи. Некоторые монологи вместо того, чтобы приобрести новое звучание и новые смыслы, попросту становятся странными — в особенности известный монолог Ирины (помните: «как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни...?»). В итоге пьеса лишилась специфической интонации, а новая не появилась.

Возможно, такова и была задача режиссера: усилить абсурд, анахронизмы, подчеркнуть вневременной

род» должно восприниматься как «наш Барнаул» (как, в сущности, это старо, избито!). Вот женщина качает вместо ребенка полено — и зритель должен вспомнить то ли фильм Яна Шванкмайера «Полено», то ли «Твин Пинкс» Дэвида Линча. Режиссер как будто все время стремится продемонстрировать свою эрудицию, превосходство над зрителем. И уж чего здесь точно не чувствуется — так это уважения к нему. И потому неудивительно, что зритель по преимуществу недоумевает, теряется. Публика не может понять, как реаги-

ровать на происходящее на сцене. Единственное, что вызывает однозначную реакцию, — шутки, которые, как говорится, ниже пояса: сцена с поеданием торта, соска, облитая водкой, и пр.

Каков бы ни был замысел, задача создателей спектакля — сделать его прозрачным и убедительным. Но именно это и оказалось главной проблемой. Сложно точно сказать, почему так произошло: то ли времени не хватило, то ли общий язык с актерами не был найден. Вообще, многие актеры не убеждают. Не потому ли, что они не приняли до конца концепцию спектакля? Речь Вершинина (Александр Чумаков) и Тузенбаха (Александр Рогозин) интонационно неубедительна. Актер, исполняющий Тузенбаха, мало подходит на эту роль. Вершинин произносит свои

монологи скороговоркой, и непонятно, как на них реагировать. Порой становится просто скучно. Характерно, что свободных мест после антракта заметно прибавилось.

Для объективности любой отзыв должен содержать и критику, и похвалу. И если бы я ставил перед собой задачу похвалить спектакль, то выделил бы ряд сцен и приемов, которые понравились, хотя, увы, сами по себе, а не как часть единого целого. Вечеринка за шторой. Эпизод, когда сестры легли спать, а за тюлем прошла Наталья. То, что отъезд военных из города связали с 1968 годом — вводом советских войск в Чехословакию. И особенно, конечно, заключительное — с лицом во весь экран — «интервью» Наташи. Это было, что называется, в точку.

ЛАРИСА ВИГАНДТ: Не с позиции отрицания

Пьеса Антона Павловича Чехова «Три сестры» в постановке питерского режиссера Петра Шерешевского на сцене краевого театра драмы не станет театральным событием нынешнего сезона. Наверное, это понял и сам режиссер, увидев после антракта зал, опустевший на треть. Тем не менее хочется говорить о спектакле не с позиций отрицания. Все-таки над постановкой потрудились немало людей, все они — режиссер и его питерская команда, наши актеры и невидимые работники сцены — любят свою профессию и всякий раз, создавая новый сценический образ, терзают душу...

Я остановлюсь на том, чем понра-

вился спектакль «Три сестры» в барнаурской версии.

Постановка Петра Шерешевского содержит литературные реминисценции, и мне это показалось интересным. Если о Лермонтове и Гоголе заставляет говорить своих героев Антон Павлович, то аллюзия, отсылающая зрителя к «Белой гвардии» Булгакова и произведениям Зощенко, привнесена режиссером. Булгаковских героев вызывает к жизни сюжетная линия, связанная с военными — с советскими офицерами у Шерешевского. Зощенковский шарж впервые появится в сцене объяснения в любви между Наташей (Елена Адушева) и Андреем Прозоровым (Антон Кирков) и со-

ЛАРИСА ВИГАНДТ —

главный редактор
журнала «Культура
Алтайского края».

3

3. Три сестры — **Ольга**
(Елена Кегелева), **Маша**
(Татьяна Гуртянова), **Ирина**
(Анна Бекчанова).

хранится за этими героями до конца спектакля. Карикатурность некоторых образов и сцен нам показалась графичной и в некотором смысле знакомой. Представляется, что режиссера вдохновлял сатирический журнал «Крокодил» весьма популярный в Советском Союзе. В 1960–1970-е годы крокодилы активно высмеивали мещанский быт, и некоторые картинки со страниц журнала будто ожили в барнаульских «Трех сестрах».

«Три сестры» на сцене краевого театра драмы отмечены несколькими удачными и даже ударными — в смысле хорошо, «с напоминанием» сделанными — сценами. Петра Шерешевского я теперь буду знать как режиссера, способного оригинально строить мизансцены и создавать пластические метафоры.

Всегда интересными были на сцене тандемы Прозоров — Наташа, Прозоров — и другие, сделанные на пластических метафорах. Например, Прозоров, подвешенный в пальто на вешалку; он же, достающий из детской коляски бутылку водки; его монолог завершается сосной-пустышкой; сцена худеющего Прозорова с тортом.

Хорошо — с горькой усмешкой — подана реплика Вершинина (артист Александр Чумаков): «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватается так невысоко?». Говорится это под стакан водки.

Замечательна сцена на сдвинутых кроватях, где устроились три сестры. Они дурачатся, как, видимо, бывало прежде, и вдруг повеяло в зал безмятежностью, детским счастьем. На этот чистый и хрупкий островок посреди сцены, сверху опускается яркий конус света, будто прозрачный саркофаг, — дабы обереечь и сохранить в памяти ощущение гармонии: прорвавшиеся искренность, нежность и любовь.

Я рискну сказать (понимая, что вызову бурю негатива со стороны других зрителей), что мне понравилось то, как Соленый (артист Константин Кольцов) объясняется в любви Ирине (артистка Анна Бекчанова). Собственно, он объяснился в любви ее ножке. Снял носочек, облобызал пальчики и улегся под ступню. Готов быть под каблуком? Готов быть растоптанным? Сцена многозначна — смысл ее можно трактовать по-разному. Чем она так не понравилась моим коллегам?

Это не Чехов, говорят! Но кто сегодня точно может сказать, каким был Чехов? Кто может абсолютно совпасть с его мыслями, душой, отношением к миру? Тем более что теперь мы знаем не только хрестоматийного Чехова из советского литературоведения, но Чехова Бориса Зайцева (такого, что хочется перечитать еще и еще!), и Чехова Дональда Рейффилда, вовсе не выдержанного в рамках принятых приличий.

Как бы то ни было, а сцена запоминается, обсуждается, и это уже неплохо.

У Шерешевского работают звук, цвет, образ: вздущиеся от ветра шторы, красный абажур, доносящиеся звуки воздушной тревоги. Режиссер умеет весь зал вовлечь в действие, сделать зрителей действующими лицами, массовой. Это, в частности, происходит в тот момент, когда секундант кричит из осветительного цеха Тузенбаху на сцену. Весь зал невольно реагирует на звук, отворачиваясь от подмостков. Подоб-

ные режиссерские штуки — это прием, проверочный, актуализирующий. Постановщик взбадривает зрителя и одновременно убеждается: зритель живой, за действием следит.

Петр Шерешевский умеет красиво «кроить» сцену. Так, что, не подавляя друг друга, работают и первый план, и дальний. При этом основное действие — застолье происходит на дальнем плане, за прозрачным занавесом, а на первом плане за ним наблюдают и фотографируют. И это оставляет впечатление фотографии. В семейном альбоме у каждого найдутся подобные карточки, запечатлевшие праздники советских времен. Эти глянцевые любительские снимки дороги сердцу, потому что из детства, когда все еще были живы и веселы, и дни имели перспективу, как теперь имеет ее сцена Шерешевского.

Вообще, тема детства присутствует в спектакле, видимо, для тех зрителей, чей нежный возраст пришелся на годы «развитого социализма», он же «застой», как и у самого режиссера. И лично я благодарна ему за этот привет из прошлого.

Петр Шерешевский продемонстрировал уйму сценических приемов и доказал, что он умеет ими пользоваться. Но пока они существуют как бы в наборе, не создавая единства сценического стиля. Мне кажется, что этот недостаток преодолим. Гораздо важнее, что режиссер — человек неравнодушный.

Хочется отметить актерские работы. Понравились Антон Кирков в роли Андрея Прозорова, Эдуард Тимошенко в роли учителя Кулыгина — они создали совершенно новые характеры. Они сумели не попасть в штампы — тут нельзя сказать, что эти актеры одинаковы во всех своих ролях. Но звездой спектакля стала Елена Адушева. Образ Наташи из середины 1960-х режиссер «продлил» в наши дни. В конце спектакля она появляется на экране в должности директора благотворительного фонда и сначала слащаво о чем-то отчитывается, а потом, полагая, что камера уже выключена, яростно орет на подчиненных: «Молчать!»

Агрессивная пошлость и тупость — это Наташа. Плотоядное, бесстыдное, хитрое, «шершавое животное». Она хочет управлять жизнью и людьми и легко достигает цели. «Мещанка!» — говорят о ней сестры и уступают ей жизнь. Это предупреждение режиссера зрителям: если не сопротивляться мещанству, оно подомнет. Граница между бескультурьем и культурой проходит не только во внешнем мире, но в каждом человеке.

Чехов с барнаульской сцены зазвучал по-новому. И уж, конечно, не так, как он трактовался в советской школе.

Мы, сегодняшние, прошедшие школу крушения идеалов и всеобщей меркантилизации, циничной усмешкой отзываемся на слова классика: «Надо работать, только работать!», «...страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас...», «через двести — триста, наконец, тысячу лет, — дело не в сроке, — настанет новая, счастливая жизнь».

А что нынче слышится в возгласе: «В Москву, в Москву?»!

Постановка Петра Шерешевского заставляла эмоционально реагировать, задавать вопросы, сравнивать и вспоминать, и этим она понравилась.

А БЫЛ ЛИ МОЦАРТ?

/ Алтайский государственный театр музыкальной комедии

Режиссер:
Константин Яковлев

Театр музыкальной комедии этой осенью представил публике очередной мюзикл. На этот раз очередь стать героем выпала гению XVIII века, австрийскому композитору, о котором сложена не одна легенда — Вольфгангу Амадею Моцарту.

В ролях:
Константин Яковлев, Денис Паньков, Виктор Некрасов, Михаил Басов, Лариса Владимирова, Лариса Герасцина, Тамара Вильгельм, Татьяна Ремизова, Виктория Гльцева, Татьяна Бежина, Ирина Басманова, Илья Зуев и др.

Моцарт (Константин Яковлев), **Алоизия** (Татьяна Бежина), **Сальери** (Денис Паньков). Фото предоставлено театром.

Масштабная постановка

Трагикомедия, а именно так, по-современному креативно, определил жанр спектакля режиссер Константин Яковлев, так и называется — «Амадей». Сценическое действие начинается с момента отъезда Моцарта из Зальцбурга и оканчивается таинственной историей написания «Реквиема», приведшей Моцарта к смерти. Все это время зритель находится рядом с великим композитором: встречается с его родными, любимыми, покровителями, друзьями и врагами. Спектакль насыщен персонажами первого, второго планов, в нем множество массовых сцен, в которых участвует почти весь хор и балет театра. С этой точки зрения, постановку, конечно, можно назвать масштабной.

Вопрос в том, как герои и группы участвуют и существуют в таком непросто жанре, как мюзикл. Все же он требует определенной манеры исполнения, технической оснащенности, виртуозности артистов, причем как музыкальной, так и хореографической и, разумеется, драматической. Большая задача в этом случае стоит перед режиссером: грамотный подбор команды — половина успеха.

Моцарт и Сальери убедительны, но вопросов много

Константин Яковлев, конечно, убедительный Амадей Моцарт — режиссер сам решил сыграть центральную роль в премьерке. Вокальные партии были исполнены с чувством и мастерски, особенно яркой в этом плане стала ария, завершающая первое действие. Хорош был и Сальери Дениса Панькова, он сумел стать воплощением зависти и трепета перед талантом Моцарта. Вот только хороши эти герои были сами по себе, независимо друг от друга — не получилось взаимодействия актеров и их персонажей, а потому не сложилась до конца история их дружбы-противостояния.

В связи с этим возникает и ряд других вопросов: какова роль Сальери в судьбе Моцарта? Он ли причастен к скорострительной смерти Амадея? Да и, собственно, главный вопрос: в чем трагедия Моцарта? Она как бы есть и ее как бы нет. Вот жил молодой и яркий композитор, любил, страдал — как и многие другие. Попал в немилость власти — что ж, бывает. Умер в одиночестве — все мы там будем. Да и непонятно, отчего вдруг Моцарт оказывается один.

«Амадей» жить будет

Финал эффектен, по Амадею можно даже уронить пару слез, но тут же гениальная «Лакримоза» сменяется бодрим мотивом о том, что «музыка звучит». Да, наверное, это еще одна особенность мюзикла — не оставлять зрителя в плохом настроении, но все же после «Реквиема» сложно переключиться на современный рок.

Кстати, произведения самого Моцарта в спектакле, конечно, звучат, но поклонники жанра быстро смекнут, что музыкальной основой являются вовсе не они, а франкоязычный мюзикл, посвященный этому же композитору. Мы зададим еще один вопрос: в чем оригинальность режиссерской работы в барнаульской постановке?

Возможно, в том, что он вывел в качестве центрального персонажа Музу в исполнении балерины Марины Парфеновой. Но если в предыдущей крупной работе Яковлева «Ромео и Джульетта» отдельный персонаж Марины — королева Маб — был уместен и явился одной из безусловных удач спектакля, то здесь ее героиня кажется надуманной. Кроме того, для Парфеновой можно

и нужно придумывать более интересную хореографию. Говоря о хореографии, стоит отметить, что артисты балета во многом сделали те вещи, которых раньше не делали никогда. Видно, что современная пластика далась не всем одинаково легко, но балет по ходу жизни спектакля свое наверстает.

Из-за особенностей перевода сложно воспринимаются на слух многие тексты арий, особенно это касается партий первой возлюбленной Моцарта Алоизии в исполнении Татьяны Бежиной.

Зато с визуальной точки зрения зрителю есть на что посмотреть: эффектные мультимедийные приемы, яркие костюмы, сумасшедшие парики. Чего стоит одна только Оперная дива, которую сыграла Татьяна Кокина. Татьяна стала едва ли не главным открытием и событием барнаульского «Амадея» — наконец-то ей в полной мере дали раскрыть вокальные и актерские данные. Именно ее «Лакримоза» могла бы стать блестящей финальной точкой в спектакле.

Зрители премьерой, как виделось, остались довольны. «Амадей» жить будет, но Моцарт тут точно ни при чем.

Наталья Притунова.

ПОТЕМКИ ЖЕНСКОЙ ДУШИ

/ Молодежный театр Алтай

Режиссер:
Виктор Захаров

«Дом Бернарды Альбы» стал первой премьерой сезона в Молодежном театре Алтай на большой сцене, и с выбором материала театр не оплошал.

В ролях:

Галина Чумакова, Ольга Ульяновская, Татьяна Данильченко, Ирина Клишевич, Татьяна Синицина, Нина Таякина, Людмила Позднякова, Лариса Корнеева и др.

Молодежный театр Алтай, побаловав зрителей перед началом сезона «детскими историями», представленными в ходе лаборатории молодых режиссеров «Сказка на новый лад», с октября перешел на более жесткий режим. Сначала здесь прошел проект «Пьесы про сегодня», где артисты во главе с режиссером Дмитрием Егоровым представили читки современной драматургии. А далее работа пошла сразу над двумя драмами. Премьера первой из них состоялась в конце октября — публике явили испанскую историю Федерико Гарсиа Лорки «Дом Бернарды Альбы» в постановке барнаульского режиссера Виктора Захарова.

Пьеса Лорки очень сценична, полна страстей — как явных, так и скрытых, впрочем, то же можно говорить и о смысловых нюансах — более или менее очевидных. К тому же определенно интересно, что эта написанная мужчиной история разыгрывается исключительно женщинами. И актрисам МТА, действительно, было где «разыграться».

Все начинается с похорон. И не будем таиться — заканчивается, по сути, тем же самым. Бернарда Альба, властная сильная женщина, хоронит своего мужа, после чего объявляет в доме восьмилетний траур. Меж тем у нее пять дочерей разного возраста и разной степени привлекательности, но одинаково жаждущих любви и страсти. Когда к старшей из них, Ангустиас, сватается молодой красавец Пепе, обстановка в доме накаляется.

Откровенно говоря, «Дом Бернарды Альбы» — исто-

рия страшная. Почти все фильмов ужасов. Потому что весь ужас внутри людей. Когда видишь, как постепенно из человека едва ли не физически начинают пробивать себе путь злоба, зависть, ненависть, становится жутковато. Вот они, перед нами — сестры, женщины в черных одеждах, в трауре, сверлящие глазами друг друга, не желающие подчиниться восьмилетнему погребению, задуманному их матерью. Вот та, которой, кажется, повезло больше других, — невеста, нелепая Ангустиас (актриса Галина Чумакова), старающаяся с помощью духов и пудры стать чуть более привлекательной. А вот юная красавица Адела (актриса Ольга Ульяновская) — вопреки воле матери нарядившаяся в зеленое платье и отплясывающая фламенко. В нее — да, в нее! — невозможно не влюбиться! Это понимает каждый. Понимает, что вовсе не к Ангустиас под окно приходит с пылкими речами Пепе. Изнывает от ревности несчастная горбунья Мартирио (актриса Татьяна Данильченко) — она ревнует и Пепе к Аделе, и Аделу к Пепе. Она несет в себе всю бурю чувств, всю гамму страстей. Некими «буферами» выступают Магдалена (актриса Ирина Клишевич) и Амелия (актриса Татьяна Синицина), у которых, впрочем, припасены свои поводы для истерик.

В спектакле заняты сразу три заслуженные артистки РФ. Прекрасные работы здесь у Нины Таякиной — служанка Понсия, Людмилы Поздняковой — мать Бернарды и, конечно, Ларисы Корневой, сыгравшей соб-

ственно Альбу. Выразительны в своих ролях Любовь Хотиёва (служанка) и Лия Боброва (Пруденсия). У каждого женского персонажа здесь свое место, каждая из них несет свое начало, выражает свое отношение к любовной лихорадке. Актерский ансамбль состоялся, несомненно, и это во многом определяет тот успех, который спектакль уже завоевал у зрителей. Режиссер Виктор Захаров и художник Владимир Авдеев в тандеме поработали над тем, чтобы не затмить актрис собственными придумками, а дать им некий фон для развития образов.

Конечно, не всем легко в течение почти двух часов наблюдать за трансформацией женщины в чудовище, но надо отметить, что после антракта свободных мест в зале не прибавляется, а значит, спектакль зрителя держит. При этом «Дом Бернарды Альбы» — не развлекательное зрелище, а размышление на серьезную тему. Значит, в Барнауле зритель все же ходит в театр не посмеяться от души, а подумать, значит, не только комедиями едиными живы алтайские театры...

Наталья Притупова.

ВРЕМЯ НЕМЕЛОДРАМЫ

/ Молодежный театр Алтая

Конец ноября в Молодежном театре Алтая стал временем НеМелодрамы — именно таким жанром охарактеризовал спектакль «С любимыми не расставайтесь» по пьесе Александра Володина режиссер Дмитрий Егоров.

Режиссер:
Дмитрий Егоров

В ролях:
народный артист РФ
Валерий Золотухин, Анатолий Кошкарев, Владимир Хворонов, Кирилл Фриц, Мария Сазонова, Маргарита Ходарева и др.

Сцена из спектакля «С любимыми не расставайтесь». Женщина (заслуженная артистка РФ Лариса Корнева), Митя (Владимир Хворонов), Катя (Маргарита Ходарева, студентка АлтГАКИ). Фото Александра Волобуева.

И это определение очень точное: формально, сюжетно — вроде бы самая что ни на есть мелодрама с разводами, слезами и непониманием, что делать дальше и как все исправить. Однако история внутренне гораздо более сложная и отнюдь не слезливая — и спектакль поставлен жестко, без сантиментов.

Режиссер Егоров барнаульской публике знаком, и было ясно, что ждать от него типичной мелодрамы не придется. Но далеко не все были готовы и к тому, что в итоге увидели. Володинский текст режиссер вложил в уста современных молодых людей, у которых деформировано представление о любви и семье.

В центре спектакля — история Мити и Кати. Митя

подозревает Катю в неверности из-за того, что она слишком задержалась в гостях, Катя не собирается оправдываться, потому что жена — это не значит быть в клетке. И зачем что-то пытаться решить, обсудить свои проблемы, признаться себе в своих истинных чувствах? Гораздо проще устроить скандал, подать заявление на развод и разбежаться по стуку молотка судьи.

Чередой перед зрителями проходят бракоразводные процессы и других пар — многие с первого взгляда нелепые, смешные, а в итоге страшные. Просто поженились, просто разошлись. Никаких обязательств. Никакого сожаления. А отпраздновать развод лучше всего в

Сцена из спектакля «С любимыми не расставайтесь». Митя (Владимир Хворонов), Ирина (Татьяна Данильченко). Фото Александра Волобуева.

клубе с друзьями играми вроде «Невинной Камасутры» и пьяным угаром.

Дмитрий Егоров безжалостно вытаскивает наружу все пороки молодежи — будь то алкоголь, наркотики или же моральная деградация. Есть в спектакле сцены, которые отпечатываются в памяти приговором нынешнему обществу.

Так, в конкурсе на самый оригинальный способ лопания воздушного шарика, или, как его называют, «средства детской контрацепции», пьяная девушка засовывает шарик себе под платье, изображая беременную, после чего с силой сжимает его, и из-под платья падают на сцену разорванные красные лохмотья...

Володинский массовик-затейник Валера, проводящий эти конкурсы, здесь — прожженный циник-кокаинист, искуситель, вбрасывающий Катю в толпу, механически повторяющую: «Я об этом не думаю». И она поддается. И она не хочет больше думать. Митя где-то там, а текила, Валера и танцы — вот они. Так что думать не о чем, пора веселиться.

Режиссер спектакля в разговоре признался, что ему, в частности, хотелось порассуждать о том, какие ценности передало старшее поколение младшему. И, как видно, ответ оптимизма вызвать не может. Кстати, показательна в этом случае сцена с женщиной, пришедшей к Мите и Кате по поводу обмена квартир. Героиня заслуженной артистки Ларисы Корневой перед своим уходом читает стихотворение о встречах, любви, дружбе — молодежь начинает похихикивать, а в конце откровенно громко смеется над наивностью женщины. Она называет и имя автора — Александр Моисеевич Володин. Но что говорит сегодня это имя большинству из тех, кто предпочитает в свободное время напиваться в очередном клубе?

Спектакль начинается с того, что под песню Земфиры «Без шансов» на бумажном экране, придуманном художником спектакля Фемистоклом Атамадзасом, зритель видит «историю одной девушки» — историю, которую она проживает в известной социальной сети. Вот она выкладывает свадебные фото, а вот уже их удаляет, вот статус «замужем», а вот — «в активном поиске». Вся жизнь здесь...

На этом же экране между историями о разводах возникают видеосюжеты из барнаульских загсов. Конвейерно регистрируются браки — с улыбками произносятся слова о ячейке общества, любви и уважении. И так же конвейерно продолжают разводы героев спектакля, где ни о каком уважении речь уже не идет.

Финал в больнице, куда Митя приходит к Кате, выматывающе нервный, остро бьющий. Катя вовсе не кричит здесь сакраментальное: «Я скучаю по тебе, Митя!». Она произносит это несколько раз подряд быстро, но монотонно, не обращая напрямую к бывшему мужу и даже, напротив, отталкивая его тянущуюся к ней руку. И Митя уходит — уходит в двери, которые открываются со сцены театра прямо на улицу и оттуда бьет белый свет. А Катя остается повторять как будто зазубренный ею текст: «Я скучаю по тебе, Митя»...

О спектакле «С любимыми не расставайтесь» сложно говорить однозначно. В нем есть не вполне проработанные сцены (хотя есть несколько таких, что мороз по коже пробегает), есть некая затянутасть и, наверное, его сложно воспринять с первого раза. Однако главный его плюс в том, что это ясное режиссерское высказывание. Исходя из которого, Дмитрий Егоров, к сожалению, пока не оставляет молодому поколению шансов и вариантов на лучшее...

Но думаем ли мы об этом?

Наталья Чайкина.

В 2012 году исполняется 70 лет с момента образования трудармии. В СССР тема трудармии появляется в конце 1980-х годов.

Она находит отражение в литературе и живописи, однако по ряду причин не получает широкого распространения и исследования.

Трудармия в поэзии

Мы делаем попытку проследить, как исторические события, а именно трудармия, отражаются в национальной памяти посредством емких и лаконичных поэтических строк. Предметом нашего внимания стало творчество поэтов — российских немцев Владимира Гердта, Вольдемара Шпаара, Лео Майера. Всего — более 40 стихотворений. Большая часть лирических произведений вошла в два поэтических цикла: «Frontabschnitt Taiga» (Участок фронта — тайга) Вольдемара Шпаара и «An der Arbeitsfront» (На трудовом фронте) Лео Майера.

Биографии этих поэтов во многом схожи. Родились в селах, вошедших в 1924 году в состав АССР Немцев Поволжья. Владимир Александрович Гердт и Лео Георгиевич Майер связали свою трудовую жизнь с образованием, Вольдемар Андреевич Шпаар — с журналистикой. Все трое были депортированы и мобилизованы в трудармию.

После трудармии Лео Георгиевич Майер вернулся к педагогической деятельности: был сельским учителем, окончил институт иностранных языков в Алма-Ате (1961 г.), до пенсии проработал директором школы в селе Яготино Благовещенского района.

Еще в конце 1930-х годов в пионерских и комсомольских газетах АССР Немцев Поволжья были опубликованы первые литературные произведения всех трех авторов. С конца 1950-х годов Гердт и Шпаар печатаются в периодических изданиях и литературных сборниках Алтая. Иная судьба сложилась у стихотворений Лео Майера, его стихи дошли до читателя только в 1990-е годы, потому что главной темой его творчества была трудармия.

Владимир Гердт жил и умер в Завьялово. Лео Майер в 1995 году переехал в Германию, в 2002-м из Славгорода уехал в Германию и Вольдемар Шпаар.

текст
ЛИЛИЯ
ЧЕРКАШИНА

Стихотворения, в которых затрагивается тема трудармии, начинают появляться в немецкоязычной печати Алтая в 1980-х годах. Часто в них смысл передан аллегорично, если не знать исторического контекста, биографии авторов, то трудно отнести их к этой теме. В более поздних сборниках появляются указания на принадлежность данных произведений к стихотворным циклам о трудармии. Первым в советской немецкоязычной поэзии рассказал о трудовой армии Вольдемар Шпаар в цикле «Frontabschnitt Taiga».

В 1990-е годы (гласность, реабилитация) поэты заменяют иносказание на прямое повествование о трудармии и трудармейцах. Следует отметить, что до сих пор на русский язык переведено менее половины стихотворений этих авторов.

В исследуемых произведениях можно условно выделить следующие этапы трудармейской жизни: начало (момент мобилизации), на пути к новому месту (дорога к лагерю), жизнь в лагере, природа северного края, «там также был фронт» (восприятие трудармейцами своей работы как еще одного фронта Великой Отечественной войны, способствовавшего победе).

В стихотворении «Kontrast» (Указ) Владимир Гердт пишет о мобилизации в трудармию: «Рыдания женщин, / плач детишек / смешались / с вихрем февраля...», «...забыть не в силах / тот день ужасный...».

О дороге на пути к новому месту рассказывает Вольдемар Шпаар в стихотворении «Am Ende der Welt» (На краю света): конечная станция, трехдневный марш-бросок по бездорожью и «...в нетопленных бараках смертельная усталость валит с ног...». Автор описывает новые и непривычные повожским немцам условия проживания, непонимание происходящего и гнетущее чувство оторванности от остального мира:

Похоже,
дремучее и глуше края нет.
И, кажется,
навечно отгорожен
от нас
тайгой сплошную Белый свет.

ТРУДОВАЯ АРМИЯ, ТРУДАРМИЯ —

принятое название военизированных формирований (рабочие отряды, колонны, бригады), которые существовали в 1941–1946 гг. и комплектовались, прежде всего, представителями проживавших в СССР народов, этнически родственных населению воюющих с Советским Союзом стран: немцев, финнов, румын, венгров и болгар. «Трудармия» сочетала элементы военной организации (мобилизация через военкоматы, единоначалие, однообразная структура подразделений, наличие воинского внутреннего распорядка), производственной сферы (работа на производстве, нормы выработки, оплата труда) и заключения (наличие охраняемой «зоны», административный режим содержания, нормы снабжения ГУЛАГа НКВД).

Всего за годы войны было мобилизовано свыше 315 тысяч немцев.

Об этом же пишет Владимир Гердт в «Auf der Etappe» (На этапе) и Лео Майер в «Im Kaj» (В лесном массиве севернее Кирова).

Основная масса стихотворений, напечатанных в 1990-е годы, посвящена описанию жизни в лагере. К ним можно отнести «Könige der Nacht» (Короли ночи), «Wintermärchen» (Зимняя сказка), «Nächtlicher Alarm» (Ночная тревога) Вольдемара Шпаара; «Bügelsäge» (Лучковая пила) Лео Майера; «Lagerleben» (Лагерная жизнь) и «Am Lagerfeuer» (У лагерного костра) Владимира Гердта. Ночной холод барачков, изнуряющий труд, атрибутика лагерного режима (подъем! рыбная баланда, пайка), теперь тайга их дом и рабочая норма — вот главные темы творчества.

Самый тяжелый период трудовой армии пришелся на зиму 1942–1943 гг. Это время самого строгого режима содержания, огромных проблем с питанием, обмундированием, проживанием, что привело, говоря сухим языком статистики, «к увеличению динамики трудопотерь на объектах НКВД».

«Здесь правит балом смерть, но миру ничего не слышно...» («Der Winter ist erbarmungslos» (Зима безжалостна) писал в 1942 году Владимир Гердт. Но даже в это время оставалась надежда, и тем пронзительнее звучит его «Neujahrsnacht» (Новогодняя ночь. 1943).

Справляться с непосильными физическими нагрузками, скудным питанием, жилищно-бытовыми проблемами, с психологическим давлением от осознания несправедливого наказания трудармейцам помогали сводки с фронта, «неповторимый голос Левитана» («Am Mikrofon» (Г А В А Р И Т Москва!) В. Шпаара), воспоминания о прошлой радостной и счастливой жизни («Ein Traum» (Сон), «Die Sieger» (Победители) Л. Майера; «Träume» (Мечты), «Heimweh» (Тоска по родине), «Родной язык» (Mein Mutterlaut) В.А. Гердта). За окном все так же свирепствует непогода, но усталые люди уходят спать с чувством, что «...вроде бы теперь — помягче ветер и пурга потише...».

Тема использования женского труда нашла отражение только в стихотворении «Ein Bild für Götter» («Картина для богов») Вольдемара Шпаара.

Тема тайги преобладает в творчестве поэтов: по состоянию на 1 января 1944 года около 30 процентов (32 355 человек) мобилизованных немцев находилось на лесоповале и лесосплаве. Стихотворения, посвященные лесу, в силу их нейтральности были напечатаны раньше, чем остальные. Именно с них в поэзии российских немцев открывает-

ся тема трудармии. В качестве примера можно привести стихи Вольдемара Шпаара: «Wir bauen Wege...» (Мы строим дороги), «Verschlafen Stehn...» (Проспал), «Der Elch» (Лось), «Hochsaison» (Высокий сезон), «Der Kiefernbaum» (Сосна), «Der Kahlschlag» (Сплошная рубка), «Opfermut» (Дух самопожертвования).

Лео Майер в «Ave Birken» (Слава березам!) пишет:

Нас укрывали они,
согревали
или ж, к плечу
прижимаясь прикладом,
наши берёзы
тогда воевали,
жизни спасая
нашим солдатам.

В «Erinnerungsstätte» (Долина памяти, Памятное место) Шпаар вспоминает, как в далекой юности шли лесорубы в суровую тайгу с ее непокоренным духом, где были «глухи к прекрасным песнопеньям», их бог — топор, а лес — «хлеб и полоса сраженья».

Трудармейцы воспринимали свою работу как еще один фронт и наравне со всеми вносили вклад в победу. Лео Майер пишет: «Мы все трудились для победы...» («Die Wahrheit siegt» — Правда победит), «Наш фронт был далеко — в снегах Сибири, в тайге» («Rundfunksendung» — Радиопередача), «Я внес частичку в общую победу. Я лес валил в таежных лагерях» («Bekenntnis» — Признание). Те же мотивы находим у Вольдемара Шпаара («Front») и Владимира Гердта («Auch dort war Front»). Из стихотворения «Брату — русскому народу» Владимира Гердта:

В одном порыве вышли мы в дорогу:
Тебе — на фронт,
мне — в лес Уральских гор.

Ты взял винтовку и гранату в руки,
Я взял топор, лопату и пилу.

Вместе с другими радовались мобилизованные немцы победе (у Шпаара — стихотворение «Maitag» — Майский день).

Пережитое в годы трудармии не лишило немцев любви к России, оставшейся для них родиной. Из «Bekenntnis» Лео Майера:

Люблю Россию, ей добра желаю,
одной и вечной родине моей.

Владимир Гердт — в стихотворении «Родине»:

Я ненависти не храню поныне,
хоть испытал неправый суд и злость.

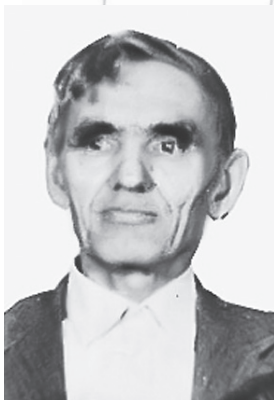
К сожалению, мы должны констатировать, что в XXI веке с таким трудом дошедшее до читателя творчество советских немецких поэтов незаслуженно забыто и только редкие поэтические сборники (уже в переводах, а не оригиналы) отдают им предпочтение.

КСТАТИ

10–11 ноября в Российско-Немецком Доме в Барнауле прошла Международная научно-практическая конференция «Российские немцы. От истоков к современности». От истоков к современности». На конференции работали две секции: «История российских немцев и их вклад в развитие экономики, культуры, науки, общественной жизни России, Сибири и Алтайского края в XVIII–XXI столетиях» и «Традиционная культура и историко-культурное наследие российских немцев в прошлом и настоящем».

Доклад «Тема трудармии в поэзии российских немцев Алтая» прозвучал на секции, занимавшейся вопросами культуры. Автор — Лилия Чернашина, аспирант кафедры истории АлтГПА, научный руководитель — Татьяна Щеглова.

ВОЛЬДЕМАР ШПААР

Spaar Woldemar

(14 апреля 1923 г., с. Гнаденфлюр (ныне Первомайское) Первомайского района Саратовской области). Поэт и очеркист, переводчик, член Союза писателей СССР (1976 г.), заслуженный работник культуры (1982 г.), награжден медалью «За трудовое отличие». Живет в Германии.

DER KAHLSCHLUG

Still liegt der Strelten Urwaldboden,
ein stilles Fleckchen herbsttagmüd,
längst kahlgeschlagen und gerodet,
von Abendsonne übersprüht.

Nur eine Birke, wie von außen
gekommen, seufzt.
Ein leiser Knacks.
Und irgendwo ein mürrisch Brausen,
Und irgendwo
noch dröhnt die Axt.

Die Birke, windverkrüppelt, lauernd,
neigt ehrfurchtsvoll ihr schwankes Haupt,
ein Blätterlispeln, leises Schauern:
ein frisches Grab im Ampferkraut.
Still wird`s in allen Waldesräumen,
und nur am Grab ein seufzend Lied —
die Birke abseits von den Bäumen,
wie eine Witwe niederkniet.

...Ein Dämmern über weite Strecken,
der letzte Sonnengruß verloht,
doch glühn aus friedhofsstillen Hecken
wie Lichter Hagebutten rot.

Из сборника
«Участок фронта — тайга»

СПЛОШНАЯ РУБКА

Уйдя от вырубок сплошных,
Кусочек девственного леса
Стоит в осенних золотых
Лучах почти без интереса.

Береза, будто бы извне
Пришедшая — из давних пор...
А где-то в гулкой тишине
Стучит, ворчит, грозит топор.

И, кривоствольная, одна
Дрожит листвою еле-еле.
А рядом — издали видна —
Могила свежая в щавеле.

Весь лес с тоской наедине
Ко сну отходит постепенно.
Стоит береза в тишине,
По-вдовьи преклонив колено.

...Молчит и в сумерки глядит
Закат приветливо и ясно.
И в диких зарослях горит
Шиповник ягодою красной.
(Перевод Сергея Ключникова)

НА ВЫРУБКЕ

В тени покойной векового леса,
на вырубке, что памятью больна,
как знак безжалостного
ко всему железа,
особая под вечер тишина.
Ее не опрокинет, не всколыхет
ни листодер, притихший до поры,
ни отдаленный стук, что еле слышен, —
знать, в деле еще чьи-то топоры.
И лишь березка — надо ж!.. уцелела! —
А может, добрела из отчих мест
склонить свое израненное тело
над холмиком могильным, где не крест,
а куст шиповника да молочай незречий.
И, осознав, что, кажется, жива,
листвою шелестит, как будто плачет
и не листву роняет, а слова...
Вечерний сумрак все плотней, суровой.
С лучом последним отгорел закат.
Лишь каплями рубиновыми крови
у ног плоды шиповника горят...
(Перевод Владимира Казакова)

Г А В А Р И Т* МОСКВА

Пурга лютует.
В снег вбивает нас.
Оглохнув и ослепнув, без дороги,
едва бредем, не зная —
в этот раз
дотащат ли к баракам наши ноги...

— Ура!.. Дошли!..
Горячий ужин — впрок.
Но долго еще,
долго гнут нам плечи
и скрежет пил, барачный потолок,
и все, чем труд наш
будничный отмечен.

Рукой подать —
закованная льдом
речонка полусонная бормочет.
На берегу ее —
известный дом —
из бревен неотесанных сколочен.

В том доме,
в красном уголке для всех,
забыв про бремя
тягот постоянных,

послушать можно будет без помех
неповторимый голос Левитана.

Когда раздастся:
— Г а в а р и т Москва! —
Война дохнет в лицо
и стиснет сердце...

...О Родина!.. Поверь,
что не слова —
и мы здесь не за тем,
чтоб отсидеться.

И мы здесь
не себе принадлежим...
Но... «Г а в а р и т Москва!» —
и замирает
единый фронт солдат, чьи рубежи
в таежных дебрях
северного края...

Еще пуржит.
Не враз откроешь дверь,
и ветви сосен шаркают по крыше...
Уходим спать,
но вроде бы теперь —
помягче ветер и пурга потише...
(Перевод Владимира Казакова)

* Г А В А Р И Т – написание через «а» переводчик оставил по настоянию поэта. Вольдемар Шпаар хотел подчеркнуть особенные торжественные интонации знаменитого диктора Юрия Левитана.

ЛЕО МАЙЕР

Maier Leo

(3 сентября 1923 г., с. Блюменгейм на Волге — 5 апреля 2009 г., Германия). Поэт.

RUNDFUNKSENDUNG

Ich denke oft
an jene Rundfunksendung
von unserm Sieg
beim fernen Stalingrad.
Uns wurde klar:
Das war die große Wende.
Am Abend fand
im Klub ein Meeting statt.
Wir wurden zur Versammlung
eingeladen.
Das war ein Fest für uns
in jener Zeit.
Man sprach vom harten
Kampf der Frontsoldaten,
von ihrem Heldenmut
und ihrer Tapferkeit.
Wir waren stolz,
wir lauschten wie gefesselt
und fühlten
in den Muskeln frische Kraft.
Wir haben noch begeisterter
und besser
an unsrer Front
in der Taiga geschafft.

РАДИОПЕРЕДАЧА

Я часто
о победе вспоминаю —
под Сталинградом —
в тот тяжелый год.
Из радиоэфира
мы узнали,
что наступил
великий поворот.
Мы шли на митинг
как на праздник светлый
и прославляли
мужество солдат,
которые не боялись
смерти
и отстояли
славный Сталинград!
Наш фронт был далеко —
в снегах Сибири,
в тайге.
Но мы могли в глаза смотреть
смертельным трудностям...
Мы, как солдаты, были
готовы за Россию умереть!
(Перевод Алексея Власова)

ВЛАДИМИР ГЕРДТ

Herdt Woldemar

(25 декабря 1917 г., с. Зельман (ныне Ровное) Новоузенского уезда Саратовской губернии — 18 декабря 1997 г., с. Завьялово Алтайского края).

Поэт и писатель,
член Союза писателей
СССР (1976 г.),
в 1987 г. награжден
Почетной грамотой
Президиума Верховного
Совета РСФСР.

NEUJAHRSNACHT

Tiefe Stille liegt über dem Wald.
Recke Frost hat die Scheiben bemalt.
Die Baracke ist trostlos und kalt,
blaues Glühlicht das Elend bestrahlt.

Neben mir auf dem Bretterbett
ist mein Freund aus dem Schlaf erwacht.
Dieses elende Menschenskelett
wünscht mir Glück in der Neujahrsnacht.

Doch wie liegt es so weit jetzt, so weit
hinter Bergen und dunklem Urman,
von den Schrecken des Krieges verschneit,
dort, wo niemand sich hinwagen kann.

Doch es kehrt einstens wieder zurück
wie der Frühling im Fliedergewand,
wärmt mit Hoffnung den trostlosen Blick,
zeigt den Weg uns ins Wolgaland.

Nordural, 1943

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Замер лес, могучей стужкою объят.
На стекле замерзшем пышный зимний сад.
Холодно в бараке. Мерзость и распад.
Синий свет от лампы сам светить не рад.

Слышу, шевельнулся рядом мой сосед.
Он еще проснулся, он еще живет.
Человек на нарах, человек-скелет
пожелал мне счастья вдруг под Новый год.

Как оно далеко! Далеко как, ах!
За долами, льдами, лесом, за хребтом
или под метелью смертной на фронтах,
где его не в силах отыскать никто.

Но однажды счастье, как весенний сад,
в платье из сирени возвратится к нам
и, наполнив светом безутешный взгляд,
уведет с собою к волжским берегам.
Северный Урал, 1943 г.

анималист Мако

Александр Эдуардович Мако в разные периоды своей жизни был тесно связан с Алтаем, жил в Барнауле и Бийске, сейчас его имя малоизвестно.

текст
ДМИТРИЙ
ЗОЛОТАРЕВ

Родился Александр Мако в Барнауле (1851–1925). Его отец был неклассный художник, подданный России австрийский немец Иосиф Иосифович Мако, приехавший жить на Алтай. Мако-сын по не совсем ясной причине пользовался иным отчеством — Эдуардович.

Отметим, что в Западной Европе исстари существовал разветвленный род Мако, многие его представители принадлежали к художественному сообществу. Возможно, известная династия отечественных художников Маковских — обрусевшая линия этого художественного клана.

После окончания Томской гимназии в 1869 году Мако уезжает учиться в Мюнхенскую академию художеств. Известно, что он специализировался в анималистическом жанре. Через несколько лет он связывается с Академией художеств в Петербурге, высылает три работы с просьбой предоставить их на выставку и ходатайствует удостоить его званием «свободного художника». В 1874 году на академической выставке были представлены работы Александра Мако: «Разные вещи», «Лошади в яслях» и «Собака». Картины получили положительные отзывы, и он был удостоен звания «неклассного» художника с обязательством выдержать научные экзамены.

Александр Мако, удовлетворенный решением, без аттестата, в конце 1870-х приезжает в Томск и становится преподавателем рисования в женской гимназии. Его занятия не остаются незамеченными. «Это также был преданный интересам искусства человек; он был проводником искусства в массы. Мако так любил Алтай, что завел там заимку, на которую уезжал каждое лето и писал там этюды», — сообщает в статье «Об искусстве в Томске» сибирский просветитель Александр Васильевич Адрианов. В Томске из своих произведений он устраивал выставки, известно, что они охотно посещались публикой и отличались разнообразием: были картины маслом, акварель, рисунки углем и карандашом. Кроме пейзажей тут были работы и этюды этнографического характера, но особое пристрастие выказывалось сценам охоты

Александр Мако.
На привале. 1918.
49x87. Холст, масло.
Фото предоставлено
Бийским краеведческим
музеем.

и изображению животных. О вернисажах Мако было известно и барнаульскому зрителю. В мемуарах Александра Черкасова «Записки барнаульского головы» воспроизводится описание этнографических зарисовок художника. Черкасов, кстати, приходился художнику родственником.

Не ограничиваясь преподаванием в гимназии, Мако начинает работать в частной студии, которая просуществовала несколько лет. Раз в неделю устраивались вечерние занятия, на которых практиковались сеансы живой природы. Из студии вышли известные сибирские деятели: Викентий Оржешко, талантливый архитектор, и Сергей Голубин, художник.

В 1883 году художник отправляется в Петербург получить заждавшийся его аттестат. На академической выставке 1884 года зрители увидели его картину «Арестованный за буйство» и этюды «Гончая», «Собака-гордон». Там же, в Петербурге, в Адмиралтейском соборе он венчается с дворянкой Верой Павловной Фригель. А в 1885 году молодая чета празднует рождение первого сына Сергея, ставшего позже художником.

Увлечение анималистическим жанром помогло художнику развить в дальнейшем свою карьеру. В 1870–1980-х годах Мако, занимаясь краеведением, не был известен широкой публике. Отметим, что в то же время, в начале 1890-х годов, известными российскими анималистами были Николай Сверчков, Алексей Степанов, ныне окончательно забытый Андрей Гаранович, Павел Ковалевский. На их фоне результаты Мако были более чем скромны. Однако к началу века и уже за пределами Сибири Александр Мако упорным трудом — и волею случая — добивается известности, прежде всего в качестве «портретиста» породистых собак. Мако входит в круг общения Великого князя Михаила Романова. Он становится действительным членом Петербургской Академии художеств, получив звание академика живописи за картины о животных.

В первое десятилетие XX века Александр Мако живет в Киеве, выставляется среди группы художников, которые именовались «Обществом художников-киевлян». Деятельность общества в основном ограничивалась устройством выставок, носила замкнутый характер. Однако художественная деятельность Мако не ограничивалась Киевом. Вместе со своим другом художником — анималистом Г.К. фон Мейером он на 7-й осенней выставке в Петербурге в 1912 году показывает ряд работ. Мако выставил шесть произведений: «На Иртыше», «Табунщики», «Тайга», «На пороше», «Свины». Особое внимание привлекала небольшая картина «У камина», изображающая двух легавых, лежащих у огня на коврике в богатой гостиной.

До начала Первой мировой войны Александр Мако пользуется популярностью. Произведения талантливого анималиста охотно покупаются, воспроизводятся в периодической печати и на открытках. В эти годы анималистическая тема развивается за счет использования других жанров. В работе «В кабинете» (1915) художник изобразил интерьер комнаты с расположившимися в ней возле хозяина борзыми собаками. А в батальной картине «Битва под Равой Русской» (1914) он воспроизвел сцену из военных действий со скачущими всадниками.

Перед войной или в начале Первой мировой войны Александр Эдуардович Мако переезжает в Бийск.

Дочь скульптора Валентины Сенгалевич, Елена Гнедкова, которая с матерью жила тогда в городе и лично знала художника, считала, что выбор места жительства был обусловлен заказом. Революционные события перечеркнули планы художника. В Бийске он стал заниматься педагогической деятельностью.

Гнедкова вспоминала, что видела у художника многочисленные изображения собак, лошадей, а также запомнила высокопрофессиональный характер их исполнения. В ее памяти Мако остался одиноким стариком с седой бородкой.

На Алтае сохранилось единственное авторское произведение Александра Эдуардовича Мако, пейзаж «На привале» (1918) хранится в Бийском краеведческом музее.

В композиции доминируют горизонтальные ритмы, прерываемые углом верха палатки. На картине — незатейливая жанровая сценка. Два путешественника поддерживают огонь. Рядом, с двух сторон, пасутся их лошади. Художник обращается к известному романтическому сюжету — горящему костру (на Алтае до Мако к нему обращались Емельян Корнеев, Григорий Гуркин). Александр Мако «приземляет» сюжет, растворяет его в бытовых подробностях. Отметим, что своеобразный прием удвоения фигур и персонажей присутствует и в других работах художника. Пейзаж из Бийского музея характерен для творчества Мако (живопись, композиционное построение, мотивы), поэтому его логично рассматривать как некий образец.

В начале 1920-х годов Александр Мако возвращается в Томск. Он не прекращает работать в анимализме. Советское время накладывает своеобразный отпечаток на творчество художника. Его последние произведения: «Партизаны на Алтае», «Партизаны», «Партизан на лошади». Эти картины возникли как результат компромисса между запросами новой власти и любимой темой, которой художник следовал всю жизнь.

Живописные работы Мако (пейзаж, анималистический жанр) входят в собрания музеев Бийска, Омска, Томска. При организации Омского художественного музея в середине 1920-х годов его сотрудники (возможно, при участии Валентины Сенгалевич) обратились с просьбой в Бийский краеведческий музей передать им редкие восточные ценности. Коллекция восточного искусства все же осталась дома, а вот небольшое собрание живописи, включающее и работы Александра Мако, было отправлено в Омск.

В 1925 году в Томске Александр Эдуардович Мако умирает. Биография Мако показывает нам чрезвычайно удачливого, добившегося успеха художника, забытого вскоре после смерти. Сейчас его творческие достижения не вызывают особого восхищения, но то, что в истории сибирской живописи у художника есть свое, индивидуальное место, — это очевидно.

есть на что
посмотреть

Еще одна машина времени

текст
ДМИТРИЙ
ЗОЛОТАРЕВ

В ноябре в рамках мероприятий Года Германии в России в Барнауле проходила выставка фотографий немецкого фотографа Штефана Коппелькамма «Местное время».

Современные немецкие художники, по замечанию московского искусствоведа Екатерины Деготь, не пользуются популярностью в России, потому что их творения сильно напоминают рисунки детей. Иное дело — фотография. Достаточно припомнить мировой успех фотографов дюссельдорфской школы супругов Бернда и Хиллы Бехеров или Томаса Штрута, о которых в последние годы писали российские журналы, посвященные современному искусству.

Представительная экспозиция работ «Москва — Берлин / Берлин — Москва 1950–2000. Полвека в фотографиях», организованная Немецким культурным центром имени Гете, в 2000-х годах докатилась и до Сибири, она проходила в Новосибирском художественном музее (автор статьи был ее зрителем). Выставка «Местное время» в галерее «Открытое небо» была открыта по инициативе Центра имени Гете и при участии барнаульской школы «Полиглот». Было представлено 18 работ автора, исполненных в плакатном варианте.

Штефана Коппелькамма можно считать типичным для немецкого искусства фотографом, работающим в черно-белой фотографии. Целью своего временного эксперимента он выбрал небольшие городки Германии с сохранившимися в них редкими старинными зданиями. Первичная съемка проходила в начале 1990-х годов. Повторно Коппелькамм вернулся на эти же места спустя десятилетие, в начале 2000-х годов. Разительные отличия двух снимков, разделенных годами, что называется, налицо. Первая серия снимков показывает дома, близкие к руинам, вторая же — демонстрирует те же строения после проведенных ремонтов и новостроек.

Временная граница проекта четко фиксирует пограничное состояние городских пейзажей: на начало времени падения Берлинской стены и прошедший период со времени объединения обеих Германий. Однако вряд ли лишь один очевидный «политический» смысл присущ этим фотографиям: тогда все было плохо, а сейчас, разумеется, — хорошо. Черно-белые фотографии Штефана Коппелькамма, выполнены фронтальной съемкой, предельно конкретны на архитектурные и бытовые детали, как и работы художников новой вещественности (направление в изобразительном искусстве первой половины XX века, получившее наибольшее распространение в Германии). И вместе с тем характер этих фотографий предельно отстраненный, не антропоморфный, изображения людей в них отсутствуют. Не все однозначно: на смену прежней жизни приходит новая, выуженная евроремонтом действительность, где большинство старинных зданий теряют свою былую аутентичность и превращаются в ряд обезличенных торговых заведений.

Известно, что изобретение машины времени (в литературе) и фотографии (в жизни) приходятся на одно время — XIX век. Оба изобретения были активно востребованы искусством. Штефан Коппелькамм, фотограф из Германии, представил свой вариант путешествия во времени.

1

2

1. Штефан Коппелькамм. Галле. Антикварный магазин. 1991.

2. Штефан Коппелькамм. Галле. Другой магазин. 2003.

Фоторепродукции Дмитрия Золотарева.

«Триумф Екатерины» (1770-е гг.) знаменитого немецкого художника Антона Рафаэля Менгса — одна из самых ценных картин в собрании Государственного художественного музея Алтайского края.

Фото предоставлено музеем.

Пример справедливого монарха

текст
НАТАЛЬЯ
ЦАРЕВА

Блистательный немецкий живописец и теоретик искусства XVIII века Антон Рафаэль Менгс имел при жизни огромную международную славу. Современники видели в нем нового Рафаэля. Он был президентом Академии Святого Луки в Риме и членом еще шести европейских художественных академий, его теоретические исследования в области искусства, в частности «Мысли о красоте и вкусе», переиздавались четырежды и использовались в академиях, как учебник для художников, были переведены практически на все европейские языки.

Менгс был придворным художником короля Саксонии и Польши, короля Карла IV Неаполитанского, испанского короля Карла III. Для портретов ему позировали самые могущественные люди эпохи — от папы Климента XIII до Фридриха Великого, королей Саксонии, Испании и императрицы Екатерины II.

В историю искусства Менгс вошел как один из родоначальников неоклассицизма — стиля, захватившего в XVIII веке умы многих европейских художников. К утверждению эстетических принципов нового стиля Менгс пришел после увлечения барокко и рококо и не без влияния немецкого историка античного искусства Винкельмана. Первоначальное художественное образование Антон Менгс получил у своего отца, известного немецко-

го художника-миниатюриста Исмаэля Менгса, азам мастерства он учился вместе со своими сестрами Терезой и Юлианой. Отец был авторитарным и строгим учителем и преподавал своим детям очень серьезно, что позволило Антону Менгсу переехать в Рим для продолжения образования, где вскоре он зарекомендовал себя как вундеркинд. Менгс долгое время жил в Италии. Копировал мастеров эпохи Возрождения, особенно Рафаэля, в честь которого он и получил свое второе имя. Позже Антон Рафаэль Менгс вернулся в Дрезден, где, как и его отец, работал в качестве придворного живописца у саксонского курфюрста Августа III с жалованием 1000 талеров, но большая часть его творческой жизни оказалась связанной с Испанией и Италией.

Антон Рафаэль Менгс писал станковые произведения на мифологические и аллегорические сюжеты, занимался монументальным искусством, создавал алтарные образы, расписывал потолки и стены церквей и дворцов, но высшим его достижением всегда был портрет.

В Барнауле в Государственном художественном музее со дня его основания хранится большой (152,2 x 111,2) парадный портрет русской императрицы Екатерины II в образе античной богини правосудия. Екатерина изображена в окружении мифологических персонажей:

богини-воительницы Афины, Геракла и гения Славы. Полотно стало ярким воплощением идей неоклассицизма в живописи и долгие годы служило для русских художников XVIII века примером образа справедливого монарха, отвечающего высоким идеалам просвещения.

Европейские монархи высоко ценили Менгса и щедро его вознаграждали, Папа Климент XIII удостоил Менгса звания рыцаря «Ордена Золотой шпоры», к награде прилагался дворянский титул. После смерти художника испанский король Карл семерым младшим из двадцати детей Менгса назначил пенсioen.

Лучшие работы Менгса украшают самые известные музеи мира: Прадо в Мадриде, Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Картинную галерею старых мастеров в Дрездене, Старую Пинакотеку в Мюнхене, Национальный музей в Ливерпуле, Музей Академии изящных искусств в Генуе, Картинную галерею в Берлине, Метрополитен-музей в Нью-Йорке и многие другие. «Автопортрет» художника удостоен чести быть представленным в знаменитой галерее Уффици, где его разместили на почетном месте под картиной великого Рафаэля.

Государственный художественный музей Алтайского края гордится тем, что в его собрании есть картина столь знаменитого немецкого мастера — Антона Рафаэля Менгса.

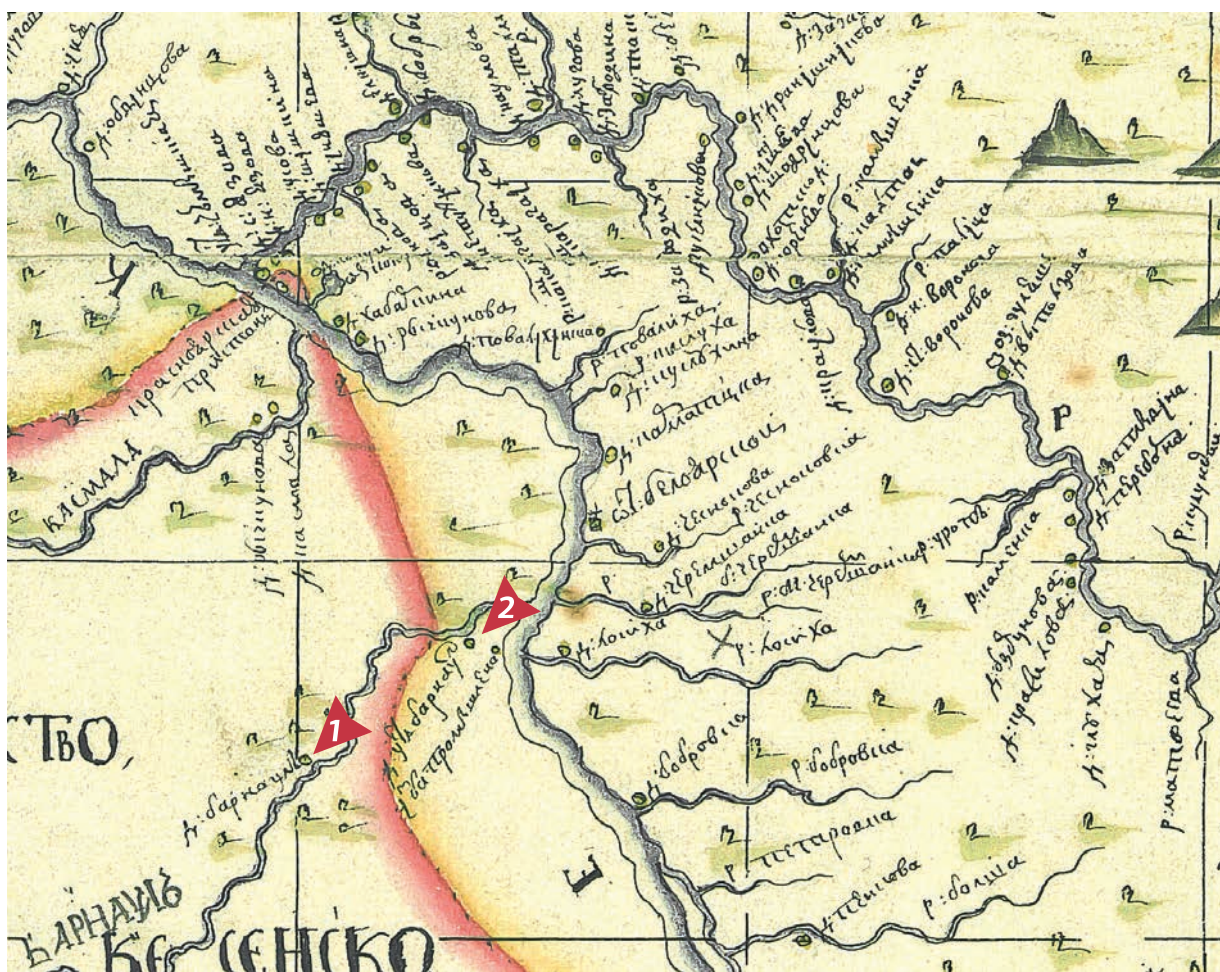
Деревня Усть-Барнаульская

Первые крестьяне
на реке Барнаулке — 1717-1730-е годы

текст
ВАДИМ БОРОДАЕВ,
АРКАДИЙ КОНТЕВ

(Продолжение. Начало в № 3(7) в журнале «Культура Алтайского края»).

Летом 1717 года на правом берегу Оби, почти напротив современного города Барнаула, кузнецкие казаки возвели деревянную Белоярскую крепость. На следующий год

Фрагмент карты, составленной в апреле 1736 года. Первая стрелка показывает на деревню «Барнаул», основанную демидовскими людьми на реке Барнаул примерно в 70 км выше ее устья. Именно через эту «небольшую демидовскую деревню» проехали в сентябре 1734 года Гмелин и Миллер. Вторая стрелка указывает на деревню «Усть-Барнаул», основанную крестьянами Кузнецкого уезда примерно в 1735 году на месте современного города Барнаула. Все фоторепродукции предоставлены авторами.

**Профессор
Санкт-Петербургской
Академии наук
Иоганн Георг Гмелин
(1709–1755).**

СПРАВКА

**БОРОДАЕВ
ВАДИМ БОРИСОВИЧ** —

научный сотрудник
лаборатории исторического
краеведения АлтГПА.
Область научных интересов:
археология юга Западной
Сибири, история Верхнего
Приобья в XVII–XVIII вв.

**КОНТЕВ
АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ** —

кандидат исторических
наук, доцент кафедры
отечественной истории
АлтГПА. Область научных
интересов: история
горно-металлургического
производства на юге
Западной Сибири
в конце XVII–XIX вв.
(в первую очередь
«демидовский» период);
история заселения
и хозяйственного
освоения территории
Верхнего Приобья;
историческая картография
Верхнего Приобья XVII–
XIX вв.; деятельность
И.И.Ползунова и история
ползунововедения.

в устье Бии ими была построена Бийская крепость. С появлением этого опорного пункта все правобережье Оби стало контролироваться сибирской администрацией. На непродолжительное время река Обь стала естественной границей территории, населенной российскими подданными в Верхнем Приобье.

Чтобы не осложнять отношений с русскими, ойратский правитель приказал телеутам откочевать за Иртыш и в горы Алтая. Степи Обь-Иртышья в конце 1718 года опустели. Однако левобережье Оби в пределах Алтайского края стало заселяться русскими людьми не сразу и не вдруг. Возникновение первых населенных пунктов было связано с освоением рудных богатств Алтая, которое начал во второй половине 1720-х годов уральский горнопромышленник Акинфий Никитич Демидов.

Одновременно с заселением Рудного Алтая демидовскими людьми обживаться дорога, связывающая новый промышленный центр с правобережными приобскими селами. Начинаясь от Колывано-Воскресенского завода, главный демидовский тракт пересекал реки Локтевку, Алей, Барнаул и выходил к устью Касмалы, где была оборудована переправа через Обь. В местах пересечения рек появились деревни в один-два двора. Небольшой населенный пункт на броду через реку Барнаул возник в начале 1730-х годов и располагался примерно в 70 км от современного города Барнаула (первая стрелочка на карте). Впервые эта «небольшая демидовская деревня» упомянута в путевых заметках профессоров Санкт-Петербургской Академии наук И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера, которые посетили ее в сентябре 1734 года. Примечательно, что в записках путешественников нет никаких сведений о населенном пункте, расположенном в месте впадения реки в Обь, хотя Миллер специально составлял список всех существовавших в Кузнецком уезде деревень.

Пока демидовские работники обживали среднее течение реки Барнаулки, сибирские крестьяне, заселив правобережье Оби, вышли на ее левый берег и стали осваивать территорию современного Барнаула. На карте, составленной в апреле 1736 года, на устье реки Барнаул, за пределами демидовского ведомства, показана деревня «Усть-Барнаул» (вторая стрелочка на карте) и близости от нее, на берегу Оби, «изба промышленна». Для истории нашего города эта карта являет-

ся бесценным источником. Чтобы в апреле попасть на карту, крестьянские постройки Усть-Барнаульской деревни должны были существовать по крайней мере в предшествующую осень. Следовательно, в 1735 году на месте будущего Барнаула уже стояли избы русских крестьян. Документами, свидетельствующими о существовании Усть-Барнаульской деревни ранее этого года, историки не располагают. Поэтому наиболее вероятным временем возникновения первого русского населенного пункта на территории города можно считать период между осенью 1734 и осенью 1735 года.

Жителями деревни Усть-Барнаульской стали выходцы из Белоярской крепости. К 1745 году здесь насчитывалось 30 мужских душ в возрасте от 4 до 82 лет (женщины в перепись не включались). Архивные документы донесли до нас фамилии первых барнаульцев: Рожневы, Костаревы, Волгины, Пятковы, Казанцевы, Бочковы, Белые.

Профильный силуэтный портрет, приписываемый Герарду Фридриху Миллеру (1705–1783).

Дома этих крестьян располагались в историческом центре современного Барнаула. Со времени их возведения жизнь русского населенного пункта в устье реки Барнаулки ни на день не замирала. Поэтому основание Усть-Барнаульской деревни можно с полным правом считать зарождением нашего города как населенного пункта. Своим возникновением он был обязан государственным крестьянам Кузнецкого уезда, вольным, лично свободным сибирякам, начавшим народную колонизацию левобережья Верхнего Приобья.

Демидовские работники придут сюда четырьмя годами позднее, осенью 1739-го. Посланцам знаменитого горнозаводчика предстояло изменить ход барнаульской истории — заложить рядом с крестьянскими дворами завод и промышленный посёлок, который со временем превратится в город.

Какие памятники делают погоду в Барнауле

В журнал «Культура Алтайского края» с открытым письмом обратился известный на Алтае скульптор Михаил Кульгачев. Послание обращено к общественности и властям и поднимает ряд вопросов из сферы монументального искусства.

Объективности ради мы предложили высказаться по той же теме другим известным специалистам. Вопросы и предложения, прозвучавшие со стороны художественного сообщества, прокомментировала Елена Безрукова, начальник управления Алтайского края по культуре и архивному делу. Нельзя сказать, что вопрос исчерпан, однако ситуация все же обрисована всесторонне и, возможно, какие-то идеи будут взяты в разработку.

МИХАИЛ КУЛЬГАЧЕВ,
член Союза художников России,
скульптор-монументалист:

— Хочу затронуть тему, которой на протяжении многих лет в нашем городе не уделялось большого внимания, я имею в виду монументально-декоративную пластику.

Администрация края в последние годы системно занимается вопросами культуры на Алтае. За прошедшие десять довольно непростых в экономическом плане лет отреставрировано здание драмтеатра им. В.М. Шукшина, открыл свои двери Молодежный театр Алтая. Реставрировано здание филармонии. Реконструирован музей Германа Титова в селе Полковниково. Сейчас заново отстраивается здание художественного музея. Несколько лет назад в Барнауле появились новые художественные галереи: «Кармин», «Турина гора», арт-галерея Щетинных, «Открытое небо», совсем недавно — «Республика ИЗО», «Проспект». Это, конечно, не может не радовать жителей нашего города и тем более людей, увлеченных искусством, но это одна сторона медали.

В европейских странах считается признаком дурного тона отсутствие уникальной скульптуры в городской среде. Каждый город в Европе имеет свои уникальные скульптурные композиции.

Последние 20–25 лет внесли позитивные изменения в архитектурный облик Барнаула, в городе появились сооружения, которые отличаются новизной архитектурной пластики. Однако в столь же похвальном тоне невозможно говорить о городской скульптуре. Несколько памятников, которые украшают наш город, погоды не делают. В основе своей Барнаул имеет пустые и не заполненные скульптурой городские парки, улицы, курдонеры зданий. От этого грустно и неуютно в родном городе.

Памятник А.С. Пушкину в Барнауле. Скульптор Михаил Кульгачев. Все фото Александра Волобуева.

Но свято место пусто не бывает. Наши улицы захватывают низкопробные фигуры из бетона неизвестных авторов: Остап Бендер с кружкой пива, солдат Сухов из фильма «Белое солнце пустыни» с огромной бутылкой водки на спине или дворник на скамейке, разукрашенный половой краской. И на этих, с позволения сказать, «произведениях» формируется эстетический вкус подрастающего поколения.

Любая скульптура с момента ее установки на постамент, начинает работать. Хорошая скульптура работает со

знаком плюс, обогащая и радуя зрителей своей пластикой и идеей; плохая — прививает дурной вкус.

Только в Барнауле додумались открыть незавершенный памятник, а точнее постамент под скульптурную композицию защитникам правопорядка, погибшим на боевом посту. Это сооружение стоит на главном проспекте нашего города. В народе ему дали меткое название — крематорий. Это черное бельмо в глазу оправдывается недостаточностью средств. Между тем оно формирует негативный имидж города.

Всем нам, простым жителям города и властям предрежающим, по силам сделать все от нас зависящее, чтобы город, в котором мы живем, стал уютным и красивым.

Монументально-декоративная пластика способна сделать городскую среду такой. В прошлом веке, несмотря на остаточный принцип финансирования (а этот принцип остался и поныне), все же что-то для этого делалось.

Передо мной лежит справка за 1984 год о выполнении монументально-декоративных работ для Барнаула художественными фондами Москвы, Ленинграда, Мытищ и Алтайского художественного фонда на сумму 916 тыс. рублей. В управлении благоустройства Барнаула находилось несколько десятков художественных произведений из бронзы, гранита, алюминия. Из них установлены 13 композиций, остальные работы пропали. За последние 20 лет в Барнауле не установлено ни одной заказанной городом скульптуры, в то время как в Москве за 10 лет было установлено 3000 скульптур. Барнаул, конечно, не Москва, но тоже столица.

По городу установлены памятные знаки в виде небольших камней, на которых начертано «Здесь будет памятник ликвидаторам Чернобыльской аварии (на Алтае их было 2,5 тыс. человек)» или «Здесь будет памятник матерям-вдовам», и другие камни — вехи наших планов. Сколько им стоять? Кто может ответить на эти вопросы?! Почему в других городах России — Ростове-на-Дону, Краснодаре, Сочи, Нижнем Новгороде, Смоленске, Екатеринбурге, Томске, Кемерово — мы видим другую картину и другое отношение к своему городу? В свое время в Красноярске Александр Лебедь, будучи губернатором, внес такую инициативу: лучшие студенческие работы факультета скульптуры отливать в бронзе и устанавливать в городской среде. Красноярск преобразился и похорошел.

В нашем городе есть художественный институт архитектуры и дизайна, где студенты всерьез занимаются скульптурой. Несколько раз институт выходил на администрацию города Барнаула с предложением оказать помощь в переводе этих работ в материал с последующей установкой их в городе. Откровенного отказа не было, но и о каких-либо завершенных проектах сказать нечего.

Приведу один пример. Несколько лет назад администрация города Бийска пригласила меня провести экспертизу памятника погибшим в Великую Отечественную войну. То, что я увидел там, повергло меня в шок. Бронзовые портреты героев были зачем-то выкрашены бронзовой краской и имели неприглядный вид. Бронзовые рельефы и доски с фамилиями павших были покрашены битумным лаком, и за чернотой и блеском узнать, что там написано, было совершенно невозможно. Газопровод к Вечному огню пришел в полную негодность. Фигура «Война» требовала капитальной реставрации. Выделенных денег хватило на покраску того, что в покраске не нуждалось. Зато можно отрапортовать: «Реставрация проведена, деньги освоены».

Бюст Павла Артемьевича Плотникова, советского военного летчика, дважды Героя Советского Союза, установлен на пл. Свободы в Барнауле. Скульптор Ваагн Терзибашьян.

Памятники Гражданской войны в еще большей разрухе, и требуют к себе пристального внимания.

Считаю, что необходимо также обратить внимание на захоронения военнопленных, немецкое и японское кладбища находятся в полном запустении. Приведение захоронений иностранных граждан в порядок будет способствовать положительному имиджу нашей страны, укреплению связей между нашими народами и будет иметь воспитательное значение для нашей молодежи, служа примером высоких форм нравственности и милосердия. И в этом деле могли бы оказать неоценимую помощь студенческие отряды.

Возрождение России надо начинать с возрождения культуры во всех ее проявлениях.

ЛЮДМИЛА РУБЛЕВА,
скульптор,
член Союза художников России:

— Скульптура у нас в городе в основном плохая. Но особенно плохо то, что в столице края не занимаются тем, чтобы появлялась хорошая. Не город, а зверинец. На каждом шагу цементные динозавры и прочие монстры. Вроде бы люди делают доброе дело, стараются, об этом пишут в прессе хвалебные статьи. Но насадить повсюду этих зверюшек не значит сделать хорошо. Это некачественные работы и ни в коей мере не художественные. Они не могут воспитывать вкус.

Я могу назвать скульптурные работы Барнаула, которые, на мой взгляд, имеют художественное значение. Это бюст дважды Героя Советского Союза Плотникова на площади Свободы. Он сделан по проекту скульптора Терзибашьяна и архитектора Минаева. Памятник Шукшину работы Николая Звонкова. Бюст Владимира Смирнова, выполненный Василием Рублевым. И бюст Присягина (который установлен рядом с главным зданием Академии искусств и культуры), созданный по проекту скульптора Чумичева и архитектора Протопопова.

Мне все-таки непонятно, почему власти не могут доверить тему скульптуры в Барнауле местным профессионалам? У нас есть замечательные мастера. Один из них — мой ученик Александр Парфенов, который на фестивале ледовых скульптур на Красной площади взял второе место. Он работает в разном материале.

Сегодня можно наблюдать такую тенденцию в городе: кто что хочет, тот то и делает и устанавливает, где захочет. Нет системности, упорядоченности, художественного взгляда. В городе должен действовать художественный совет и он должен контролировать всю художественную продукцию. Также не прост вопрос прилегающих к памятникам территорий, им должны заниматься архитекторы, это их прерогатива.

СЕРГЕЙ БОЖЕНКО,
главный архитектор проектов
ООО ПБ «Пятое измерение», главный
архитектор г. Барнаула с 1993 по 2007 г.:

— Барнаул, конечно, нуждается в произведении монументального искусства. Как ни насыщай город скульптурной пластикой, а все равно будет мало. Даже Санкт-Петербург, заполненный скульптурой системно и красиво, вполне может принять новые художественные объекты. Барнаул в этом смысле невыгодно сравнивать с любой столицей. В нашем городе много площадей, скверов, аллей, они пусты. Скульптура всегда играет важную роль в системе микроансамблей, она придает им завершенный вид. Например, Демидовская площадь, несмотря на стоящий на ней Демидовский столп, могла бы принять дополнительный памятник. На фоне классического портика здания аграрного университета такой объект мог бы замечательно смотреться. В свое время, будучи главным архитектором Барнаула, я резервировал это место под памятный знак в честь архитектора Якова Попова, который является автором Демидовской площади. Безусловно, нуждается в завершении монумент перед зданием краевого УВД. Хорошие площадки под скульптурные композиции есть повсюду, например: перед бывшим кинотеатром «Россия», перед ЦУМом, перед библиотекой имени В.Я.Шишкова на Обском бульваре, перед зданием Агросоюза по проспекту Комсомольскому, 80, перед зданиями районных администраций.

Думаю, стоит говорить не только о монументах, посвященных тем или иным историческим событиям, но и о садово-парковой скульптуре. В качестве примера можно вспомнить парк БМК советских времен. Он был насыщен скульптурой осмысленно, фигуры, установленные на аллеях, раскрывали тему радости и защиты детства, несли в себе гуманистическое начало. В этом смысле парковая скульптура, созданная мастером в вечном материале, содержит в себе огромный эстетический заряд.

Последний раз проект комплексного художественного оформления Барнаула разрабатывался накануне 250-летия Барнаула и реализовывался в течение следующего десятилетия.

Чтобы сегодня разработать подобную программу для столицы края, нужны грамотное техническое задание, утвержденный проект и целевые деньги. Но не только. Требуется еще и политическая воля, направленная на преобразование города.

На мой взгляд, за последние два десятка лет со стороны Союза художников не было рациональных предложений по художественному оформлению нашего города. А те, что мне приходилось видеть, были бессистемны, разнотипны и не несли в себе культурно-исторического содержания. Если братья за проект художественного осмысления и наполнения городской среды, то нужно пору-

чить его специалистам, понимающим суть проблемы. Объекты монументально-декоративного искусства должны быть увязаны исторически и географически с объектами и субъектами культуры России и Алтая. Я предложил бы взять крен в сторону гуманистической темы.

При всем моем уважении к теме Великой Отечественной войны я считаю, что монумент «Труженикам тыла», о котором время от времени идут разговоры, нужно было ставить лет тридцать назад. Сегодня уже поздно. Нет смысла возводить монумент в память о Чернобыльской трагедии и тем самым увековечивать позор государства. Достаточно памятного знака в честь людей, погибших от радиационного воздействия. В Барнауле добро увековечен подвиг первооткрывателей. Крупномасштабная скульптура «Целинник» полноценно символизирует силу народа и мощь государства.

Профессионально занимаясь вопросами архитектурно-художественного оформления города, невольно приходится сравнивать свой город с соседними. Бийчане, например, заботятся об имидже своего города. Они поставили конный монумент Петру Первому! Вот это масштаб! Новосибирцы возвели памятник «нашему» Кондратью. И Барнаул мог бы блеснуть. Ведь есть потенциал у города и горожан!

ЭДУАРД ДОБРОВОЛЬСКИЙ,
художник по металлу:

— Барнаул вообще не насыщен скульптурой, между тем в городе уйма мест под скульптурные композиции и уйма тем, которые могли бы быть выражены через скульптуру.

Гном. Фигура
неизвестного автора.

Памятник Виктору Цою.
Скульпторы Михаил Кульгачев
и Сергей Кульгачев.

птурную пластику. Украшать город могут не только вазочки и фонтанчики, и памятники можно устанавливать не только Ленину, Пушкину и Шукшину. Я предлагаю обратить внимание на малые архитектурные формы, изготовленные методом металлопластики. О скульптуре обычно говорят, что это очень дорогое удовольствие, металлопластика — это компромиссный вариант, это эконом-класс. Да, эти произведения не на века. Считаю, что и не нужно все скульптуры делать навечно. Лет 10–15–20, а потом чего-

то нового захочется. Мне нравятся такие скульптурные композиции на городских улицах и площадях, которые заставляют улыбнуться. Например, мой Чаплин у кинотеатра «Мир». С ним все время фотографируются и барнаульцы, и гости нашего города.

Подобные скульптуры, вызывающие особое отношение зрителя, есть во всех сибирских городах, не говорю уж про Одессу, например. Барнаул в этом смысле не выдерживает никакого сравнения.

ЕЛЕНА БЕЗРУКОВА,
начальник управления
Алтайского края по культуре
и архивному делу:

— Нельзя не согласиться с Михаилом Алексеевичем Кульгачевым в том, что пространство Барнаула меньше, чем некоторых других региональных центров, насыщено уличной скульптурой. Правда и то, что большая часть наших памятников посвящена трагическим событиям, и тем самым они отражают одну из общекультурных традиций, которая берет свое начало и пафос в 1950–1960 годах, в советском времени.

С учетом этого хочу сказать несколько слов о недавно установленной в центре Барнаула скульптурной композиции «Переселенцам на Алтай» скульптора Олега Закоморного. Как любое художественное произведение, она может иметь разные оценки у специалистов, так происходит всегда, мне неизвестны случаи единодушного одобрения членами творческого сообщества какой-либо художественной работы. Скульптурную композицию «Переселенцам на Алтай», даже если отделить ее от юбилея Алтайского края, можно назвать явлением в культурной жизни региона. Не только потому, что за последние годы в Барнауле были установлены только два памятника: этот и «Жертвам политических репрессий», выполненный Анатолием Щетининым по макету его отца Прокопия Щетинина и установленный на площади Свободы. Но и потому, что памятник переселенцам — одна из редких скульптурных работ в городе, которая несет позитивный, жизнеутверждающий смысл, в этом ее безусловное преимущество.

Да, скульптура — вещь дорогостоящая и долговечная, и это обязывает к тому, чтобы решения по ее установке были максимально взвешенными и проходили экспер-

тизу среди профессионалов. В том числе обязательным является привлечение архитекторов для решения вопроса привязки памятника к городской среде.

Никто не будет спорить с тем, что черный кирпич, воздвигнутый у здания краевого УВД — это нехудожественно; что черный прямоугольник вызывает негативные ассоциации — это тоже ясно. Но всегда от вопроса как не надо следует перейти к тому, что же там должно быть. В предложенном варианте завершения этого памятника не случилось такого попадания в образ, который бы вызвал большинство положительных реакций. Специалисты, входящие в научно-методический совет, действующий при управлении культуры, — архитекторы, представители художественного музея, не дали положительного заключения. Поэтому (а не только по финансовым причинам) решения по данному памятнику принято не было.

Нужно сказать, что при открытом обсуждении концепции «Барнаул — культурная столица юга Сибири» несколько человек выносили на обсуждение тему городской скульптуры, но гармоничного развития в рамках концепции она не получила в связи с отсутствием согласованных предложений. Однако значительное место в этом документе занимает блок строительства и реконструкции объектов культуры. Думается, что тема монументальных произведений искусства может решаться в рабочем порядке.

Каких скульпторов привлекать к заказам? Тут всегда есть момент конкуренции, он неизбежен. Отдавать заказ своим или выбирать из более широкого круга, учитывая, что профессиональных скульпторов в Барнауле двое — Михаил Алексеевич Кульгачев и Людмила Викторовна Рублева. Скульпторы — это

редкие люди. Мне кажется, что в любом творческом проекте должна быть конкурсная основа.

Михаил Алексеевич поднимает тему сохранности существующих памятников. В том, о чем он говорит, ничего неизвестного для нас нет. Когда реализовывалась программа по реставрации памятников, посвященных павшим солдатам Великой Отечественной войны, мы обнаружили, а речь все-таки шла о районных памятниках, что не все из них в установленном законом порядке оформлены в собственность муниципалитета, и документация по ним оформлялась органами местного самоуправления уже в период подготовки программы к реализации. В настоящее время мы визируем вторую программу по памятникам Великой Отечественной войны, с нею мы выходим в села, и знаем, что столкнемся с той же ситуацией. По закону содержание подобных памятников лежит на муниципалитетах, но не все муниципалитеты оформили права на памятники. Региональные программы, призванные обеспечить сохранность памятников, параллельно вынуждают исправлять ситуацию и в плане закрепления права собственности муниципалитетов на объекты культурного наследия.

Что касается фестивалей скульптуры, то мы рассматривали вариант применительно к деятельности художественного музея после его реконструкции. Во дворе музея можно будет проводить различные фестивали, в том числе фестиваль деревянной скульптуры, поскольку он менее затратен для участников по стоимости материала. На сегодня реально также говорить, например, об организации конкурса проектов, эскизов памятников за счет средств грантов в сфере культуры.

Материалы
подготовила Лариса Вигандт.

Доброе кино возвращается

В начале ноября в Москве прошел IX международный фестиваль «Лучезарный ангел», который имеет своим попечителем Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. С фильмом «Исток» стала участником этого кинофорума Вера Уразова.

беседовал
КОНСТАНТИН
ГРИШИН

ИГУМЕН КИПРИАН (ЯЩЕНКО),

один из организаторов кинофестиваля «Лучезарный ангел»:

— Мы встречались с организаторами Каннского фестиваля. Они сказали: «Ваши фильмы не имеют шансов попасть в программу Каннского кинофестиваля. Во-первых, в фильме должно быть сочувствие нетрадиционной половой ориентации. Во-вторых, должна быть проблема наркотиков или пьянства. И, в-третьих, хотя бы проблема антисемитизма». Вот такая традиция сложилась сейчас в кино, в оценке, в наградах. Такие ориентиры, под которые подстраивают фильмы.

Мы расспросили Веру Анатольевну о впечатлениях от поездки, особенностях конкурсной программы и вкладе алтайских авторов в общее кинодело России.

— Вера Анатольевна, какие работы вы показали на международном благотворительном фестивале кино?

— В этот раз я ездила с полнометражным документальным фильмом «Исток» о Золотухине. Первопричиной создания фильма послужил юбилей Валерия Сергеевича. А в основу картины легли его дневники, записи, интервью, беседы с братом, односельчанами, его учителем Владимиром Степановичем Фоминым, с которым актера связывает шестидесятилетняя дружба. Золотухин говорит: «В моей жизни было два Владимира — Владимир Высоцкий и Владимир Фомин». Это и есть основа фильма.

— Почему именно Золотухин? Насколько эта тема близка вам?

— Первое мое знакомство с прозой Золотухина произошло в детстве. Я прочитала тогда его книжку «На Исток-речушку, к детству моему». То есть знакомство с писателем опередило встречу с актером! Готовясь к съемкам картины, я прочитала недавно изданный на Алтае двухтомник избранного Валерия Сергеевича и его обширные дневники

1. Кинофестиваль «Лучезарный ангел» проходил в киноцентре «Соловей» на Красной Пресне.
2. Игумен Киприан (Ященко).

Фото Веры Уразовой.

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ «ЛУЧЕЗАРНЫЙ АНГЕЛ»:

67 игровых, анимационных и документальных фильмов из России, Белоруссии, Украины, Армении, Казахстана, Кипра, Польши, Франции, Норвегии, Эстонии, Бельгии, Италии, США.

3

3. Вера Уразова,
режиссер-документалист
и начальник отдела
по созданию
видеофильмов КАУ
«Алтайкиноцентр».

(15 томов!). В них прослеживается удивительная судьба очень противоречивого человека.

— По какому принципу собирали материал для фильма?

— Мне неинтересна была та скандальная личность, которая навязана телевидением, прессой, интернетом. Мы не хотели останавливаться на «жареных» фактах, провокационных высказываниях актера, хотелось показать Золотухинскую «глубину», чтобы он предстал человеком, которому свойственны не только «раскрученные» греховные, но и неизвестные большинству благородные поступки. И мне кажется, нам удалось открыть героя по-новому.

— Как принимали фильм на фестивале?

— Хорошо принимали! Фильм шел в тематическом показе «Жизнь замечательных людей». Отзывы дирекции кинофестиваля оказались хорошими, в частности Татьяна Похило сказала: «Низкий поклон вам за фильм. Спасибо, что сделали не слащавое кино, не переборщили со своей любовью к Валерию Сергеевичу». Конечно, я присутствовала в зале на просмотре. Народ реагировал примерно так, как у нас на Алтае. Там, где смеялись наши зрители, смеялись и московские. Хорошо принимали Поводыря — учителя Владимира Степановича Фомина.

— Чем стал для вас фестиваль?

— Фестиваль — это прежде всего праздник искусства. Это и урок, и новые знакомства, встреча с интересными работами, с направлениями в кино, наконец, это встреча с незнакомым тебе зрителем. Фестиваль проходит под духовным попечительством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. И конечно, конъюнктура фестиваля прослеживалась. Мы принимали это как должное, как особенность. Призером фестиваля мог стать фильм, который поднимает тему церкви, священства.

Я на «Лучезарном ангеле» уже второй раз. На мой взгляд, фестиваль «Лучезарный ангел» изменился. Вырос. И содержательно, и организационно. Конкурсную программу формировала комиссия во главе со священником Владимиром Волгиным.

Все показы проходили в киноцентре «Соловей» на Красной Пресне, это многозальный. Для фестиваля выделили пять залов, и из них самый большой — на 550 мест, с огромным экраном (23 метра) — для показов лучших игровых фильмов. За дни фестиваля зрители увидели около 200 картин. Палитра фестиваля разнообразна: это и внеконкурсные игровые, анимационные и документальные фильмы; детская и историческая ретроспективы; ретроспектива фильмов режиссеров-юбиляров; тематические

показы. «Лучезарный ангел» и Исторический музей подготовили совместный проект, который назывался «Кино-зеркало истории». Обязательным элементом фестиваля является специальный показ, который, как правило, представляет зарубежный фильм. В этом году был представлен фильм-участник VI Римского международного кинофестиваля — «Ночь Плащаницы» итальянского режиссера Франческо Сарачино. Картина оказалась в некоторой степени провокационной и вызвала бурное обсуждение после просмотра. Зритель ее скорее отверг, чем принял.

Попасть на все показы было нереально. Выбирала то, что считала интересным. После просмотра фильма шли беседы, обсуждения, мастер-классы. Я побывала на мастер-классе Владимира Ивановича Хотиненко. Очень интересно и познавательно. Кроме того, ежедневно — семинары, круглые столы, экскурсии в монастыри, выставки-форумы. Голова кругом от насыщенности программы.

— Что запомнилось из программы?

— Девиз фестиваля «Лучезарный ангел»: «Доброе кино возвращается». Это согласуется с девизом Шукшинского фестиваля, знаменитой фразой Василия Макаровича: «Нравственность есть правда». Некоторые кинематографисты в своих выступлениях к девизу относились скептически. Потому что для них доброе значит примитивное, сладкое. Я не согласна с этим. Я понимаю доброе кино как созидующее, оно рождает желание делать добрые дела.

Один из организаторов фестиваля, игумен Киприан, рассказывал нам: «Найти доброе игровое кино было невероятно трудно. Многие снимают чернуху или что-то подобное, потому что все ориентированы на Запад.

Как выживать в этой системе людям, которые хотят «чувства добрые лирой пробуждать»? Нужно объединяться! То, что организаторы не работают с регионами, не выезжают с показами, — это упущение. Очень печально, что на всех этапах создания фильма — сценарий, кинотехнологии, прокат — мы не можем конкурировать с американцами. Но я верю — это дело будущего. Нужно верить в добро и самому быть нравственным. А быть хорошим специалистом — это в нас есть «по умолчанию».

— Вы говорите о деле будущего. Что, в Барнауле реально снимать кино?

— Реально. И не только в Барнауле, но и в крае, и в Сибири. Я считаю, что сегодня есть возможность создать в столице края Алтайскую киностудию. Мы готовы снимать доброе кино и кино для детей — то, чего сейчас так не хватает.

«Мы будем метаться и мифы читать...»

Номер журнала, который вы держите в руках, необычен. В преддверии праздника мы приготовили для нашего заветного, «подкожного» читателя сюрприз: литературный отдел, который составили стихи и проза авторов из разных регионов нашей страны, и даже ближнего зарубежья! Этот дерзкий план продиктован желанием дать современный срез молодой и зрелой словесности нашей Родины. Мы намеревались отобрать несколько стихотворений по высшему, «гамбургскому счету», дабы украсить традиционные историко-краеведческие и культурно-образные страницы новым содержанием и блестящей формой. Что, собственно, и сделали.

Большинство стихотворений литературной странички можно отнести к жанру элегии, но элегическое настроение авторов тонко аранжирует совсем другая тема — праздничная и новогодняя. Ледяная вечность, девственно белый снег, Южный полюс завораживают не только петербуржца Александра Бутко, но и сибиряков Ивана Образцова с Константином Комаровым. А привычка давать вещам новые имена объединяет идеологически чуждых друг другу, но состоявшихся поэтов Ивана Жданова (легендарного) и Дмитрия Мухачева (молодого).

Некоторые авторы раздела знакомы друг с другом, многих отделяют расстояния в тысячи километров, но в наш мобильный век «Фейсбука» это никого особенно не печалит. Мы по-прежнему будем «метаться и мифы читать в Желдоре, Балашихе, Красной Купавне», «называть котов ветхозаветными именами», читать друг друга и чувствовать — метафизически — родное плечо за каждой дорогой сердцу и памяти аватаркой. Потому что русская литература едина, и поприще у нас одно — волшебный русский язык.

Что касается прозы, то литературный отдел открывает сегодня вам двух совершенно разных, но по-пушкински глубоких авторов — киевского прозаика Платона Беседина с рассказом «Яблоки, или Подлинная история Евы» и барнаульского журналиста Евгения Скрипина, приславшего нам главу из еще не изданной книги «Барнаульские поэты без иллюзий».

Приятного вам чтения и с Новым годом!

Константин Гришин.

КОНСТАНТИН ГРИШИН

Родился на Алтае, в селе Мамонтово 17 марта 1986 года. Окончил филологический факультет АлтГУ. Участник совещания писателей «Молодая литература Алтая» (апрель 2011 года) в секции поэзии и прозы, Международного совещания молодых писателей (Каменск-Уральский, 2011) в семинаре критики. Публиковался в журналах «Ликбез», «Встреча», «Барнаул литературный», «Культура Алтайского края», «Алтайская миссия», «Урал», «Литера Днепр».

КОНСТАНТИН КОМАРОВ

г. Екатеринбург

Константин Комаров родился в 1988 г. в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (бывш. УрГУ им. А.М. Горького). Автор литературно-критических статей в журналах «Урал», «Новый мир», «Вопросы литературы» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «эссеистика» (2010). Участник Форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2010, 2011). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Бельские просторы», «День и ночь», других журналах, сборниках и альманахах, на сетевом портале «Мегалит». Автор трех сборников стихов. Член Союза российских писателей. Живет и работает в Екатеринбурге.

ПИСЬМО Н.А.

Если душой не кривишь, значит, душу кровавишь,
 Вечный стратег застарелой незримой войны,
 Но тишина пианино, лишённого клавиш,
 Кажется мне безысходней простой тишины.
 Чёрные вороны красятся в белых и каркают громче,
 Стая огромна, но каждый прекрасен и крут,
 Старыми сказками кормит их новенький кормчий,
 Им всё равно, и они с удовольствием жрут.
 Может быть, правда, темны аллегории эти,
 Только ведь я не пишу проходные хиты.
 Но пустота, где живут лишь поэты и дети,
 Кажется мне необъятней простой пустоты.
 Я заскочил в этот мир покурить и погреться,
 Курево есть, а тепла — невеликий улов.
 Только слова, что срезаешь с поверхности сердца,
 Кажутся мне повесомей обыденных слов.
 Что мне ещё рассказать тебе, милая Нина,
 Не забывая пока, но уже не любя?
 Может, как Батюшков видел во сне Гёльдерлина,
 Так же во сне я однажды увижу тебя...
 Хочется радости, да вот как бы узнать бы,
 Где эта радость, да рифма опять не велит.
 Всё заживает, всегда заживает до свадьбы,
 Всё заживает и после уже не болит.
 Время пройдёт, ничего не поставив на место,
 Промарширует по нам, как военный парад.
 И, поддевая зрачком глину этого текста,
 Может быть, ты улыбнёшься, и я буду рад.

ПИТЕР

На Васильевском острове плавленный ел я сырок,
 я бы мяса поел, только денег уже не осталось,
 уезжать не хотелось, ведь здесь даже в крике сорок
 что-то слышится — кажется, будто бы из Мандельштама.
 Я влюблён в прямизну этих мощных уверенных линий,
 что томленьё пространства практически сводят на нет,
 пересекаешь по Невскому, словно какой-нибудь Плиний,
 а не как по Свердловску убогий свердловский поэт.
 Питер, я прорастаю в тебя до упора,
 до излома сетчатки, до звона пустых позвонков,
 я тебя увезу далеко — на Уральские горы,
 Питер, я тебя в строчки упрячу — и буду таков.
 Вечереет уже, и в Неве, как в зеркале летеиском,
 отражается всё, что я знаю теперь наизусть,
 и туманное небо щекочет шпиль Адмиралтейства,
 и, пришпорив коня, Пётр топчет посконную Русь.
 Послезавтра уже поднимусь я немного фатально
 на родной и привычный заплёванный третий этаж
 и по дням потеку с безмятежным спокойствием Фонтанки,
 утешаясь лишь тем, что зафоткал я весь Эрмитаж.
 Но доеден сырок, и осталась одна лишь сорока,
 беспокойно бедняге, кроит побледневшую тьму,
 и на этот раз чудится что-то как будто из Блока,
 и молчит Петербург, но отвечает вечность ему.

* * *

Полушёпотом, только губами
 Расскажи мне о том, как с нуля,
 Спесь у Хаоса чуть поубавив,
 Возникает из слова земля.
 И из этой земли прорастает,
 В форме дерева или горы,
 Всё, что хочешь, здесь схема простая:
 Так богами творятся миры.
 Ты молчишь и с собою уносишь
 Эту смертную дикую страсть.
 И качается циферка «8»,
 И готовится набок упасть.

* * *

Наплевать, что слова наплывают
 друг на друга в усталом мозгу.
 Обо мне ничего не узнают,
 если я рассказать не смогу.
 Но не в этом ирония злая
 задыхания строк на бегу:
 о тебе ничего не узнают,
 если я рассказать не смогу.
 Снова рифмы морскими узлами
 я в бессонные строфы вяжу.
 Ни о чём ничего не узнают,
 если я обо всём не скажу.

* * *

Такая ночь на свете белом,
 такая тьма и тишина,
 что понимаешь только телом,
 насколько гибельна она.
 А звёзды скалятся недобро
 и всё зовут меня туда,
 где ледяные кажет рёбра
 беспозвоночная вода,
 где вечно безответно эхо,
 насколько громко ни кричи,
 где тихо тлеют тонны смеха,
 спрессованного в кирпичи,
 там даже дышится натужно,
 там уязвима вся броня.
 Я знаю: мне туда не нужно,
 но кто-то знает за меня...

* * *

Подковырнуть снежок слегка
 носком и на скамью усесться,
 зима начальная сладка,
 как сигарета после секса.

Снег, тонкий-тонкий, как капрон,
 асфальта покрывает дикость.
 И веришь: победит добро,
 как говорил об этом Диккенс.

Почувствуй: время расползлось
 и не зудит теперь под кожей,
 Все растворил — и боль и злость —
 сей снег, на счастье так похожий.

Взгляни, как нежно этот снег
 облепливает твой ботинок.
 А ты ведь просто человек.
 Ты — человек, а он — бытиен.

Ты глхнешь от трамвайных визгов,
 ты пьешь чай и ешь варенья...
 А тут — смотри! — все в снежных искрах
 пространство поглощает время.

Завороженный и веселый,
 сидишь, свободно, без нажима
 в себя вдыхая невесомость
 кружащих в воздухе снежинок.

Сидишь ты, молодой и дерзкий,
 с блистанием в глазах лихих,
 и понимаешь: снег, как детство,
 безвременен и — как стихи.

Нащупаешь в кармане пачку,
 достанешь и сорвешь фольгу,
 покуришь глубоко и смачно
 и повалешься в снегу.

И будешь прыгать, как апачи,
 и чушь веселую замелешь.
 И вновь закуришь... И заплачешь...
 Хоть и считал, что не умеешь.

ДМИТРИЙ МУХАЧЕВ

г. Барнаул

* * *

Вот женщина становится твоей,
 сгорает солнце, заживает рана.
 Не будет больше пресных февралей,
 бесцветных дней в обнимку со стаканом.

Метеоролог вдруг отменит шквал,
 отдел культуры вспомнит о Шагале.
 Как в школе, помнишь, парус бури ждал,
 так мы с тобой совместной ночи ждали.

Я покажу тебе Чике-Таман,
 хромых шаманов таинства и пляски.
 Мы позабудем пыльные тома
 и древние бессмысленные сказки,

сбежим туда, где роуминга нет,
 эфедра защищает от депрессий
 и падают в поля куски ракет,
 тотемов шепот обращая в песню.

* * *

Потеряны связи с солнцем, контакты с центром.
Время ползет, и уже двадцать пятый год
я используюсь, бэби, только на десять процентов,
остальное тихо и меланхолично гниет.

О, сколько во мне угля и полезных масел,
драгоценной руды и артезианской воды!
Такие расклады, увы, абсолютно не красят,
не возносят к звездам, не встраивают в ряды.

Эскалатор на небо работает бесперебойно,
торты пекутся, публика веселится.
Оппозиция врет, что в Багдаде не все спокойно, —
посмотрите только на нежные эти лица.

* * *

загадочная зима, пьянящая тьма, дворы и дома.
нет никаких трагедий вне твоего ума,
а есть только скрип усталый космического колеса,
да эта волшебная лестница в сиреневые небеса.

холодный воздух полезен, как промывание ран.
хруст под ногами, очарование твоего двора,
где magic stairway to lilac heaven и ты к перилам приник.
пора бы тебе, приятель, учить язык

Дмитрий Мухачев
родился в 1985 году.
Окончил филологический
факультет АлтГУ.
Публиковался в журналах
«Знамя», «Линбез», «Алтай»,
«Барнаул литературный».

ИВАН ОБРАЗЦОВ

г. Барнаул

* * *

Иван Образцов родился
в 1977 году. Окончил
экономический факультет
Бийского государственного
университета. Автор
поэтических книг «Квантовая
лирика», «Лебединые песни
XXI века».
Ведущий литературных
клубов: «КГБ»
(Культура Города Бэ)
в краевой библиотеке
им. В. Я. Шишкова,
в центральной библиотеке
им. Ядринцева г. Барнаула,
библиотеке №1,
в ДК Железнодорожников
г. Новоалтайска.
Живет в Барнауле.

И от Малой Олонской рукою подать до Речного,
где ныряют под мост катера по-осеннему плавно,
а я больше не новый — я их провожаю без слова,
и без жеста я их провожаю в речные туманы.
А ведь правда — что там остается на глади свинцовой,
кроме следа осеннего, кроме осадка разлуки?
А на Малой Олонской уже не осталось знакомых —
и я еду в автобусе, грея дыханием руки.
И я грею дыханием эти застывшие звуки.
И я перечисляю запутанных судеб смятенье.
Тополя у Речного, киоски, бутылки, окурки —
вот и все, что осталось в следах и осадках осенних.
И от Малой Олонской рукою подать до Речного,
где ныряют под мост катера по-осеннему плавно...
А я больше не новый — другой, но, конечно, не новый —
и осеннее солнце встаёт и плывёт над туманом.

* * *

Вот снег, первый снег, двадцатое октября,
И пятна земли, и вечнозелёные стебли осоки...
А я никогда не любил проводить в своей школьной тетради поля,
Я был слишком длинный, а мама сказала — высокий.
И вот я торчу из-под снега, из черной земли,
Торчу на полях, слишком вечнозелёный и длинный,
А мама моя и какие-то люди чужие под снегом легли,
И мне это так все по-детски обидно, обидно.
И вечером, дома, уткнувшись в родное плечо,
Твержу про себя: «Моя светлая, в этой тревоге
Меня не оставь и не пожалей ни о чем.
Скажи, что я вовсе не длинный, а твой и высокий».

ЕВГЕНИЙ СКРИПИН

г. Барнаул

БОРИС КАПУСТИН

(Глава из книги «Барнаульские поэты без иллюзий». Печатается в сокращении)

Человек умирает, и по каким-то необъяснимым законам он становится известным, говорит Евгений Головин, писатель-мистик.

Капустин — единственный из барнаульских поэтов, героев этой книги, которого я никогда не видел, хотя мог бы — странно, что мы не пересеклись, ведь с большинством его друзей я был знаком. Но не случилось. Но ощущение такое, что как раз Капустина я знаю лучше, чем других поэтов: для этого достаточно прочесть его стихи.

Вероятно, по необъяснимым законам, о которых говорит Головин, это будет происходить и дальше: все больше людей будут узнавать Капустина, все шире станут расходиться по России его книги, и рано или поздно поэт займет то место в русской поэзии, которого достоин.

Почему у истинных поэтов так ясны, четки, прозрачны строки и эфемерна, будто проступает из тумана, жизнь? Не у всех, но Борис Капустин именно из тех поэтов, кто приходит в мир как будто с обнаженной душой, то есть как будто это и не человек, а душа бродит неприкаянной, по миру, не находит себе места. Кто они, эти люди, зачем пришли к нам на землю?

Я оттуда, откуда растет трава.

Я оттуда, где не говорят.

Я оттуда, где жизнь права.

А смерти нет. Я оттуда, брат.

Я оттуда, из заповедных мест.

Не осталось их нынче, друг.

Ты забудь меня. Погляди окрест.

Может, вымотришь что вокруг.

Его жизнь, как и положено поэту, легендарна. Когда Борис умер, это случилось в новогоднюю ночь с 1996 на 1997 год, поэт один сидел на коммунальной кухне у телевизора, и его надо было хоронить, хватились, что у покойного нет паспорта. Обошли окрестные комки, где поэт мог предположительно заложить документ за алкоголь, но тщетно. Хоронили на казенный счет, будто бомжа.

Борис Капустин прожил жизнь с номенклатурной мамой-фронтвичкой, у Марии Францевны вся грудь была в орденах и медалях и не было правой руки, и родной теткой Ольгой Францевной. Когда их обеих не стало, он как-то очень быстро проделал обратный путь из большой двухкомнатной квартиры в приличном районе на коммунальное дно: в комнатенку с железной кроватью, стулом и радиоточкой, больше ничего в комнате не было. Обычно у людей, наоборот, вся жизнь уходит на то, чтобы докарабкаться до двух-трех комнат в приличном районе.

Как и многие поэты, Борис Капустин угадал (или накликал) свою смерть, сумел точно описать ее при жизни:

Вот сейчас, сейчас, сейчас
новый день и год случится.

Сердце перестало биться,

и душа оборвалась,

и в зенит рванулась из

остывающего тела,

мрака, срама, беспредела...

Теперь понятно, что это хорошие стихи. Но они были хороши и в тот день, когда только были записаны. Между тем при жизни Бориса Капустина поэта Капустина как будто не было. Листая сейчас воспоминания о нем, можно подумать, что Капустин прожил в Барнауле бурную писательскую жизнь. Вот он на фото в краевой библиотеке рядом с Владимиром Свинцовым и Леонидом Мерзликиным, сутулится — худой, высокий, на полголовы выше Мерзликина. Презентация книги Капустина «Тайному другу», 1987 год. Стоит обратить внимание на год — в это время за книги еще платили! Через три года выйдет вторая, «Строгая зима». Еще через четыре — третья, с толстовским названием «Е.б.ж.», за нее он некоторое время будет получать стипендию Демидовского фонда, а в ноябре следующего 1996 года, незадолго до смерти, в той же Шишковке состоится творческий вечер Бориса Капустина.

Но ведь это и все! Три тощеньких книги вышло у поэта, несколько подборок стихов и два или три раза появился он на людях за свои все же 48 лет жизни. Книг, к стати, вовсе могло и не быть. Капустин для их выхода не сделал ровно ничего. Редакторы обижались:

СПРАВКА

Евгений Скрипин с 1981 года работает в барнаульских газетах: «Молодежь Алтай», «Алтайская правда», «Вечерний Барнаул», «Два слова». В последних двух он был главным редактором. Сейчас работает PR-сотрудником в сетевой энергокомпании.

Подготовил к печати книгу «Барнаульские поэты без иллюзий». О чем книга? «В энергетике, — говорит Скрипин, — есть понятие: системообразующие подстанции. По тому же признаку отобраны имена в книгу. Это и уже ушедшие от нас поэты Леонид Мерзликин и Владимир Башунов, и ныне здравствующие и творящие: от знаменитого Ивана Жданова до молодого (но настырного) Василия Сыроежкина. Кроме задачи рассказать о творчестве самых талантливых поэтов Барнаула, у книги есть сверхзадача: разобраться, что же есть поэзия и кто такой поэт». Удалось ли это автору — судить читателям.

невозможно было заставить Капустина хотя бы отдать рукопись, донести ее до издательства. Пожалуй, это единственный случай в местной литературе, а может быть, и мировой, когда издатели хотели издать книгу больше, чем писатель.

Как и любой поэт, Борис Капустин, разумеется, хотел увидеть свои стихи напечатанными. Но, во-первых, Борис всегда что-то правил, то есть сомневался, что довел стихи до совершенства. Во-вторых, даже в 1987 году книгу еще трудно было напечатать, не бодря искусственно стихи (как кучера бодрят и горячат лошадь перед клиентом). Чего Капустин делать не умел. А редакторская правка тех лет?! — от нее стонали все ценившие свое слово поэты. Вероятно, сомневался поэт и в читателях. Недаром первый сборник он назвал «Тайному другу». Некоторые видят в этом тайном друге самого Бориса.

Первые строки –
звук ключевой,
Словно на стройке —
цикл нулевой.

Камнем, стихами —
правда нужна.
Стоит слукавить —
рухнет стена.

Поэт, быть может, усмехаясь про себя, позволял друзьям-поэтам быть первооткрывателями его дара. Находить в ящике стола пачки листов и ахать: это же готовый сборник! Друзья с трудом понимали, как это, имея ясный ум и несомненный талант, можно ничего не делать для того, чтобы продемонстрировать это широкой публике. Это воспринималось слабостью поэта, отсутствием бойцовских качеств или, быть может, все-таки ущербностью таланта, его нежизненностью, неготовностью бороться за себя.

Между тем ничего удивительного в образе жизни Бориса Капустина, никогда ни-где толком не работавшего и, будь его воля, никуда б не выходившего из дома дальше гастронома, не было. Недоучившийся в двух вузах, курс журналистики в МГУ и три в Барнаульском педагогическом, филология, он, по свидетельствам его знакомых, был нестандартно, тонко образован и хорошо информирован. Той правде о жизни, что он, вероятно, всегда чувствовал интуитивно, Борис смог позднее найти подтверждение в любимой русской философской прозе. Вот что пишет, например, в книге «Смысл жизни» (1925 год) Семен Франк: «На вопрос: «Когда же наступит день торжества правды и разума на земле, день окончательной гибели хаоса и бессмыслицы?» есть только один трезвый, спокойный и разумный ответ: «В пределах этого мира — никогда». Всегда в этом мире будет царить бессмысленная случайность, всегда жизнь человека будет кратким отрывком, и всегда зло, глупость и слепая страсть будут царить на земле. И на вопрос: «Что делать, чтобы прекратить это состояние, чтобы переделать мир на лучший лад?» — есть только один спокойный и разумный ответ: «Ничего — потому что этот замысел превышает человеческие силы».

Как выбирается из этих жестоких ответов Семен Франк, чтобы все же позитивно объяснить смысл жизни, можно узнать, прочитав его книгу, тем более что она тонкая. Мы же отметим, что Франк уже в этом бесконечно прав: никакая работа и никакое служение обществу не имеют смысла, если человек не разобрался, как оно все тут устроено и какому надо посвятить свою жизнь поприщу, чтобы не исчезнуть в веках, как песчинке, но спасти свою единственную жизнь.

Странностей в жизни Капустина хватает. Даже даты его короткой жизни можно записать как 1948–1996, а можно щедро кинуть в промежуток между тире еще год: 1948–1997. Я видел и то, и это. Только в юности, на краешке судьбы, жизнь Бориса была видимо насыщенной событиями: школа, выпускной, экзамены в вуз, армия. Но и здесь не все как у людей. Вот его армия — Капустин служил под Ленинградом — в стихотворении «Февраль»:

Я ехал совсем одинокий,
огромному городу враг,
на Волково кладбище к Блоку,
солдат, не имеющий прав.

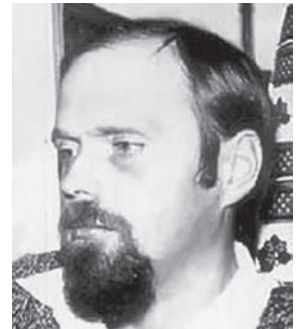
Я ехал в пустынном вагоне,
повязанный близкой «губой»,
ну, как он меня проворонил,
патрульный наряд ретивой?

И пьяный начальник погоста
уважил шинельку мою,
привел меня к Блоку и бросил,
и я перед цепью стою.

Чугунные звякают кольца.
Как жилка височная бьется —
поземка у сумрачных плит.
Как славно. Душа не болит.

Как тихо. Душа отболела.
Над жизнью утратила власть.
И выйдя неслышно из тела,
с серебряным снегом слилась.

Мы долго на землю летели,
земля нас в себя приняла.
И черные цепи гудели,
как черные колокола.

Борис Капустин.

Предпоследнее четверостишие «Как тихо. Душа отболела...» будет высечено на памятнике Борису Капустину на месте его последнего пристанища: Черницком кладбище.

Вокруг Бориса всегда были люди. Десятки поэтов Барнаула гостевали в хлебосольном доме у сестер Капустиных. Когда сестры умерли, друзья-поэты следом за Борисом перекочевали в однокомнатную, но еще отдельную квартиру, а затем и в коммунальную малосемейку. Правда, в этом доме хороводились уже другого сорта люди. Все реже заходили знаменитые поэты, все чаще — графоманы и обыкновенные ханыги. Последние как будто носом чуяли, когда у Бориса появлялись деньги. Жалкие рубли занимались у друзей поэтов, тотчас пропивались. Никто из друзей, разумеется, не думал ждать возврата долга — это была дань пропавшему поэту.

Мало кто, впрочем, из опрошенных мною поэтов, хорошо знавших Бориса, назвал себя его другом. Друг детства — да. Добрый товарищ потом — да. Почти не знакомый в последние годы жизни человек — пожалуй. Самыми верными друзьями поэт мог, наверное, как Пушкин, считать книги.

Всю жизнь Капустин перечитывает Пушкина и Лермонтова и «всю линию философской поэзии, которая идет от Лермонтова»: Тютчев, Анненский, Случевский, Заболоцкий, Тарковский... Среди экзотических литературных увлечений Бориса Капустина называют Иосифа Бродского. Поэт убеждал друзей, что Бродского надо читать: в лучших стихах он тонок и глубок. Вообще, у Капустина, запойного читателя, на каждый месяц был любимый поэт. «Хочешь, — сказал он в интервью издателю и редактору Валерию Тихонову, много сделавшему для популяризации стихов Бориса, — прочитаю тебе самые гениальные строки русской поэзии?» И процитировал Фета:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

Борис на память произнес «и в даль идет». Может быть, это даже лучше. Но в оригинале — «в ночь».

Один из немногих трезвых, кто еще заходит в комнату Бориса, — это странный маленький человек с седыми пушкинскими бакенбардами: Сергей Сорока. Вероятно, Сорока, как настоящий городской сумасшедший, считал себя новым воплощением Первого русского поэта. Сорока подкармливал Капустина. «Последний год его жизни был, даже вспомнить страшно, в такой нищете. Часто у него нечего было есть. Я ему вначале приносил гонорары, но он их тут же отоваривал водкой, и у него появлялись друзья. Он сам попросил, чтобы я вместо денег давал продукты», — пишет Сорока на своей странице в «Стихах.ру». Он еще найдет своего биографа, Сергей Анатольевич Сорока (или, в миру, Кротов). Инициатор строительства памятника Пушкину в Барнауле, король графоманов и талантливый менеджер, легко разводящий толстосумов, учредитель страннейшего фонда «Пушкин и поэт», которому многие поэты Барнаула обязаны своими сборниками.

Перебрав, Капустин мог уснуть за столом, но никто не помнит, чтобы Боб, как звали его близкие друзья, скандалил. Отчего же пьют поэты? Оригинальную трактовку предложил один мой друг. Русский человек, сказал он, не способен полноценно жить без чувства вины. Если у него все хорошо и он, как говорится, никому не должен, то такой человек быстро черствеет, и гребет только под себя. Но это противно человеческой природе вообще, а природе нашего человека в особенности. Но какая такая особая вина может быть у человека, если он не вор и не убийца? Никакой. Вот и вгоняет человек себя в искусственное пьянство и всё, что обычно с этим связано, чтобы потом, очухавшись, испытать горечь вины перед людьми и сделать все, чтобы ее загладить. Возможное и невозможное. А у художников все чувства просто удесятерены в масштабах, вот они и пьют сильнее, или звонче, других.

Но ближе к истине, на мой взгляд, другая трактовка. Об этом, кстати, говорит поэт Иван Жданов в эссе, написанном как предисловие к книге Капустина «Е.б.ж.», но не попавшем в книгу — видимо, Жданов прорезинил предисловие, не успев написать или отдать к выходу сборника. В художественном творчестве, пишет Жданов, происходит изменение сознания — переход в другие миры из обыденности. Но есть и элементарный способ изменения сознания: алкоголь, наркотики. Художник, как существо из далеких высот или великих глубин, заболевает после путешествий туда. Испытывает нечто подобное кессонной болезни. Многие погибают. Дают же умирающему какое-нибудь средство, чтобы уменьшить его мучения!

Только, по-моему, не средством снять кессонную болезнь служит поэтам алкоголь. Хотя и это тоже. Но прямо способом шагнуть из ненавистной, смертельной обыденности

в другой, верхний мир. Ошибочно, конечно: в алкоголе нет тонких миров. Хорошо хоть, что у русских больше в ходу рашен водка. Тоже ничтожный, но все-таки не безвозвратный заменитель бесконечности.

Еще одну странную, поистине гоголевского масштаба загадку оставляет нам поэт Капустин. С кем бы ни говорил я — с мало знающими быт Бориса людьми или людьми, сопровождавшими поэта до последних дней, до гробовой доски, — все говорили мне, что у Бориса не было друзей. Странно. Ведь мера таланта поэта, вообще художника, напрямую связана с потенциальностью — об этом знает каждый, кто, как говорится, в теме.

Сам Капустин вскользь обозначает тему в одном из известных мне стихотворений. Борис, несомненно, был одним из самых интересных людей в своем классе. Одноклассники избрали его президентом неформальной, секретной для учителей демократической Республики, которую он, вероятно, сам и выдумал. Но был ли интересен этот мальчик девочкам-девятиклассницам?

...Помнишь пыльные признанья
в дебрях вербы и ольхи?
Вот оно, твоё посланье —
чьи-то странные стихи:

«Любовь — амор по-латыни,
от любви бывает мор,
море слёз, тоски пустыня,
мрак, морока и позор».

В эту заумь я не верил.
Жизнь распахивала дверь.
Золотые птицы пели.
Кружат вороны теперь.

Как случилось, как совпала
та записочка с судьбой,
как же ты предугадала
несуразный жребий мой?

Три музы ухаживали за поэтом до его последних дней, три Татьяны. Ухаживали именно в том смысле, что давали поэту поесть и одеться. Интимными подругами Бориса они не были. Они, кстати, и схоронили, обмыв и принарядив поэта, увезли Бориса на Черницкое. Одна из них, Богданова Татьяна, позднее выходила, вымолила памятник поэту.

Мимо меня гудят деревья.
Мимо меня течет река.
Мимо меня прошла царевна.
А царь валяет дурака.
Жизнь пронеслась на легких крыльях.
Сиял огонь. И нет огня.
Мать навсегда глаза закрыла.
Мимо меня. Мимо меня.
И если есть шальное счастье
другого, нового огня,
то суждено ему промчаться
мимо меня.
Мимо меня.

Цитируемые здесь стихи Капустина — отличные стихи. Но я не уверен, что это его лучшие стихи. Нет под рукой ни его книг, ни более-менее полных подборок: какие-то куски, отрывки... Но это все можно по крайней мере при желании найти, прочесть. А вот осталось ли потомкам его, так сказать, литературное наследие? То есть сохранены ли рукописи, записные книжки, дневники и что там еще полагается иметь писателю по смерти. Или их сразу после похорон смели и вынесли вместе с пустой посудой? Или ничего такого у поэта вовсе не было?

Путем недолгих перезвонов со знакомыми поэтами я вышел на тех, кто был в комнате Бориса сразу после его смерти. Это были те самые Татьяны. Оказалось, что наследие поэта передано ими, именно Богдановой Татьяной, в литературный музей 27-й школы. То есть лежит буквально за моим окном. Знаменитая 27-я, где учился Борис и придумывал свою Республику, переехала в новое здание на Красноармейском. Мой дом напротив. Нет, я не пойду в музей. Небось, и не покажут. То есть правильно сделали бы, что не показали рукописи человеку с улицы. Хорошо бы обратить внимание на рукописи Бориса Капустина Госархиву Алтайского края или какой-нибудь серьезной писательской организации (членом ни одной из них Капустин не был). Чтобы потом, когда окончательно всем станет ясно, что Борис Капустин был лучшим поэтом девяностых годов, не только у нас — в России, не кусать локти и не говорить, что мы не знали.

АЛЕКСАНДР БУТЬКО

г. Балашиха

ЛЕГЕНДА

*«Там, под мостами, имеют
обыкновение ночевать, или,
вернее сказать, квартировать,
парижские бездомные...»
Й. Рот*

В часы, когда темнеет мост,
когда мучителен, непрост
и страшен мир в таком разрезе —
святой пропойца Йозеф Рот
возврата к прошлому не ждет,
но хочет долг отдать Терезе.

Она приходит по утрам,
зовет его в далекий храм,
зовет и называет братом...
а ночь бездонна, холодна,
и смотрит, стоя у окна,
на звезды старый император.

А.М.

Если для жизни не хватит снов,
если устану, борясь с волнами,
в Грецию плыть, называть котов
ветхозаветными именами,

если однажды в глухую ночь
разом остынут звезда и трубка —
я не зачтую вспомню дочь...
В греческой амфоре — темной, хрупкой

та же останется пустота,
что и в сосуде времен Давида.
Лишь в утешенье Творцом одна
нам на судьбу прощена обида.

* * *

Виденье, Мария, Великая мать —
и в годы разрухи ты будешь нужна мне:
мы станем метаться и мифы читать
в Желдоре, в Балашихе, в Старой Купавне.

К разбитым асфальтам, к разгулу элит
приученные привыкать понемногу,
но, как фараоны своих пирамид,
по крышам хрущёвок идущие к Богу,

к какому-то звездному русскому Ра
который любовью на нас не прольется...
мы будем прощаться с тобой до утра —
до первых веков, до вселенной без Солнца.

А утром все это опять создадим —
акрилом, гексаметром, взглядами, кожей,
уснем и проснемся, друг друга простим,
забудем, но станем взрослее и строже.

* * *

Живя в пространстве красот неявных,
зачем-то опять с укором
в Балтику листьев дубовых, плавных,
кронштадтским плывешь линкором.

Стоишь растерянным декабристом
под мокрым московским кленом,
бредешь в придуманное... Очнись ты:
оранжевое с зеленым,

давно затягивает руины
безумье акварелиста...
Не будет славной твоей марины
и гордого декабриста.

А будет осень начала века,
принявшая вид закона,
и ты, мечтавший дожидаться снега,
в дубовом листке Харона.

ИЗ ЦИКЛА

«ЛЕТНИЙ САД»

Если за тёмной оградой
кто-то в слезах умирает —
думать об этом не надо,
плакать об этом не надо —
это изгнание из Рая,
это изгнание из сада —
время от края до края...
И отражается зримо
в красном мече Херувима
вечность моя ледяная.

* * *

Я учил себя, искупленья ради,
не бояться тихой высокой тени:
это жизнь приходит к моей кровати
и кладет мне голову на колени.

Так похоже на дерево и на тучу,
на грозу, на слезы... еще светлее...
Но кровать растет, как гора, все круче;
и уходит тень, обо мне жалея.

Нет ни душных комнат, ни улиц ранних,
тишина... земле ни конца, ни края...
И молчит, отрекшись, один избранник
у огня, в ночи, и дрожит, страдая.

Александр Булько 26 лет.
Родился в г. Братске. Учился
в Литературном институте.
Жил и работал
в Санкт-Петербурге.
В настоящее время проживает
в г. Балашиха Московской
области.

ОЛЬГА ЕРМОЛАЕВА

г. Москва

Ольга Ермолаева родилась после Победы в городе Новокузнецке (в то время Сталинске) Кемеровской области. Длительное время жила на дальневосточной станции Бира (Хабаровский край); четыре детских года — в селе Подтесово, на Енисее.

С августа 1968 года по сентябрь 1969-го была маршрутной рабочей в геологической приисково-разведочной партии на Сихотэ-Алине; в 1970 году работала воспитательницей в детском доме для «трудных» детей на станции Бира.

Долгие годы занималась журналистикой.

В 1975 году окончила режиссерско-театральное отделение Московского государственного института культуры.

С 1978 года заведует отделом поэзии журнала «Знамя». Стихи публиковались в центральной печати; изданы сборники стихотворений «Настасья» (1978), «Товарняк» (1984), «Юрьев день» («Советский писатель», 1988), «Анютины глазки» (Фонд русской поэзии, Санкт-Петербург, 1999). Принята в Союз писателей в 1980 году. Живет в Москве.

* * *

«...это ветер Петровского парка!»
Владимир Луговской.

слышу, слышу весенний гул,
по Москве дымок хуторской,
между соснами волейбол
в санатории над рекой...
ветер кварц несёт в Барнаул
из Монголии, Луговской...

синим зеркальцем блещет рельс.
где припёк, мазут, креозот —
нежный трепет воздушных линз —
Цейс, их целый стеклозавод!

а давно ль обещал кранты
конь в пальто, из Караганды;
да во льду собачьи следы —
словно в грубом стекле цветы...

...вот пройду с прозрачной толпой,
к виноградной прильну толпе —
мой татарский словарный слой
лишь о влаге, лишь о судьбе! —

слышишь, слышишь:

«чишма», «кисмет»!..

...первых сонных шмелей басы,
оголтелый апрельский свет,
поливальных машин усы,

и бесплотных тел мельтешня,
и понятней день ото дня
кто зачем-то продал меня,
иль случайно пропилил меня.

7 мая 2009 г.

* * *

Отгулял в захолустье мой сад,
и персоны родные
так смущённо и юно глядят
в эти дни наградные.

Всё тут — жизни бедняцкий обоз,
всё — о жизни рыданье...
Морок леса, цыганский гипноз
вновь внедрился в сознание:

вот Солярис по душу мою!..
что ж, и ровню и пару
покажи сквозь прореху в раю,
как с борта — Кандагару:

мой полковник-лопух-лейтенант
здесь в составе природы,
и замкнули мы нашим «Шиндад»
Минеральные Воды...

...Я прошу об отваге, где — край,
где томится и тает, —
про маньчжурские сопки пускай
в голове мне играет...

...Мать ушла и очей не смежив,
как в подводном — открыла...
Эти яблоки, белый налив,
изо всех и любила.

30 сентября 2011 г.

* * *

Ни промедола, ни ваты
нет у валькирий с собой:
с плёнкою, мужиковаты,
чёрною — пилят на бой...

Дар Леонардо — сфумато
краше в степи восковой.

В смёрзшихся комьях навозных
путь. Не фиксируй всего
камерой. Далее — воздух.
Больше, чем нужно, его.

Да элеватор в дозоре,
видный с орбиты. Живьё.
Всюду энергия горя.
Больше, чем сдужишь, её.

Что ж ты, молёный-божёный
шутись жестоко со мной? —
страшной степи просквожённой
вряд ли покажешься — свой...

Здесь лишь меня привечали
долго: в серьгах бирюза,
да, зеленой от печали,
зорко глядели глаза...

Бойня. В кювете — бутылки.
Грунт развезёт к февралю.
Сплошь — кукурузы бодылки.
Но я и это люблю.

ПЛАТОН БЕСЕДИН

г. Киев

Рисунок
Александра Пана.

ЯБЛОКИ,
ИЛИ ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ ЕВЫ

Ко мне подошел Адам и сказал: «Ева, только без глупостей, Ева». Чего еще можно ожидать от мужчины? Только очередной несурязицы. Если бы он не был мужчиной, то прекрасно бы понимал, что женщина без глупостей — уже не женщина.

Пока он предавался своим вечным размышлениям о бытии и благодати мироздания, я гуляла. Конечно, сначала мы совершали прогулки вместе. Но только сначала. Потом они ему надоели. Он решил отдохнуть, немного побыть наедине с собой. Наверное, если бы Адам был более внимателен, требователен ко мне, все было бы по-другому.

Больше всего меня раздражало благополучие. Все это ровное течение времени, событий, обстановки. Бытовуха убивает. Это верно. Особенно если бытовуха лишена эмоциональной окраски.

И тогда, во время очередной своей пешей прогулки, я забрела в рощу. Великолепную, как и все в Эдеме. Эта идеальность меня и раздражала более всего. Когда все ровно. Когда все прекрасно. Когда все идеально.

Женщина устает жить в мире, где все хорошо. Она хочет еще лучше. Неважно, как это будет достигнуто, ценой каких усилий; главное — еще лучше. Потому что рано или поздно устаешь: от мира, гармонии, любви. Хочется остротки: эмоционального взрыва, исполнения каприза, размолвки, наконец. Не потеряешь — не найдешь. В том смысле, что сложно осознать всю ценность того, чем постоянно владеешь.

Адам приучил меня к тому, что я всегда буду счастлива. Не в смысле исполнения желаний, а в смысле их отсутствия. Жизнь без страстей исключает страдания. Страшно сказать, но и помечтать не о чем.

Вам, конечно, сложно даже представить такое. Вам, думающим о лучшей работе. О подарках на праздники. О девушке, встреченной в метро. У вас есть что желать. О чем мечтать. Страсть делает человека живым. Она всегда твердит ему, что где-то там есть лучшая, более прекрасная и совершенная жизнь.

Здесь, в Эдеме, ты уже на пике. Выше, лучше, прекраснее ничего нет, а стало быть, и нет мечты, нет стремления. Конечно, нет и разочарований, боли утраты, горечи поражения — нет всего того, что делает человека сильнее.

Правда, что скрывать, даже здесь я ухитрялась предаваться мечтам о лучшей жизни. Женщине всегда кажется, что нет предела совершенству. Всегда есть что улучшить, подправить, изменить.

Наверное, это одна из причин того, что случилось. Тогда, в саду. Отец говорил мне: «Ева, не бери плодов», — но кто слушает отцов? И вот подвернулась возможность. Этот смазливый змей ухитрился так вывернуть дело, что мне захотелось отведать запретного плода. Почему?

Вторая причина — гордость. Мол, запрещаете, а я все равно сделаю по-своему.

Вечная женская гордость, куда уж без нее? Все сделать так, как хочу того сама. Надоели эти запреты. Свобода ведь не в их отсутствии, а в их наличии; при условии, что запреты эти ставит человек, которого ты любишь, и ставит он их так, что ты сама понимаешь, что, собственно, никогда и не хотела их нарушать.

В Эдеме с запретами ситуация патовая. Их вроде бы и нет, по той простой причине, что нечего запрещать, но запрещать приходится.

И вот этот змей извивается вокруг меня. Извивается так, словно хочет продать мне самый залежалый товар по самой высокой цене. Конечно, я поняла, что он искушает. Если бы не искушал, то уж наверняка бы елеем с раздвоенного языка меня не смазывал. Поняла я, что и подсовывает он мне, в сущности, черт-те что — ересь да гниль.

Но, вот представьте, сидите вы в золоте с утра до вечера да питаетесь одними дивными яствами, а тут вдруг приносят вам мерзкого варева в медной тарелке. Заинтересуетесь, наверняка заинтересуетесь, потому что меди-то никогда и не видели. Да и про варево расскажут так, как в лучших ресторанах. Мол, деликатес, редчайшее блюдо, а оно — все, что дорого, как правило, мерзко выглядит.

А тут еще вся эта змеиная реклама. Шипит он слоганы, шипит свои дифирамбы, то с одного боку зайдет, то с другого, а оно же страсть как хочется запретного попробовать. Попробовать, чтобы, в сущности, понять, что есть оно на свете, запретное, иное, чем эдемское совершенство. В уродстве красота ведь лучше всего и отражается.

Потом всё свалят на меня; грехопадение — женское дело. Но скажите мне, господа судьи, в каком грехопадении женщины обошлось без мужчины?

Адама я узнала сразу. Весь этот нелепый маскарад с переодеванием в змея ему удался плохо. Уж не знаю, где он додумался найти этот змеиный костюмчик.

Впрочем, чего не сделаешь, дабы проверить свою женушку? Это, знаете ли, в природе мужчин: испытать, чтобы лишний раз убедиться в верности, а значит, и в правильности своего выбора.

И вот он сидит, Адам, муженек мой, в образе змея да диктует свои искушающие манифесты. Я думаю: «Была не была, хоть узнаю, что оно есть, это несовершенство». Ведь, знаете, когда каждый день совершенство видишь, его-то только и знаешь, начинает казаться, что и не совершенство это вовсе, а так — обыденность.

Откусила я. Вкус, надо сказать, препоганый, мерзкий до безобразия. Наверное, если бы был он лучше, то я бы и заподозрила неладное. Мол, чего это муженек мой мне такую вкуснятину скармливает? Ан нет! Ловушка устроена так, что изначально мерзко до невозможности, а потому и втягиваешься. Похоже на первую затяжку сигаретой.

Откусила я яблоко, приснула слюной и давай бежать обратно, к мужу. Знаю, что сидел он на ветке, но фокус ведь в том, чтобы примчаться домой раньше него, разоблачить, доказать, что нехорошо это — собственную жену проверять.

Прибежала я домой, а Адам развалился, предается думам своим высоколобым. Думаю, может, змей был настоящий. Смотрю так пристально в глаза мужу и успокаиваюсь. По блеску глаз угадала, что все же прятался на дереве, увещевал меня искушениями именно мой Адам.

Протягиваю ему яблоко, на, мол, попробуй. Он смотрит на меня как на дуру да отнекивается. Не хочет от плода запретного кусать.

Я тогда думаю, ну уж нет, я попробовала, значит, и ты туда же. Не мытьем так катаньем уговорила его. Куснул, стало быть, яблочка, которым сам меня потчевал.

Поели мы, отплевались — и только тут поняли, как же хорошо все-таки в Эдеме. Лучше и не найдешь. Смотрим, зачаровываемся и понимаем, что мы в этом великолепии отныне самые неидеальные элементы. И в сердце такая радость, живая, блаженная, всеобъемлющая. Только радость эта будто и не наша уже, а чья-то чужая, тех, кем мы были.

Дальше вы и так все знаете. Появился Отец и отправил нас туда, где каждая частичка мира напоминает нам о том, чего мы лишились.

С тех пор и ходим мы по планете, я и Адам, и все никак не можем открыться друг другу, что отведали мы яблока по собственному недоразумению да лени, не решаясь довериться и признаться в том, что один не остановил другого, пойдя на поводу собственной гордости.

Теперь мы заключены в теле каждого, кто вступает в брак. Мы взираем друг на друга их глазами, миллиардами глаз, много веков подряд. Наблюдаем, как в очередной ссоре они продолжают бросаться друг в друга яблоками, не желая остановиться на миг, осмотреться по сторонам и понять, что их окружает самое прекрасное, имя которому «любовь». И, поверьте, совсем не обязательно надкусывать яблоки для того, чтобы в лишний раз убедиться в великолепии и благодати своего Эдема.

Платон Беседин родился в Севастополе (1985).

Образование — высшее техническое и высшее психологическое.

В начале 2012 года в Украине и России вышел роман «Книга Греха».

Печатался в сборниках прозы «Станция Рай»,

«Рассказы новых писателей», «Русский автобан», «ЛитЭра» и др.

Более 70 публикаций в периодических изданиях России, Украины, США, Германии («Новый берег», «Крещатик», «Москва», «Радуга», «День и ночь», «Дети Ра» и др.).

Рассказы переведены на немецкий, украинский и белорусский языки.

Победитель, финалист конкурсов «Нонконформизм», «Активация слова», «Дебют», «Согласование времён», «Славянские традиции» и др.

Куратор Форума молодых писателей в Украине.

Критик и книжный обозреватель в периодике России и Украины.

ИВАН ЖДАНОВ

Крым

ПАМЯТИ ВЕРЫ ВОРСИНОЙ

Господа емлет, а душу неймёт
мир чужедальный —
так выпадают сгустки высот
вестью печальной.

Так и ушла ты, руки не подав
мне, спозаранку,
жест отречения пряча в рукав,
как на свиданке.

И, умирающий смертью любой
не для примера,
понял и я при разлуке с тобой,
в чем моя вера.

Вера-надежда, вера-любовь
в сердце вращая, —
объединенная с Господом кровь —
вера святая.

Имя твое — сокровенных имен
суть и отвага,
имя твое — пережитых времен
иго и благо.

Никнут совместные сорок годов,
словно колосья,
их не заменит и тыщи братьёв
многоголосье.

Тысячекратной пробы поток
ярого света —
и оглянуться никто уж не смог,
видя все это.

Не уходи же смиренно во мрак —
сопротивляйся.
Дай мне какой-нибудь видимый знак —
хоть попытайся.

Сорок моих сороков не у дел —
тихо и пусто.
Кто бы последнее слово допел
сорокоуста.

Барнаул, 30 июля 2012 г.

Иван Жданов родился 16 января 1948 года в селе Усть-Тулатинка Чарышского района Алтайского края, одиннадцатый ребенок в семье крестьянина. Печатается с 1978-го. Автор книг стихов: «Портрет» (1982), «Неразменное небо» (1990); «Место земли» (1991); «Фоторобот запретного мира» (1997, 1998). Выпустил книги стихов в Париже и Копенгагене. Член СП СССР. Лауреат Премии Андрея Белого (1988), первый лауреат Премии Аполлона Григорьева Академии русской современной словесности (1997), лауреат литературно-кинематографической премии имени Арсения и Андрея Тарковских (2009). Живет в Крыму под Ялтой в поселке Симеиз.

**Андрей Никулин.
Голубой Алтай**

Хотите знать о картине больше?

Воспользуйтесь бесплатным
приложением RM GUIDE:

1. С телефона на платформе ANDROID или IOS зайдите в ANDROID MARKET или APP STORE.
2. Выберите и установите программу RM GUIDE.
3. Запустите программу, наведите телефон на код под экспонатом.
4. Получайте информацию в виде фото, текстов, аудио и видео файлов.

Подробнее — на стр. 16.

